

178.5
P82

Книгоиздательство „НАУКА.“

Н. А. Рубакинъ.

Среди книгъ.

Общій алфавитный указатель авторовъ
и предметный указатель будутъ даны при

II томѣ.

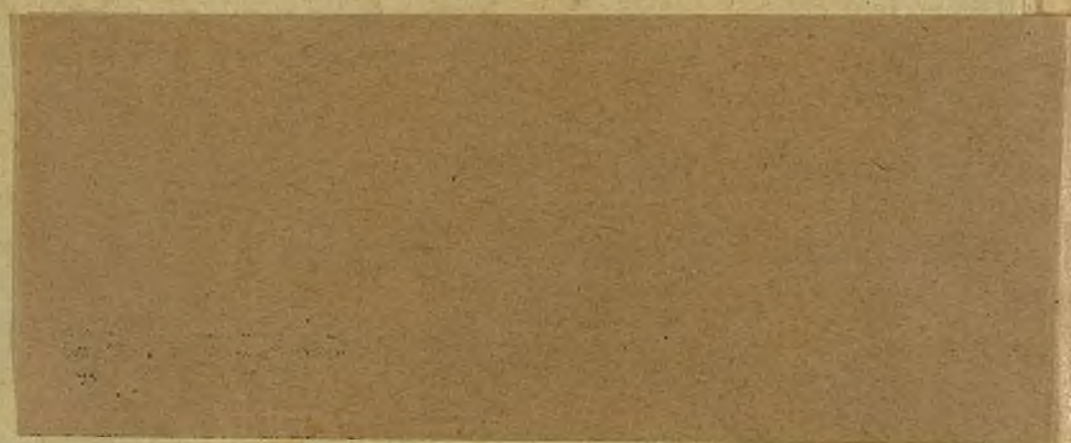
СОДЕРЖАНІЕ:

Книжныя богатства, ихъ изученіе и распространеніе.—Теорія и практика.—Общій планъ самообразованія въ цѣляхъ выработки общаго міросозерцанія.—Классификація наукъ и классификація книгъ. Подборъ книгъ по беллетристикѣ и по разнымъ отраслямъ знаній.—Примѣрный каталогъ большой общеобразовательной библіотеки изъ 22.000 названій лучшихъ русскихъ книгъ, вышедшихъ послѣ 1825 года. Организация небольшихъ общеобразовательныхъ библіотекъ: домашнихъ, кружковыхъ, общественныхъ.

ТОМЪ I.

ЯЗЫКОЗНАНІЕ, ЛИТЕРАТУРА, ИСКУССТВО, ПУБЛИЦИСТИКА, ЭТИКА
въ связи съ ихъ исторіей.

МОСКВА.—1911 г.



78.5
P82
Книгоиздательство „НАУКА.“

Н. А. Рубакинъ.

Среди книгъ.

ОПЫТЪ ОБЗОРА РУССКИХЪ КНИЖНЫХЪ БОГАТСТВЪ ВЪ СВЯЗИ СЪ ИСТОРИЕЙ НАУЧНО-ФИЛОСОФСКИХЪ И ЛИТЕРАТУРНО-ОБЩЕСТВЕННЫХЪ ИДЕЙ.

СПРАВОЧНОЕ ПОСОБІЕ ДЛЯ САМООБРАЗОВАНИЯ И ДЛЯ СИСТЕМАТИЗАЦИИ И КОМПЛЕКТОВАНИЯ ОБЩЕОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХЪ БИБЛИОТЕКЪ, А ТАКЖЕ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНОВЪ.

Издание 2-е, дополненное и переработанное.

муниципальное казенное учреждение
культуры Муниципального
образования город Ирбит
«Библиотечная система»

СОДЕРЖАНИЕ:

Книжные богатства, ихъ изученіе и распространеніе.—Теорія и практика.—Общій планъ самообразованія въ цѣляхъ выработки общаго міросозерцанія.—Классификація наукъ и классификація книгъ. Подборъ книгъ по беллетристикѣ и по разнымъ отраслямъ знаній.—Примѣрный каталогъ большой общеобразовательной библіотеки изъ 22.000 названій лучшихъ русскихъ книгъ, вышедшихъ послѣ 1825 года. Организация небольшихъ общеобразовательныхъ библіотекъ: домашнихъ, кружковыхъ, общественныхъ.

ТОМЪ I.

ЯЗЫКОЗНАНИЕ, ЛИТЕРАТУРА, ИСКУССТВО, ПУБЛИЦИСТИКА, ЭТИКА
въ связи съ ихъ исторіей.

МОСКВА.—1911 г.

МОСКВА.

Типографія П. П. Рябушинскаго, Страстной бул., Путинковскій пер., соб. д.
1911.

ПОСВЯЩАЮ ЭТОТЪ ТРУДЪ
ПАМЯТИ МОЕЙ МАТЕРИ

ЛИДИИ ТЕРЕНТЬЕВНЫ
РУБАКИНОЙ

(† 5 Юня 1905 г.),

двадцать лѣтъ работавшей среди книгъ и
научившей меня любить книгу и верить
въ ея непреоборимую и свѣтлую мощь.

Дмитрий Терентьев
Рубакин

ИЗДАНИЕ ПЕРВОЕ
ПЕРВОЕ ИЗДАНИЕ

ИЗДАНИЕ ПЕРВОЕ
ПЕРВОЕ ИЗДАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ
ОБЩАЯ ЧАСТЬ
ОСНОВНЫЕ ПРИНЦИПЫ

У. 34694

Иркутск
I
Библиотека

Предисловіе къ первому тому второго изданія.

Первое изданіе этой книги вышло въ августѣ 1905 г., т. е. въ самое неудобное время для всякаго рода библиографическихъ трудовъ. Тѣмъ не менѣе, въ два съ половиной года, несмотря на довольно высокую цѣну, все изданіе было уже распродано, вопреки ожиданіямъ составителя, отнюдь не рассчитывавшаго на столь радушный пріемъ.

Успѣхъ перваго изданія наглядно показываетъ, до какой степени русскій книжный рынокъ нуждается въ общихъ библиографическихъ указателяхъ и обзорахъ книжныхъ богатствъ, имѣющихся къ услугамъ русскаго читателя. Всякій работникъ книжнаго дѣла, всякій учащійся, всякій работающій надъ своимъ самообразованіемъ долженъ эти богатства знать возможно шире, возможно глубже и полнѣе, для того чтобы искать и находить по любому вопросу такую именно книгу, которая даетъ достаточно полный и ясный отвѣтъ на этотъ вопросъ и болѣе или менѣе подходит для даннаго читателя. Но такихъ общихъ обзоровъ до сихъ поръ нѣтъ, и составленіе ихъ представляетъ чрезвычайныя трудности. Чтобы составить такой обзоръ, необходимо прежде всего имѣть подъ руками огромныя количества книгъ, затѣмъ еще большее количество всякаго рода оцѣнокъ, критикъ, рецензій, описаній этихъ книгъ; далѣе, необходимо изучить и всѣ эти книги и ихъ оцѣнки и, наконецъ, все это сопоставить съ русской читающей публикой,—ея нуждами, потребностями, привычками, вкусами.

Нужно ли доказывать, сколь огромное значеніе имѣлъ бы для ея широкихъ круговъ такого рода общій обзоръ, если бы когда-либо и кѣмъ-либо онъ былъ составленъ? Такъ или иначе, сдѣлать, по крайней мѣрѣ, первую попытку его составленія—пускай даже самую слабую, самую несовершенную,—во всякомъ случаѣ необходимо. Недосмотры и промахи, неизбѣжныя въ такомъ кропотливомъ трудѣ, впоследствии могутъ быть сглажены и исправлены; работа единоличная можетъ быть затѣмъ замѣнена коллективной. Но, пока что, первый шагъ лучше не откладывать, и книга, которую мы теперь выпускаемъ въ свѣтъ, представляетъ изъ себя именно такого рода попытку, такого рода первый шагъ. Она настолько отличается отъ перваго изданія, что по этому поводу теперь же необходимо сказать нѣсколько словъ.

Первое изданіе этой книги представляло изъ себя сравнительно небольшой каталогъ наиболѣе цѣнныхъ русскихъ книгъ (до 7500 названій), классифицированныхъ по ихъ содержанию и по трудности изложенія. Этому каталогу предшествовало введеніе, въ которомъ было дано объясненіе самаго плана каталога и отчасти формулированы принципы оцѣнки книгъ и трактовался довольно запутанный и сложный вопросъ о классификаціи наукъ.

Принимаясь за подготовку второго изданія, составитель рѣшилъ сдѣлать, быть можетъ, черезчуръ для него смѣлую попытку и дать нѣчто большее,—болѣе существенное, важное и необходимое, а именно—не только каталогъ книгъ, но и сравнительный обзоръ ихъ по особой системѣ, положивъ въ основу этого обзора не только классификацію явленій и областей жизни, но и исторію научно-философскихъ и литературно-общественныхъ идей. Полагая въ основу своей работы анализъ жизни (а не условную схему наукъ, работающихъ надъ ея разностороннимъ освѣщеніемъ и изученіемъ), составитель предполагалъ, такимъ образомъ, самымъ планомъ каталога приблизить къ жизни лучшія книги, ея освѣщающія и помогающія разбираться въ ней. Полагая затѣмъ въ основу научныхъ и всякихъ иныхъ теорій и вообще толкованій жизни историческую точку зрѣнія, съ которой всѣ оттѣнки и направленія мысли одинаково подлежатъ изученію, если они въ достаточной степени уже опредѣлились въ жизни, составитель старался, такимъ образомъ, сдѣлать свой обзоръ книгъ возможно объективнѣе, безпристрастнѣе, полагая, что „исторія мнѣній—лучшій, хотя и строгій судья ихъ“. Ставя свою работу на такую почву, составитель желалъ бы прежде всего избѣжать упрековъ въ пристрастіи, полагая, что время, нами переживаемое, прежде всего должно быть временемъ безпристрастной оцѣнки, а буде нужно — и переоцѣнки всякихъ программъ,—всѣхъ безъ исключенія. Такимъ образомъ, партійная точка зрѣнія совсѣмъ исключена изъ этой книги и замѣнена внѣ-партійной, или, точнѣе говоря, надъ-партійной (см. §§ 25 и 73 введенія, „Борьба съ тенденціозностью и односторонностью оцѣнки“), и потому мы заканчиваемъ первую часть этого труда (§ 89), слѣдующимъ образомъ формулируя принципъ, положенный въ его основу: „Будемъ прежде всего смотрѣть на то, что могло бы соединить людей, а не на то, что разъединяетъ ихъ“.

Такимъ образомъ, второе изданіе этой книги представляетъ изъ себя опытъ обзора лучшихъ русскихъ книгъ въ связи съ исторіей научно-философскихъ и литературно-общественныхъ идей,—опытъ, далеко не совершенный во многихъ отношеніяхъ, но, во всякомъ случаѣ, первый такой опытъ, и не только въ Россіи. Сколько намъ извѣстно, такихъ обзоровъ не существуетъ ни на французскомъ, ни на нѣмецкомъ языкахъ, если не считать „*Librairie rationaliste*“, изд. Reinwald'a и „*Litterarische Ratgeber*“, изд. Dürersbund'a,—двухъ очень краткихъ указателей лучшихъ французскихъ и нѣмецкихъ книгъ, съ небольшими характеристиками ихъ въ предварительныхъ замѣчаніяхъ къ каждому отдѣлу. Впрочемъ, оба эти указателя слишкомъ кратки, односторонни и совсѣмъ не преслѣдуютъ цѣли, намѣченной нами выше.

Эту послѣднюю, относительно второго изданія нашего труда, можно формулировать такъ:

Мы желали бы дать всѣмъ работникамъ книжнаго дѣла, бібліотекарямъ, книгопродавцамъ и т. д. и всѣмъ работающимъ надъ своимъ образованіемъ и самообразованіемъ возможность ориентироваться въ русскихъ книжныхъ богатствахъ, познакомиться съ общей наличностью тѣхъ книгъ, которыя представляютъ наибольшій интересъ въ цѣляхъ общаго образованія и выработки общаго міросозерцанія, составляющаго главный и основной фундаментъ

всякихъ наукъ и искусствъ, вѣрованій, стремленій, всякихъ спеціальныхъ и профессиональныхъ знаній, техническихъ приѣмовъ, навыковъ. Мы желали бы помочь знакомству читателей не только съ заголовками и названіями книгъ, но и ихъ внутреннимъ содержаніемъ и даже характеромъ, независимо отъ заголовка, такъ, чтобы каждый работникъ книжнаго дѣла и каждый читатель имѣлъ возможность найти библиографическій отвѣтъ на любой вопросъ, относящійся къ области общаго образованія, лежащей, въ видѣ общей схемы, въ основѣ нашего труда,—по крайней мѣрѣ на главнѣйшіе изъ этихъ вопросовъ.

Благодаря трогательно-доброжелательному отношенію къ этому нашему труду со стороны издателя его, И. Б. Поздѣева, всегда относившагося съ особой предупредительностью ко всѣмъ проявленіямъ фанатической любви къ книгѣ и библиографическимъ размахамъ составителя, этотъ послѣдній рѣшилъ воспользоваться случаемъ и подвести, наконецъ, итогъ своему 35-лѣтнему сидѣнью среди книгъ, начиная съ дѣтскаго возраста, и мобилизовать всѣ свои библиографическія силы.

Двѣ области библиографическихъ знаній положены въ основу этого труда: во-первыхъ—изученіе книгъ, во-вторыхъ—изученіе читателей. Онѣ эти стороны мы никогда не отдѣляемъ одну отъ другой, какъ это было и въ первомъ изданіи, съ тою только разницей, что въ основѣ второго изданія лежитъ неизмѣримо больше матеріала, чѣмъ въ основѣ перваго изданія. Непосредственное знакомство составителя съ дѣломъ самообразованія, постоянное общеніе съ читателями, индуктивное изученіе ихъ типовъ по экспериментальному методу, выработанному самимъ авторомъ *),—все это позволило внести во второе изданіе нѣчто такое, чего не было въ первомъ.

Вотъ въ краткихъ чертахъ общій планъ второго изданія „Среди книгъ“. Сопоставивъ его съ первымъ изданіемъ, читатель самъ увидитъ, въ чемъ заключается наиболѣе существенныя перемѣны, введенныя нами во второе изданіе.

1. Это послѣднее состоитъ изъ двухъ большихъ томовъ. Первый томъ, нынѣ выходящій въ свѣтъ, заключаетъ въ себѣ двѣ части: первая часть—теоретическая, вторая—библиографическая.

2. Въ первой, теоретической части мы дѣлаемъ попытку изложить основные принципы книжнаго дѣла, выяснитъ его основныя, жизненныя задачи, въ смыслѣ сближенія книги и жизни. При этомъ, согласно указаніямъ работниковъ, мы значительно упрощаемъ наше изложеніе. Принимая за основу нашего труда схему общаго образованія, мы кладемъ въ основу этого плана классификацію явленій окружающей насъ жизни—интимной, соціальной, космической. Мы говоримъ о классификаціи явленій и о классификаціи наукъ, объ общемъ планѣ обзора русскихъ книжныхъ богатствъ въ связи съ планомъ общаго образованія, о распредѣленіи книгъ по этому плану, по его отдѣламъ, о внутренней организаціи каждаго отдѣла, о выборѣ книгъ для нихъ, о распредѣленіи книгъ по кругамъ читателей, по ихъ психическимъ и соціологическимъ типамъ, по ихъ читательской подготовкѣ. Формулируя основныя задачи книжнаго дѣла, мы стараемся осмыслить,

*) О немъ см. въ „Этюдахъ по психологіи читательства“. Изд. К. Тихомирова. Спб. 1911 г., ч. I и статьи: „Психологія книжнаго вліянія“ („Нов. Жизнь“, № 1, 1910 г.), „Этюды по психологіи читательства“ („Русск. Школа“, № 11—12 за 1910 г.), „Психологія самообразованія“ („Школа и Жизнь“, № 17 за 1911 г.).

такимъ образомъ, его практическую сторону, дать работникамъ книжнаго дѣла руководящую нить въ ихъ работѣ, въ стремленіяхъ многихъ изъ нихъ поставить это дѣло на рациональную почву.

3. Вторая, библиографическая часть нашего труда (II часть перваго тома и второй томъ) раздѣляется, въ свою очередь, на два главныхъ отдѣла. Въ первый входятъ отдѣлы изящныхъ искусствъ (въ томъ числѣ беллетристика), затѣмъ публицистика и этика, въ связи съ ихъ исторіей, исторіей литературы, литературно-общественныхъ теченій и критики. Во второй отдѣлъ этой части (и во второй томъ этого труда) входятъ общественныя и естественныя науки, математика, логика, гносеологія и философія, дѣтскій, справочный и библиографическій отдѣлы и приложения (алфавитные указатели, —именной и предметный).

4. Каждый отдѣлъ второй, библиографической части (I и II тома) состоитъ изъ двухъ частей: 1) описательной и классифицирующей и 2) собственно библиографической, перечисляющей названія книгъ. Описательная часть носитъ названіе „предварительныхъ замѣчаній“ и содержитъ сравнительные обзоры книгъ въ связи съ исторіей теорій и вообще научно-философскихъ и литературно-общественныхъ теченій. Читатель найдетъ въ „предварительныхъ замѣчаніяхъ“: а) общую характеристику каждаго отдѣла, заимствуемую нами изъ произведеній, по возможности, наиболее выдающихся авторовъ, знатоковъ данной отрасли жизни и знанія; б) болѣе или менѣе подробное сравнительное описаніе общихъ руководствъ и обзоровъ каждой отрасли знанія; в) хронологическое распредѣленіе авторовъ (по эпохамъ или десятилѣтіямъ), а во многихъ случаяхъ и по странамъ, съ указаніями годовъ рожденія и смерти авторовъ; г) распредѣленіе авторовъ по главнѣйшимъ основнымъ теченіямъ мысли и школамъ, а иногда, гдѣ представлялось возможнымъ (напр., въ отдѣлахъ исторіи литературы, публицистики, этики) и д) по нѣкоторымъ основнымъ вопросамъ, изучаемымъ данной отраслью знанія; наконецъ, е) по кругамъ читателей (по библиотекамъ трехъ основныхъ типовъ). Въ „предварительныхъ же замѣчаніяхъ“ мы знакомимъ читателя, также, по большей части, посредствомъ цитатъ изъ подлинниковъ, съ главнѣйшими теоріями наиболее выдающихся авторовъ и отмѣчаемъ наиболее существенныя пробѣлы въ русской литературѣ, указывая при этомъ тѣ произведенія (на французскомъ, нѣмецкомъ, англійскомъ, а отчасти и на другихъ языкахъ), которыя, по нашему мнѣнію, могли бы пополнить эти теоретически намѣченные пробѣлы.

5. Библиографическая часть каждаго отдѣла раздѣляется у насъ на §§, одинъ или нѣсколько въ каждомъ отдѣлѣ. Къ каждому § отнесены книги, трактующія, хотя, быть можетъ, и съ разныхъ сторонъ, объ одномъ и томъ же вопросѣ, иногда очень частномъ. Мы не боялись сильно детализировать распредѣленіе книгъ по §§, въ увѣренности, что это не можетъ не способствовать читателямъ возможно легко находить библиографическія указанія по любому, ихъ интересующему вопросу. О какомъ именно вопросѣ идетъ рѣчь въ книгахъ, отнесенныхъ къ тому или иному §, объ этомъ мы прежде всего указываемъ въ „предварительныхъ замѣчаніяхъ“. Подбирая библиографическій матеріалъ для каждаго отдѣла, мы всегда старались отдѣлять общіе обзоры и руководства отъ монографій, книги описательныя, фактическія, систематизирующія и классифицирующія, —отъ теоретическихъ и философскихъ. Каждый отдѣлъ мы старались

заканчивать философией его. Особенно важное значение мы всегда придавали книгамъ о методахъ изслѣдованія и изученія (книгамъ для практическихъ занятій). Иногда мы выдѣляли книги, имѣющія особенно важное историческое значение (напр., въ отдѣлѣ этики, исторіи, біологіи и т. д.). Такимъ образомъ, посредствомъ такого распредѣленія книгъ по §§, явилась возможность, по нашему мнѣнію, достигнуть довольно детальной классификаціи книгъ по ихъ характеру, независимо отъ заголовковъ, а это распредѣленіе даетъ возможность читателю, если не всегда, то въ огромномъ большинствѣ случаевъ судить о любой книгѣ по мѣсту, занимаемому ею въ общей системѣ. Зная № интересующей его книги, читатель даже по оглавленію нашего труда можетъ уже опредѣлить это. Въ библиографической же части мы старались распредѣлить книги и по степенямъ относительной трудности изложенія и пониманія ихъ. Эти степени обозначены при каждомъ № книги римскими цифрами. Книги, отмѣченныя римской цифрой I, доступны для читателей, получившихъ образованіе ниже средняго и начальное. Книги, отмѣченныя римской цифрой III,—книги спеціальныя, требующія отъ читателей значительной подготовки. Книги, не отмѣченныя никакой цифрой (потому что такихъ большинство),—книги популярныя, доступныя читателямъ со среднимъ образованіемъ. Книги, отмѣченныя цифрою II,—доступны для начинающихъ читателей этой послѣдней категоріи.

Все вышеизложенное въ достаточной степени указываетъ читателямъ способы практическаго использованія нашего труда. Изъ предыдущаго же видно, что второе изданіе „Среди книгъ“ весьма существенно отличается отъ перваго, и не только по числу указываемыхъ книгъ (въ первомъ изданіи около 7500, во второмъ около 20.000), но и по другимъ, внутреннимъ сторонамъ. Вышесказанное достаточно иллюстрируетъ мозаичность нашей работы,—мозаичность, которая нерѣдко повергала и составителя и его помощниковъ въ настоящее отчаяніе, вслѣдствіе полнѣйшей невозможности не только въ нужные моменты, но и вообще отыскать ту или другую библиографическую деталь, навести ту или иную точную справку (напр., о цѣнѣ книги, о ея послѣднемъ изданіи, о ея конфискаціи и т. п.). На книги конфискованныя, въ виду того значенія, которое имѣетъ для всякаго книготорговца и бібліотекаря эта сторона дѣла, мы старались обратить особенное вниманіе и возможно тщательно отмѣчали, которыя изъ нихъ испытывали такую судьбу. Кромѣ того, въ виду постояннаго пополненія списка конфискованныхъ книгъ, мы перепечатаваемъ его полностью во второмъ томѣ нашего труда,—дополненіе, необходимое, по нашему мнѣнію, для всякой справочной книги. Старались мы пополнять нашу работу и вновь появляющимися книгами, слѣдя за ними по „Книжной Лѣтописи“ и по газетамъ, а затѣмъ выписывая наиболѣе важныя для насъ новинки. Но, несмотря на всѣ наши старанія, печатаніе нашего труда, по чисто-техническимъ причинамъ, шло такъ медленно, что многія новыя книги, вышедшія въ свѣтъ во время печатанія, мы все-таки должны были отнести къ дополненію, которое и будетъ приложено ко II т. Отчасти можетъ служить вмѣсто этого дополненія каталогъ книгъ за 1910 г. *), изд. кн. маг. „Наука“. Въ виду мозаичности нашей работы, да не посѣтуетъ на насъ чита-

*) „Систематическій каталогъ книгъ, вышедшихъ въ 1910 г. Съ указателемъ рецензій“. М. 911.

тель, встрѣчая въ ней ту или иную погрѣшность, пропускъ или опечатку, помня, что со стороны составителя было сдѣлано все возможное, чтобы число такихъ погрѣшностей было возможно меньше. За указаніе таковыхъ мы во всякомъ случаѣ будемъ весьма признательны.

Переходя теперь къ техническимъ особенностямъ нашего труда, мы прежде всего должны отмѣтить, что въ его основу положено непосредственное знакомство съ книгами, просмотръ и изученіе книгъ, т. е. работа по сырымъ матеріаламъ, непосредственно по книгамъ, по возможности, независимо отъ разныхъ каталоговъ, рекомендательныхъ указателей, рецензій и т. п. чисто-библіографическихъ источниковъ. Только работая такимъ способомъ, мы имѣли возможность распредѣлить книги по содержанию, независимо отъ заголовковъ и названій. Но, не полагаясь на оцѣнку книгъ только одного лица, мы постоянно старались все-таки провѣрять себя посредствомъ возможно широкаго знакомства съ рецензіями и указателями. Всего нами просмотрѣно не менѣе 15,000 рецензій во всѣхъ наиболѣе выдающихся періодическихъ изданіяхъ и всѣ указатели, списокъ которыхъ мы даемъ въ приложеніи ко II тому. Сравнительное знакомство съ рецензіями, нерѣдко крайне противорѣчивыми, и сопоставленіе ихъ между собою и съ книгами тѣмъ болѣе заставило насъ положить въ основу нашего труда непосредственное изученіе самыхъ книгъ. При составленіи „предварительныхъ замѣчаній“ приходилось работать также по большей части по сырымъ матеріаламъ. Особеннаго труда въ этомъ отношеніи стоилъ отдѣлъ русской публицистики, исторія которой, какъ извѣстно, до сихъ поръ не написана. Чтобы набросать общую схему этой ея исторіи, пришлось не только перерывать старые журналы, но и знакомиться съ произведеніями разныхъ публицистовъ непосредственно, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ обращаться за разъясненіями къ самимъ авторамъ. Такимъ образомъ, для составленія „предварительныхъ замѣчаній“ къ этому отдѣлу, пришлось произвести не только бібліографическое, но и историко-литературное и историческое изслѣдованіе,—которое, при шекотливости темы и мозаичности работы, все-таки не вполне гарантируетъ отъ ошибокъ и промаховъ, неизбежно связанныхъ съ такимъ труднымъ вопросомъ, какъ опредѣленіе литературно-общественной фисіономіи того или иного литературнаго борца, въ особенности же принимая въ расчетъ, увы! довольно часто, встрѣчающуюся среди нихъ неустойчивость мнѣній и тѣмъ болѣе настроеній.

Слѣдующимъ приѣмомъ работы, который мы считаемъ нужнымъ отмѣтить, было изученіе книгъ съ точки зрѣнія психологическихъ и соціологическихъ типовъ читателей. Въ основу такого изученія были положены нами не только новыя обширныя наблюденія надъ читающей публикой, полученныя посредствомъ новой анкеты, произведенной нами въ 1908 г., но и новые методы изслѣдованія читательства, о которыхъ мы говоримъ въ другомъ нашемъ трудѣ, выпускаемомъ одновременно съ этимъ,—а именно въ нашихъ „Этюдахъ по психологіи читательства“ (изд. К. Тихомирова, М. 911 г.), гдѣ мы дѣлаемъ опытъ поставить вопросъ объ оцѣнкѣ книгъ на психологическую и соціологическую почву, стараясь найти возможно научный и точный отвѣтъ на основной вопросъ книжнаго дѣла: „Какая книга, на какого читателя, при какихъ условіяхъ и въ какой моментъ какъ дѣйствуетъ?“ „Среди книгъ“ и „Этюды по психологіи читательства“,

по мысли автора, должны взаимно дополнять другъ друга, составляя вмѣстѣ съ „Этюдами о русской читающей публикѣ“ *) единое цѣлое, посвященное исторіи, теоріи и практикѣ распространенія знанія, пониманія и настроенія. Практической же сторонѣ дѣла посвящено „Руководство къ самообразованію“, имѣющее выйти въ концѣ 1911 г. или въ началѣ 1912 г. и представляющее изъ себя опытъ практическаго приложенія психо-соціологической теоріи читательства, изложенной въ §§ 82—87 введенія къ этой книгѣ **).

Чтобы исполнить намѣченную нами работу по второму изданію „Среди книгъ“ непосредственно по книгамъ и въ томъ размѣрѣ и по тому плану, какъ это было указано выше, необходимо было имѣть подъ руками очень большую и хорошо организованную библіотеку. До марта 1907 г. въ нашемъ распоряженіи имѣлась библіотека Л. Т. Рубакиной, переданная нами въ мартѣ того же года въ собственность одного изъ отдѣловъ Всероссийской Лиги Образованія. Въ томъ же году болѣзнь заставила составителя этой книги переселиться надолго за границу и выбрать одно изъ двухъ: или отказаться отъ второго изданія „Среди книгъ“, или для этого изданія создать новую библіотеку, главнымъ образомъ, изъ новѣйшихъ книгъ,—книги, вышедшія до 1904—5 гг., были въ достаточной степени изучены и рукописныя замѣтки и другіе матеріалы для ихъ оцѣнки собраны при работѣ по первому изданію. Составитель предпочелъ второй выходъ и надъ вторымъ изданіемъ „Среди книгъ“ работалъ при самыхъ тяжелыхъ и неблагоприятныхъ условіяхъ, вдали отъ большихъ русскихъ книгохранилищъ, въ довольно глухомъ швейцарскомъ городкѣ Кларанѣ. Книги, необходимыя для этой работы (около 20.000 т.), пришлось собирать самыми разнообразными способами, напр., вымѣнивать на авторскіе экземпляры научно-популярныхъ книжекъ, открытъ, съ разрѣшенія издателя И. Б. Поздѣева, приѣмъ издательскихъ объявленій, для напечатанія ихъ въ приложеніи къ этому тому, причѣмъ, вмѣсто денегъ, принимать плату за объявленіе книгами, обратиться къ нѣкоторымъ авторамъ и издателямъ съ просьбою о высылкѣ книгъ на льготныхъ условіяхъ, наконецъ, не останавливаясь ни передъ какими затратами и помня лишь то, что этотъ трудъ можетъ быть изданъ или теперь, или никогда, пріобрѣтать необходимыя еще книги на деньги, употребивъ на это болѣе половины авторскаго гонорара. Многіе авторы и издатели прислали свои труды бесплатно ***). Въ концѣ концовъ, въ нашемъ распоряженіи оказалась довольно обширная и хорошо

*) Первое краткое изданіе этой книги вышло въ 1895 г., и по разнымъ, гл. образомъ личнымъ, причинамъ авторъ не могъ до сихъ поръ собраться повторить его. Въ настоящее время авторъ работаетъ надъ новымъ совершенно переработаннымъ и расширеннымъ изданіемъ этой книги, подъ названіемъ: „Исторія распространенія общественныхъ идей въ Россіи 1881—911 г.“.

**) По методу, примѣняемому въ „Руководствѣ къ самообразованію“, мы начали съ февраля 1911 г. вести передъ особенно близкими и извѣстными намъ кругами читателей въ „Новомъ журналѣ для всѣхъ“ особый отдѣлъ самообразованія, стараясь поставить это дѣло на почву индивидуализированья читательства,—приѣмъ, который не можетъ не лежать въ основѣ всего книжнаго дѣла. Позволяемъ себѣ упомянуть здѣсь объ этомъ въ смыслѣ практической иллюстраціи для той теоріи, которую мы изложили во Введеніи къ этой книгѣ.

***) Общій списокъ ихъ будетъ данъ въ предисловіи ко II тому. Пользуемся случаемъ, чтобы вновь обратиться къ авторамъ и издателямъ съ просьбой, для болѣе детальнаго знакомства читателей съ ихъ книгами посредствомъ нашихъ описаній, присылать свои труды по нашему постоянному адресу, указанному ниже.

составленная библіотека изъ 20,000 томовъ, которую мы и использовали, какъ смогли. Огромную услугу оказали и большія библіотеки Лозанны и Морже, богатыя капитальными книгами. Съ особенной радостью мы имѣемъ возможность констатировать, что въ самыхъ разнообразныхъ кругахъ работа наша встрѣтила не только идейное сочувствіе, но и дѣятельную помощь и поддержку. В. А. Келтуяла, Г. В. Плехановъ, В. И. Семевскій положили не мало труда на самый тщательный просмотръ нѣкоторыхъ отдѣловъ нашей работы. Очень цѣнныя указанія и замѣчанія, которыми мы и воспользовались, сдѣлали П. Б. Аксельродъ, Д. Антроповъ, Л. А. Бессель, М. В. Ватсонъ, ак. А. Н. Веселовскій, Gaston Cahen (проф. нансійской академіи и членъ археологическаго восточнаго института (Institut archéologique Es. Française d'É.-Orient), П. С. Коганъ, Е. Е. Колосовъ, М. Mauger, проф. лозанскаго университета, Р. К. Ольховская, С. Э. Русова, D-g Stadler (изъ Мюнхена), М. Spietzer (Изъ Будапешта), А. Тумаркина, проф. Бернскаго университета, М. René de Chavagnes (изъ Парижа), А. Шимановскій. Составитель считаетъ своею пріятною обязанностью выразить свою глубокую благодарность всѣмъ этимъ лицамъ, а также тѣмъ книгопродавцамъ, библіотекарямъ и другимъ работникамъ книжнаго дѣла, въ особенности Г. И. Поршневу, которые сдѣлали не мало полезныхъ указаній въ своихъ частныхъ письмахъ ко мнѣ. Громадный и скучный библіографическій трудъ, только что оконченный, въ сущности, представляетъ изъ себя коллективную работу, и составитель не можетъ не помянуть добрымъ и задушевнымъ словомъ всѣхъ своихъ помощниковъ и сотрудниковъ, помогавшихъ ему въ классификаціи и разборкѣ библіографическихъ матеріаловъ, въ просмотрѣ и свѣркѣ корректуръ, въ просмотрѣ книгъ и т. д., и прежде всего И. В. Гульбинскаго, Л. Д. Коральникъ, Бор. И. Лойко, О. Яр. Никольскую, Н. А. Прокофьева (изъ Кронштадта), Н. А. Ульянова, а также Л. А. Венгieri, М. И. Девель, В. Калашникову, В. А. Карпинскаго (завѣд. библіотекой Г. А. Куклина), Н. М. Лямцева (бывш. завѣд. библіотекою Л. Рубакиной), Н. Э. Мальцеву-Веймаръ, М. К. Сулятицкую, М. Г. Языкову и др., положившихъ много времени и труда на скучную библіографическую работу. Особенную благодарность долженъ принести составитель И. В. Гульбинскому, завѣдывавшему изданіемъ книги въ Москвѣ, и съ рѣдкимъ вниманіемъ и любовью все время относившемуся къ работѣ, и, наконецъ, издателю И. Б. Поздѣеву, не жалѣвшему средствъ, лишь бы по мѣрѣ силъ помочь изданіемъ этой книги развитію русскаго книжнаго дѣла *).

Встрѣчая съ разныхъ сторонъ, и извнѣ и со стороны издателя, такое сочувствіе своей работѣ, составитель имѣлъ счастье увидѣть, что его старанія несомнѣнно идутъ навстрѣчу назрѣвшей потребности книжнаго дѣла, а значитъ, и вообще русской жизни, какъ бы ни отливала она мрачными и унылыми тонами. Книжное дѣло, потому что это вмѣстѣ съ тѣмъ и дѣло просвѣщенія вообще, еще съ незапамятныхъ временъ настолько тѣсно слито съ судьбой вообще куль-

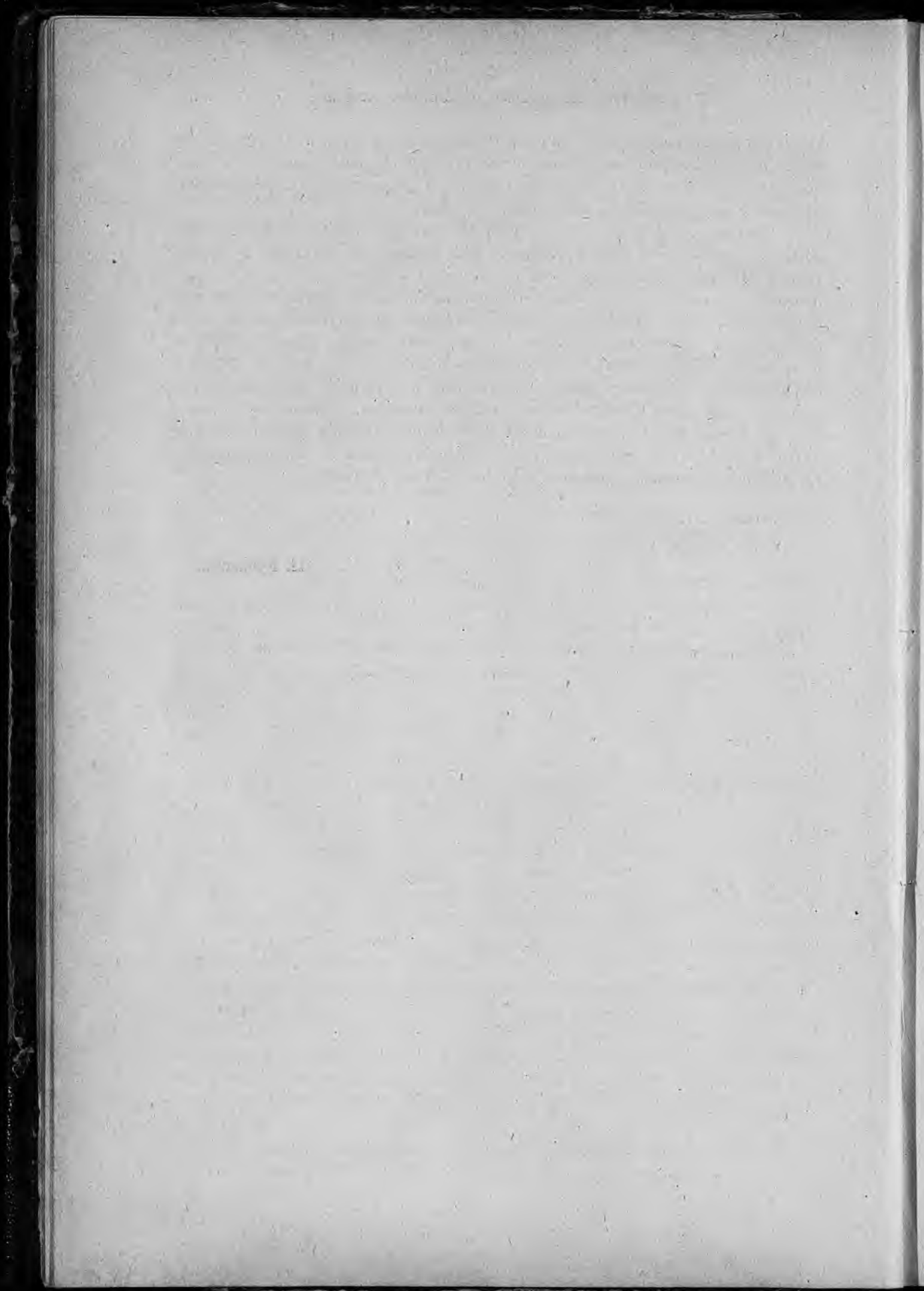
**) Составитель считаетъ своей нравственной обязанностью заявить, что вина за значительное запозданіе выхода въ свѣтъ этой книги лежитъ на немъ, а не на издателѣ.

туры, что ни свестись на нѣтъ, ни даже остановить своего развитія на болѣе или менѣе продолжительное время оно не можетъ. Работа для расширенія, а главное—для углубленія этого дѣла всегда нужна, и лишь истина и справедливость отъ этого выигрываютъ въ наибольшей степени.

Поэтому составитель глубоко увѣренъ, что не совсѣмъ бесплодно прожиты имъ, вдали отъ горячо любимой имъ родины, самые глухіе и унылые годы російскаго безвременья, что не напрасно испытаны имъ всякаго рода лишенія, и что если даже въ только что минувшіе годы не покидала его ни вѣра въ близкое свѣтлое будущее, ни бодрое настроеніе, не уступавшія ни на шагъ ни унынію, ни усталости, ни хандрѣ, то тѣмъ болѣе теперь этимъ послѣднимъ не найдется мѣста въ душѣ: книжное дѣло—одно изъ тѣхъ, которыя бодрятъ, поддерживаютъ, мѣшаютъ рукамъ опускаться, а сердцамъ размагничиваться. Книжное дѣло даже слабыхъ людей дѣлаетъ сильными. Книжное дѣло ждетъ и ждетъ неутомимыхъ и убѣжденныхъ работниковъ. И такіе, разумѣется, найдутся и сдѣлаютъ историческое дѣло. Общее стремленіе къ самообразованію, къ накопленію знанія, пониманія, настроенія—тому порукой.

30 марта 1911 г.
Suisse. Clarens,
Villa Lambert.

Н. Рубакинъ.



Предисловіе къ первому изданію.

Въ настоящее время въ Россіи ежегодно печатается около 15,000 названій книгъ, въ количествѣ, превышающемъ шестьдесятъ милліоновъ экземпляровъ. Надъ распространеніемъ этихъ книгъ трудятся не менѣе 5000 книжныхъ магазиновъ и лавокъ (не считая книжныхъ ларей, книгоношъ и т. п.) и не менѣе 20.000 тысячъ разнаго рода общественныхъ, клубныхъ и народныхъ библіотекъ и читаленъ, причемъ въ это число не входятъ quasi-библіотеки школьныя. Десятки тысячъ работниковъ стоятъ около книжнаго дѣла, живутъ среди книгъ, въ самомъ круговоротѣ ихъ обращенія, передъ лицомъ десятковъ милліоновъ читателей изъ самыхъ разнородныхъ слоевъ населенія, и милліоновъ людей разнаго возраста, работающихъ надъ своимъ образованіемъ и самообразованіемъ, передъ лицомъ быстро растущихъ и развивающихся потребностей умственной и общественной жизни, которая милліонами голосовъ вопіетъ о помощи и каждаго русскаго человѣка властно заставляетъ вооружаться знаніями и развитіемъ.

Книга — одно изъ могущественнѣйшихъ орудій просвѣщенія школьнаго и внѣшкольнаго, и вмѣстѣ съ тѣмъ одно изъ могущественнѣйшихъ орудій борьбы за истину и справедливость. Работники просвѣщенія, стоящіе около книгъ и трудящіеся надъ ихъ распространеніемъ, относятся ли они къ своей работѣ сознательно или полусознательно, не могутъ не дѣлать и, разумѣется, дѣлаютъ великое и необходимое дѣло; они служатъ всенародному развитію и общественному просвѣщенію и, являясь ихъ слугами, естественно принимаютъ активное участіе въ той борьбѣ культурныхъ, политическихъ, экономическихъ, умственныхъ, нравственныхъ и религіозныхъ, научныхъ и философскихъ теченій, которая кипитъ всюду вокругъ.

Но одно дѣло — принимать участіе въ кипучей исторической борьбѣ полусознательно и совсѣмъ другое дѣло вступить въ нее, такъ сказать, во всеоружіи книжныхъ знаній, съ опредѣленнымъ научно-философскимъ и общественнымъ міросозерцаніемъ, съ опредѣленнымъ пониманіемъ, зачѣмъ и куда итти и чего добиваться, и какими средствами. Каждый работникъ книжнаго дѣла, если только онъ не желаетъ быть простою машинкой для выдачи и разноски книгъ, долженъ стремиться прежде всего къ тому, чтобы относиться къ своему близкому, дорогому дѣлу сознательно, стремясь проникнуть въ самыя основы его и осмыслить свое отношеніе къ работѣ отношеніемъ этой послѣдней къ общему міросозерцанію. Поэтому первая и основная задача всѣхъ тѣхъ, кто стоитъ около книгъ, заключается въ выработкѣ опредѣленнаго общаго міросозерцанія. Вторая ихъ задача, имѣющая своимъ фундаментомъ первую, заключается въ томъ, чтобы познакомиться съ наличностью книжныхъ богатствъ, существующихъ на рус-

скомъ языкѣ и созданныхъ многовѣковой работой науки и литературы, оригинальной и переводной. Разобраться въ этой наличности, выбрать изъ нея все мало-мальски цѣнное и достойное вниманія, съ точки зрѣнія общаго міросозерцанія—такова третья задача, стоящая передъ лицомъ всѣхъ работниковъ книжнаго дѣла. Но это еще не все. Необходимо не только познакомиться съ наличностью наиболѣе цѣнныхъ книгъ, но и расклассифицировать ихъ по опредѣленной схемѣ, чтобы такимъ способомъ опредѣлить тѣ пробѣлы, которые существуютъ въ русской литературѣ по отношенію къ тѣмъ или инымъ отраслямъ знанія, философіи и искусства. Только познакомившись съ тѣмъ, что есть на книжномъ рынкѣ, можно съ точностью опредѣлить, чего собственно ему недостаетъ, и въ какую сторону должна быть направлена дѣятельность всѣхъ работниковъ, которые трудятся надъ созданіемъ и изданіемъ книгъ для русской читающей публики. Такова четвертая задача, стоящая передъ лицомъ этихъ работниковъ. Но и ею еще не заканчивается ихъ работа: они должны, кромѣ того, познакомиться съ содержаніемъ книгъ, которыя проходятъ черезъ ихъ руки. Но вѣдь познакомиться посредствомъ чтенія съ десятками тысячъ книгъ и съ ихъ содержаніемъ,—это дѣло въ высшей степени трудное, если не невозможное. Для этого требуется время, и даже очень много времени, котораго у работниковъ обыкновенно не достаетъ, и, кромѣ того, требуются научныя и литературныя знанія, которыя тоже не всегда имѣются налицо. Мало чѣмъ помогаютъ этому знакомству и рецензіи, въ которыхъ далеко не всегда излагается содержаніе книги. Кромѣ того, на многія книги, вышедшія 10—15 лѣтъ тому назадъ, нѣтъ никакой возможности найти рецензій. И, тѣмъ не менѣе, знакомство съ содержаніемъ книгъ все-таки необходимо для всѣхъ работниковъ книжнаго дѣла, бібліотечкарей, книгопродавцевъ и т. д. Значитъ, необходимо изобрѣсти какіе-либо новые способы для того, чтобы они имѣли возможность знакомиться и знакомить другихъ съ тѣмъ, что даютъ книги, проходящія черезъ ихъ руки. Способы эти должны быть указаны, и работники, стоящіе около книгъ, должны быть такъ или иначе ознакомлены съ тѣмъ, что даетъ и можетъ дать тому или иному читателю та или иная книга. Они должны держать въ своихъ рукахъ книжныя знанія, или, точнѣе говоря, книжные источники этихъ знаній. Они должны знать и понимать, въ какой книгѣ найдетъ тотъ или иной читатель опредѣленный и обстоятельный отвѣтъ на тѣ запросы души, которые его мучаютъ въ данное время. Заглавіе книги говоритъ еще слишкомъ мало. Работники, стоящіе около книгъ, должны быть настолько хорошо знакомы съ книжнымъ содержаніемъ, чтобы имѣть возможность, въ крайнемъ случаѣ, указывать не только книги, но и главы, и даже страницы такихъ книгъ, гдѣ читатели найдутъ матеріалъ для рѣшенія интересующихъ ихъ вопросовъ. Имѣть возможность и умѣть дѣлать такого рода указанія,—это и значитъ держать въ своихъ рукахъ книгу, какъ орудіе борьбы за истину и справедливость. Такова пятая задача, которую должны разрѣшить работники, стоящіе около книгъ и сознательно относящіеся къ своему дѣлу. Но и это еще не все. Приведя въ извѣстность наличный составъ и содержаніе книжныхъ богатствъ, существующихъ на русскомъ языкѣ, необходимо оцѣнить ихъ съ точки зрѣнія относительной трудности ихъ пониманія, ихъ относительной популярности и доступности. И эта оцѣнка всей наличности избранныхъ книгъ необходимо должна быть сдѣлана, такъ какъ безъ нея врядъ ли возможна плодотворная и планомерная работа надъ распространеніемъ книгъ въ самыхъ широкихъ кругахъ читающей публики съ ихъ самой разнообразной подготовкой. Въ этомъ и заклю-

чается шестая задача, которая тоже должна быть разрѣшена. Только при удовлетворительномъ рѣшеніи всѣхъ этихъ задачъ, каждый работникъ книжнаго дѣла дѣйствительно будетъ исполнять ту общественную, въ высшей степени важную функцію, которую онъ, въ сущности, и долженъ исполнять: распространять книги, а значить, и знаніе, пониманіе и настроеніе среди читателей, среди народа, понимая это слово въ широкомъ смыслѣ. Библіотекарь, книгопродавецъ, издатель,—все это—книжные двигатели. Всѣ они должны быть настолько знакомы и освѣдомлены въ томъ, что можетъ дать книга, чтобы на каждый запросъ, предъявленный со стороны любого читателя,—„гдѣ я могу прочесть по такому-то, въ данный моментъ интересующему меня вопросу?“—имѣть возможность дать точный и опредѣленный отвѣтъ: „на этотъ вашъ запросъ вы, человекъ, имѣющій такую-то подготовку, можете найти желательный вамъ отвѣтъ въ такой-то книгѣ“. Давать такія указанія по всевозможнымъ запросамъ, отъ кого бы они ни исходили и къ какой бы отрасли науки и литературы ни относились,—это и значить сознательно работать надъ разпространеніемъ лучшихъ книгъ, это и значить,—основываясь на требованіяхъ жизни, служить, путемъ распространенія лучшихъ книгъ, и „вѣчной истинѣ“, и „злѣ дна“. Разумѣется, весьма возможно, что многіе запросы, идущіе со стороны читателей, вовсе не могутъ быть удовлетворены посредствомъ указаній на существующія книги: вѣдь эти послѣднія иной разъ могутъ быть распроданы, иныхъ же вовсе нѣтъ и даже никогда не было на русскомъ языкѣ. Но коли этихъ необходимыхъ книгъ еще не существуетъ, то, повинувшись тѣмъ же требованіямъ жизни, необходимо искать путей для ихъ созданія.

Такимъ образомъ, передъ работниками книжнаго дѣла раскрывается еще одна весьма важная задача: пополненіе книжнаго рынка недостающими и необходимыми книгами.

Врядъ-ли нужно доказывать, какое громадное значеніе имѣеть разрѣшеніе всѣхъ этихъ задачъ на практикѣ. Разрѣшить ихъ на практикѣ,—это значить вооружить всѣхъ работниковъ, стоящихъ около книгъ, это значить одухотворить ихъ работу тѣми научно-философскими и общественными идеями, которыя являются достояніемъ нашего времени. Какъ извѣстно, на книжномъ рынкѣ существуетъ теперь нѣсколько книгъ и брошюръ, посвященныхъ технической сторонѣ книжнаго (библіотечнаго и книгопродавческаго) дѣла. Къ сожалѣнію, до сихъ поръ нѣтъ ни одной книги, которая была бы посвящена идейной сторонѣ его. Но эта-то послѣдняя и нуждается въ особенно тщательной разработкѣ. Книга, выпускаемая нами въ свѣтъ, и представляетъ скромную попытку такой разработки.

Въ этомъ нашемъ трудѣ мы старались не столько разрѣшить всѣ вышенамѣченныя задачи, сколько посодѣйствовать ихъ разрѣшенію, показать самую возможность разрѣшенія этихъ задачъ, оказать посильную помощь всѣмъ работникамъ книжнаго дѣла, а также и всѣмъ тѣмъ, кто работаетъ надъ своимъ образованіемъ и самообразованіемъ. Книга эта была задумана нами уже много лѣтъ тому назадъ, именно въ 1890 г., когда мы впервые приступили къ разработкѣ теоретическихъ вопросовъ библіотечнаго дѣла.

Въ основу этой книги положена идея, высказанная нами еще въ 1893 году, первоначально въ докладѣ, читанномъ на одномъ изъ засѣданій С. П. Б. Комитета Грамотности, а затѣмъ въ „Рус. Богатствѣ“ (1893 г., 11, 12) и въ нашей книгѣ „Этюды о русской читающей публикѣ“. Тогда мы, между прочимъ, писали:

„Для того, чтобы библіотека могла правильно работать, и чтобы она могла служить не только удовлетворенію личныхъ и всякихъ иныхъ вкусовъ, чтобы она была не однимъ раз-

влеченіемъ, а могущественнымъ орудіемъ просвѣщенія, какимъ и должна быть книга, а тѣмъ болѣе совокупность книгъ, литература, совокупный трудъ лучшихъ умовъ чловѣчества, сокровищница его знаній, мысли, чувства, стремленій и надеждъ,—словомъ, чтобы бібліотека была тѣмъ, чѣмъ она и должна быть, въ ней необходимо долженъ находиться нѣкоторый циклъ книгъ. Въ этомъ-то циклѣ, или, если можно такъ выразиться, библиотечномъ ядрѣ и лежитъ центръ тяжести каждой бібліотеки, чтобы она могла занимать свое мѣсто въ общей системѣ народнаго просвѣщенія, а не только выдавать книги на прокатъ, получая за это плату или не получая ничего. Есть книги, которыя должны быть въ каждой открытой для публики бібліотекѣ, и отсутствіе которыхъ весьма невыгодно отражается на дѣятельности ея. Выборъ книгъ долженъ быть и систематиченъ и обширенъ, чтобы каждый запросъ мысли, каждый порывъ любознательности могъ бы быть удовлетворенъ, чтобы въ бібліотекѣ нашлась книга, если и не отвѣчающая на данный запросъ, то дающая, по крайней мѣрѣ, матеріалъ для рѣшенія его. Если такъ можно выразиться, бібліотека должна быть к н и ж н ы м ъ о т р а ж е н і е м ъ вселенной. Въ основѣ бібліотечнаго состава должна лежать система наукъ, философская схема, распредѣляющая всѣ явленія міровой жизни въ извѣстной послѣдовательности и порядкѣ, напр., хотя бы схема наукъ О. Конга, которая есть, вмѣстѣ съ тѣмъ, и схема явленій міра. Для систематизаціи бібліотеки эта схема даетъ прекрасную руководящую нить. Но не въ схемѣ дѣло. Вся суть въ томъ, чтобы было выполнено главное условіе: чтобы на основаніи классификаціи явленій природы были классифицированы науки, а чтобы на основаніи этихъ послѣднихъ были классифицированы книги. Классификаціей явленій природы долженъ опредѣляться и составъ бібліотечнаго ядра. Это ядро должно представлять собою энциклопедію, хотя энциклопедію особенную—составленную изъ разныхъ сочиненій разныхъ авторовъ, разныхъ издателей, разныхъ временъ и народовъ. Эта энциклопедія, или отъ общаго къ частному, должна заключать въ себѣ нѣкоторый минимумъ наукъ, абстрактныхъ и конкретныхъ (описательныхъ), „чистыхъ“—теоретическихъ—и прикладныхъ. Эта мінімум-энциклопедія для каждой мало-мальски порядочной бібліотеки обязательна. Что касается до тахішита, то онъ граничитъ съ безконечностью и опредѣляется состояніемъ наукъ въ данный историческій моментъ (стр. 51—52).

„Но одинъ циклъ наукъ еще не вполне опредѣляетъ бібліотечное ядро. Бібліотека должна не только имѣть книги, распредѣленныя по циклу наукъ, но и облегчить всякому желающему путь къ той наукѣ, которая въ данное время интересна ему. Въ хорошей бібліотекѣ по каждой наукѣ долженъ быть выборъ такихъ книгъ, которыя могли бы вводить въ область знанія людей всякихъ степеней образованія, отъ низшихъ и до высшихъ. На этомъ основаніи хорошая бібліотека должна имѣть по каждой наукѣ, в о п е р в ы х ъ, книги, сообщающія знанія элементарныя, изложенныя доступно для людей, получившихъ образованіе ниже средняго; в о в т о р ы х ъ, книги, доступныя людямъ, получившимъ образованіе среднее; в ѣ т р е т ь и х ъ, книги спеціальныя, доступныя людямъ съ высшимъ или спеціальнымъ образованіемъ. При такой постановкѣ бібліотека не только развѣтываетъ передъ подписчиками систему наукъ, заинтересовывая ими, но и показываетъ каждому читателю возможность усваивать ее“ (53—4 стр.).

„Отдѣлъ научный долженъ занимать въ правильно организованной бібліотекѣ центральное мѣсто. Рядомъ съ нимъ долженъ стоять отдѣлъ литературный, беллетристическій“.

„Въ этотъ отдѣлъ входятъ произведенія лучшихъ поэтовъ и мастеровъ прозы, успѣвшихъ занять извѣстное мѣсто въ исторіи литературы прошлаго и настоящаго времени, а также произведенія моралистовъ, публицистовъ и критиковъ. Составъ этого отдѣла долженъ быть особенно обширенъ и богатъ, т. к. большинство читателей пользуется прежде всего беллетристикой. Выразители общественныхъ теченій, художники, критики и публицисты должны занимать въ этомъ отдѣлѣ такое же мѣсто, какое они занимали въ исторіи общественныхъ теченій. При такой постановкѣ отдѣлъ беллетристики является отраженіемъ исторіи чловѣческихъ стремленій. Критики и публицисты должны сопровождать поэтовъ и беллетристовъ и въ бібліотекѣ, подобно тому, какъ они сопровождали ихъ и въ исторіи“ (54). Иначе сказать, отдѣлъ беллетристики долженъ быть организованъ въ связи съ исторіей литературы, критики и публицистики, какъ нѣчто единое и цѣльное“.

Таковы требованія, которымъ, по нашему мнѣнію, должна удовлетворять всякая мало-мальски правильно организованная бібліотека. Но одно дѣло—намѣтить теоретическія основанія бібліотечной организаціи, а другое дѣло—осуществить ихъ на практикѣ. Вскорѣ послѣ того, какъ былъ напечатанъ въ „Русскомъ Богатствѣ“ вышеупомянутый нашъ докладъ, читанный въ Комитетѣ Грамотности, мы сдѣлали попытку составленія примѣрнаго каталога общеобразовательной бібліотеки по вышеизложенному плану и приступили къ большой библиографической работѣ. Съ первыхъ-же шаговъ мы увидѣли, что эта попытка должна окончиться неудачей, т. к. на русскомъ языкѣ вовсе не оказалось книгъ по многимъ отраслямъ знанія, въ особенности

же книгъ научно-популярныхъ и, такъ наз., „народныхъ“. Познакомившись съ наличностью книжныхъ богатствъ того времени, мы вскорѣ должны были придти къ убѣжденію, что цѣлые отдѣлы каталога, задуманнаго нами, вовсе не могутъ быть заполнены, за неимѣніемъ подходящихъ книгъ. Къ этому-же убѣжденію пришелъ и „Отдѣлъ для содѣйствія сомообразованію“, возникшій около того-же времени при Спб. Педагогическомъ Музеѣ Военно-учебныхъ заведеній. Этотъ отдѣлъ, въ работахъ котораго по составленію „Программъ чтенія для самообразованія“ (кстати сказать, выходящихъ нынѣ пятимъ издачіемъ) и намъ приходилось принимать посильное участіе, съ первыхъ-же шаговъ тоже наткнулся на это-же непреодолимое препятствіе въ видѣ недостатка популярно-научныхъ книгъ на русскомъ языкѣ, и долженъ былъ вводить въ свои программы, предназначаемыя для широкихъ круговъ читателей, такія книги, которыя требуютъ отъ этихъ послѣднихъ весьма значительной научной подготовки. Съ тѣмъ-же недостаткомъ подходящихъ книгъ пришлось считаться и Московской Комиссіи по организаціи домашняго чтенія, состоящей при учебномъ отдѣлѣ Общества Распространенія Техническихъ Знаній. Эта Комиссія, по ея собственному заявленію и по вышеуказанной же причинѣ, сама должна была приступить къ издательской дѣятельности и положить основаніе своей превосходной „Библіотекѣ для самообразованія“, издаваемой подъ редакціей проф. П. Г. Виноградова, П. Н. Милукова, А. И. Чупрова и др. черезъ товарищество И. Д. Сытина.

Такъ было въ 1893 и 1894 годахъ. Съ того-же года, какъ появились программы, начинается, какъ извѣстно, небывалое оживленіе на русскомъ книжномъ рынкѣ,—внѣшній признакъ весьма глубокаго перелома, совершившагося около того-же времени въ сознаніи не только культурныхъ круговъ русскаго общества, но и русскаго рабочаго народа. И въ городахъ, и на фабрикахъ, и даже въ деревняхъ проявился новый читатель и очень опредѣленно заявилъ свое властное желаніе теперь-же, неотложно пріобщиться къ тому самому просвѣщенію, которымъ живетъ и которымъ сильно современное культурное человѣчество. Читатель этотъ выступилъ не только въ раздробь, въ видѣ отдѣльныхъ самоучекъ, современныхъ свѣтскихъ начетчиковъ, но и цѣлыми массами, и проявилъ дотолѣ небывалую требовательность не только къ книгѣ, но и къ жизни, къ тѣмъ условіямъ, которыя уже много десятковъ и даже сотенъ лѣтъ держать ее въ своихъ гнетущихъ и обезличивающихъ тискахъ. Этотъ нарастающій читатель начиналъ и, къ тому же усиленнымъ темпомъ, не только „почитывать“, но и „подумывать“, онъ даже какъ будто готовился къ дѣйствию, то сознательно, то полусознательно, а то и просто стихійно побуждаемый къ активной дѣятельности цѣлымъ рядомъ тяжелыхъ бѣдствій, начиная съ конца 80-хъ и начала 90-хъ годовъ. Появился невиданный дотолѣ спросъ на научную и научно-популярную книгу. Развилась до небывалыхъ размѣровъ книгоиздательская дѣятельность, не только въ столицахъ, но и въ провинціи, съ Ф. Ф. Павленковымъ и только что возникшей тогда фирмой О. Н. Поповой во главѣ. И эта интенсивная издательская работа съ тѣхъ поръ не прекращается и до сего времени. Разумѣется, подъ напоромъ напряженнаго спроса, возраставшаго съ каждымъ годомъ, русскій книжный рынокъ за послѣдніе 12—13 лѣтъ сдѣлался неузнаваемъ, какъ это и показываетъ статистика книжной печати*). За послѣдніе два года книжное дѣло сдѣлало дальнѣйшіе и очень крупные шаги впередъ.

*) См. нашу статью „Книжный потокъ“ („Русская Мысль“, 1903—04 г.), гдѣ мы сдѣлали попытку разработать статистику русскаго книгоиздательскаго дѣла за послѣдніе 15 лѣтъ.

Развитіе русскихъ книжныхъ богатствъ не только не приостановилось, даже подъ давленіемъ такихъ великихъ и всенародныхъ бѣдствій, какъ японская война, а даже, напротивъ, именно во время бѣдствій книга и сдѣлала (отчасти подъ вліяніемъ газетъ) новыя и крайне важныя завоеванія въ народной средѣ. Нынѣ наблюдаемый ростъ общественнаго и народнаго сознанія, какъ и слѣдовало ожидать, отразился на русскомъ книгоиздательствѣ въ самую благоприятную сторону, и та библиографическая, давно задуманная работа, которая была невозможна 13 лѣтъ тому назадъ, сдѣлалась въ настоящее время до извѣстной степени возможной.

Три раза мы дѣлали попытки осуществить на практикѣ нашъ планъ и составить такой каталогъ общеобразовательной библіотеки, который шелъ-бы на встрѣчу быстро нарастающимъ и развивающимся потребностямъ общественной жизни. Первая изъ этихъ попытокъ, сдѣланная въ 1894—1896 гг., когда мы завѣдывали книгоиздательствомъ О. Н. Поповой, въ результатъ дала лишь небольшой библиографическій указатель, приложенный къ книгѣ Мармери „Прогрессъ науки“ (изд. О. Н. Поповой, Спб. 95 года). Вторая попытка, въ основу которой былъ положенъ нѣсколько другой планъ, дала въ результатъ вторую нашу библиографическую работу, приложенную къ книгѣ Гетчинсона „Очерки первобытнаго міра“ (Спб. 95 г., изд. акц. общ. „Издатель“). Обѣ эти попытки отнюдь нельзя разсматривать, какъ исполненіе задуманнаго нами и изложеннаго въ „Этюдахъ“ плана составленія каталога; обѣ онѣ—относительно небольшія библиографическія работы, навѣяанныя желаніемъ хоть отчасти использовать тотъ библиографическій матеріалъ, который подготавливался нами для осуществленія главнаго нашего плана. Этотъ послѣдній намъ и удалось осуществить только въ прошломъ 1904 году, но, какъ нарочно, въ самыхъ неблагоприятныхъ условіяхъ для большой библиографической работы, когда намъ пришлось, по независящимъ обстоятельствамъ, жить за-границей, вдали отъ большихъ русскихъ книгохранилищъ, а значить, работать главнымъ образомъ по разнымъ библиографическимъ указателямъ и каталогамъ.

Нашу работу по составленію этой книги мы вели такимъ способомъ: въ ея основу мы положили московскія „Программы домашняго чтенія“ и петербургскія „Программы чтенія для самообразованія“, а также другіе рекомендательные каталоги, списокъ которыхъ мы приводимъ ниже, въ отдѣлѣ необходимыхъ пособій для библіотекарей. Въ нашъ каталогъ вошли почти всѣ книги, рекомендованныя московской и петербургской программами. Въ дополненіе къ нимъ мы внимательно разсмотрѣли не менѣе ста каталоговъ различныхъ книжныхъ магазиновъ и 240 каталоговъ петербургскихъ и провинціальныхъ общественныхъ библіотекъ, которыя еще въ 1900 году прислали ихъ намъ по нашей просьбѣ. За исполненіе ея приносимъ нашу глубокую и искреннюю благодарность. Далѣе мы просмотрѣли „Книжный Вѣстникъ“ за всѣ годы его изданія и другіе библиографическіе журналы, а также официальные „Списки изданій, вышедшихъ въ Россіи“, издаваемые редакціей „Правительственнаго Вѣстника“. Эти послѣдніе списки, а также каталоги, составленные В. И. Межовымъ (книжныхъ магазиновъ Базунова и Глазунова), послужили главными библиографическими пособиями для нашей работы*). Съ ихъ помощью намъ удалось сдѣлать довольно детальный обзоръ всей наличности книгъ, напечатанныхъ на русскомъ языкѣ, начиная съ 1825 по 1905 годъ. Просматривая эти библиографическіе матеріалы, мы отмѣчали въ нихъ всѣ мало-мальски выдающіяся книги, которыя, по нашему мнѣнію, еще за-

*) См. списокъ на стр. 270.

служиваютъ вниманія въ томъ или другомъ отношеніи. Затѣмъ всѣ отмѣченныя книги были выписаны на карточки (до 60.000 карточекъ) и подверглись детальной разработкѣ и классификаціи, причемъ изъ этихъ 60.000 карточекъ, распредѣленныхъ не только по наукамъ, но и по вопросамъ, мы старались выбрать только то, что имѣетъ опять-таки относительно большій интересъ. Изъ двухъ книгъ, посвященныхъ одному и тому-же вопросу, мы постоянно старались выбирать книги возможно новыя, возможно лучшія, возможно доступныя по цѣнѣ. Изъ двухъ переводовъ одной и той-же иностранной книги мы выбирали тотъ, который опять таки удовлетворяетъ наибольшимъ требованіямъ, не только по качествамъ перевода, но даже и по внѣшности и по цѣнѣ изданія. Впрочемъ, во многихъ случаяхъ мы сочли необходимымъ ввести въ нашъ каталогъ не по одной, а по нѣскольку болѣе или менѣе равноцѣнныхъ книгъ, посвященныхъ одному и тому же вопросу или нѣскольку изданій произведеній одного и того же автора. Мы это дѣлали съ той цѣлью, чтобы по возможности облегчить комплектованіе библиотекъ, въ которыхъ, быть можетъ, уже имѣется если не одна, то другая изъ указанныхъ нами книгъ, а разъ имѣется одна изъ нихъ, то нѣтъ необходимости пріобрѣтать другую.

Слѣдующія обстоятельства значительно облегчали нашу работу. Въ теченіе многихъ лѣтъ намъ приходилось жить и работать среди книгъ, имѣя подъ руками довольно обширную библиотечку. За это долгое время черезъ наши руки успѣли пройти десятки тысячъ книгъ, изъ которыхъ очень многія были рецензированы нами въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ. Кромѣ того, съ 1894 по 1903 г. намъ приходилось принимать нѣкоторое участіе въ издательской дѣятельности разныхъ фирмъ, причемъ мы, какъ и другіе издатели, старались по мѣрѣ силъ пополнять тѣ, подчасъ вопіющіе, пробѣлы, которые были указаны намъ самою жизнью.

Работы наши при изданіи „Спб. Программъ чтенія для содѣйствія самообразованію“ также весьма помогли нашему знакомству съ наличностью и содержаніемъ книжныхъ богатствъ, существующихъ на русскомъ книжномъ рынкѣ. Но вся эта библиографическая подготовка была все же далеко еще недостаточной для достиженія цѣли, намѣченной нами въ 1893 году. Кромѣ нея, для составленія задуманнаго каталога, необходимо было еще знакомство съ читающей публикой, въ особенности же, съ такъ наз., „читателями изъ народа“, которые еще такъ недавно считались „неспособными понимать и усваивать“ какъ общественныя, такъ и научныя идеи, признавашіяся до тѣхъ поръ достояніемъ однихъ лишь „образованныхъ классовъ“. Детальныя изслѣдованія, такъ наз., читателя изъ народа покачнули и даже совершенно разбили это мнѣніе. „Особая литература для народа“, по крайней мѣрѣ, въ области беллетристики, въ значительной степени успѣла отойти въ область мифовъ. Изученіе читающей публики разрушило и другой довольно распространенный предрасудокъ, а именно: смѣшеніе литературы народной съ литературой дѣтской и опровергло нелѣпое отношеніе къ читателямъ изъ крестьянъ и рабочихъ вродѣ какъ къ дѣтямъ. Это-же изученіе читателей разрушило и цѣлый рядъ другихъ заблужденій, детальному разбору которыхъ посвящена нами вышеупомянутая работа—„Этюды о русской читающей публики“, къ которой мы и отсылаемъ нашихъ читателей. Рукописныя и другіе матеріалы, собранныя нами для этой послѣдней книги, начиная съ 1889 г., и отчасти использованные въ ней, послужили намъ главнымъ основаніемъ для классификаціи книгъ, введенныхъ въ новую нашу работу, по категоріямъ читателей.

Закончивъ эту работу къ началу ноября 1904 года, мы, по возвра-

щеніи на родину, употребили всѣ усилія, чтобы еще разъ просмотрѣть книги, введенныя въ нашъ каталогъ, и пополнить всѣ отдѣлы новыми библиографическими данными (по 15 іюля 1905 г.), которыя и вошли отчасти въ самую книгу, а отчасти въ дополненіе къ ней, приложенное въ концѣ каталога.

Въ основу нашей книги положенъ слѣдующій планъ. Она раздѣляется на такіе отдѣлы :

Первый отдѣлъ, теоретическій. Здѣсь идетъ рѣчь о классификаціи наукъ и о классификаціи книгъ по наукамъ, въ связи съ вопросомъ объ общемъ образованіи, его цѣляхъ и задачахъ. Мы стараемся выяснитъ здѣсь основные принципы комплектованія библиотекъ, подбора книгъ для нихъ и распредѣленія книгъ по степенямъ относительной трудности ихъ пониманія.

Второй отдѣлъ, библиографическій, представляетъ изъ себя примѣрный каталогъ большой общеобразовательной библиотеки, удовлетворяющій тѣмъ требованіямъ, которыя формулированы нами въ первомъ отдѣлѣ. Въ этотъ каталогъ введены нами не только книги, существующія въ продажѣ, но и распроданныя. Насколько намъ позволили наши библиографическія знанія и каталоги разныхъ букинистовъ, у многихъ изъ распроданныхъ книгъ мы ставили въ скобкахъ слово (распр.), отмѣчая тамъ такимъ способомъ книги, которыя до сего дня еще требуются самой системой знаній, но не имѣются на книжномъ рынкѣ. Позволяемъ себѣ обратить вниманіе гг. издателей на эти помѣтки. Правда, эти наши указанія мы считаемъ далеко не полными, но и они, по нашему мнѣнію, могутъ сослужить хорошую службу гг. издателямъ и вообще дѣлу пополненія русскаго книжнаго рынка хорошими книгами, хотя и вышедшими изъ продажи, но далеко еще не утерявшими своего значенія.

Третій отдѣлъ,—приложенія. Здѣсь мы даемъ, во-первыхъ, краткій списокъ пособій для гг. библиотечарей, который поможетъ имъ еще болѣе ориентироваться въ деталяхъ книжнаго и библиотечнаго дѣла. Далѣе мы даемъ нѣсколько примѣрныхъ каталоговъ небольшихъ библиотечекъ на разныя суммы, причемъ, при комплектованіи этихъ библиотечекъ, мы старались осуществить на практикѣ тѣ же основные принципы, которые изложены нами въ первомъ отдѣлѣ. Работая надъ составленіемъ этихъ примѣрныхъ каталоговъ, мы пришли къ слѣдующему, какъ намъ кажется, довольно интересному выводу: въ настоящее время уже имѣется полная возможность устраивать небольшія общеобразовательныя энциклопедическія библиотечки по нашему плану,—домашнія, кружковыя, общественныя, имѣя въ рукахъ очень небольшія средства (отъ 100 р.). Современное состояніе русскаго книжнаго рынка позволяетъ сдѣлать это въ достаточной степени. Дѣло теперь только за организаторами библиотекъ. Полагаемъ, что и за ними остановки не будетъ. Далѣе мы даемъ въ этомъ отдѣлѣ двѣ схемы библиотечныхъ каталоговъ и, наконецъ, алфавитный указатель именъ авторовъ, вошедшихъ во второй отдѣлъ, т. е. въ нашъ примѣрный каталогъ общеобразовательной библиотеки. Этотъ указатель особенно необходимъ потому, что, какъ это будетъ видно дальше, въ распредѣленіи книгъ по отдѣламъ каталога мы придерживаемся своей особой системы дробленія рубрикъ, весьма облегчающей отысканіе книгъ по вопросамъ, но значительно затрудняющей отысканіе ихъ по именамъ авторовъ.

Четвертый отдѣлъ нашей книги представляетъ собою опытъ библиографическаго указателя содержанія тѣхъ семи тысячъ книгъ, названія которыхъ указаны во второмъ отдѣлѣ нашего труда.

Этотъ указатель мы выпускаемъ отдѣльнымъ изданіемъ, причемъ стараемся возможно полнѣе использовать тотъ матеріалъ, который содержится въ книгахъ, помѣщенныхъ нами въ нашъ каталогъ. При составленіи этого указателя, мы выдвигали на первый планъ не столько фактическую, сколько философскую сторону каждой науки, а въ отдѣлѣ искусства, и особенно въ отдѣлѣ беллетристики, старались намѣтить этико-философскіе и общественные вопросы, которые не могутъ быть чужды мыслящему человѣку, серьезно трудящемуся надъ выработкой своего міросозерцанія и сознательно относящемуся къ окружающей жизни. По каждому такому вопросу мы старались дать возможно больше библиографическихъ указаній на лучшія произведенія какъ русскихъ, такъ и иностранныхъ авторовъ. Тѣ же вопросы жизни мы старались обставить библиографическими указаніями также и научныхъ книгъ. Такимъ образомъ, этотъ отдѣлъ нашей книги представляетъ изъ себя списокъ главнѣйшихъ научныхъ, философскихъ и этическихъ вопросовъ, отвѣты на которые читатели могутъ найти въ книгахъ, помѣченныхъ тѣми номерами, какіе указаны при каждомъ вопросѣ. Читатель, интересующійся однимъ изъ этихъ вопросовъ, безъ особаго труда можетъ отыскать по этимъ номерамъ въ каталогѣ тѣ книги (или главы и даже страницы книгъ), которыя дадутъ на нихъ отвѣтъ, а по римской цифрѣ, приводимой при каждомъ номерѣ, можетъ судить и о популярности изложенія данной книги. Въ виду большихъ техническихъ и другихъ трудностей составленія этого отдѣла, намъ приходится выпускать его отдѣльнымъ изданіемъ, какъ второй томъ нашего труда.

Когда нашъ каталогъ чернѣ былъ уже оконченъ, и когда уже нужно было сдавать его въ печать, мы долго колебались, не рѣшаясь сдѣлать этого шага. Намъ хотѣлось даже отложить опубликованіе нашей работы еще на нѣсколько лѣтъ и заняться самой детальной ея проверкой и разработкой. Намъ пугала и останавливала самая сложность работы, которая, исполненная однимъ человѣкомъ за свой страхъ, не можетъ не имѣть весьма серьезныхъ недостатковъ и погрѣшностей, происходящихъ какъ по винѣ самого работника, такъ и по условіямъ сложности самой работы, а кромѣ того (и это очень важно), по ея неизбежной субъективности въ оцѣнкѣ не только книгъ, но даже и авторовъ. И въ самомъ дѣлѣ: развѣ можетъ не быть субъективности при рѣшеніи такихъ вопросовъ, какъ напр.: которая изъ двухъ рекомендуемыхъ книгъ заслуживаетъ большаго или меньшаго вниманія? которая изъ нихъ лучше или хуже и которая интереснѣе и понятнѣе? Книги въ библиотекѣ, какъ и зоологическіе виды въ природѣ, соединены между собою длинными рядами переходныхъ формъ. Вотъ эти-то послѣднія, какъ извѣстно, больше всего и затрудняютъ классификаторовъ, и та или иная оцѣнка той или иной формы не можетъ не встрѣчать, даже съ точки зрѣнія самого оцѣнщика, весьма существенныхъ и вѣскихъ возраженій. И это справедливо не только по отношенію къ распредѣленію книгъ по отдѣламъ, но и по категоріямъ читателей. Это справедливо даже и по отношенію къ классификаціи самихъ отдѣловъ. И книги, и вопросы, и отдѣлы могутъ быть классифицированы на множество разныхъ ладовъ и способовъ. Мы выбрали такую классификацію, которая намъ показалась наиболѣе цѣлесообразной съ нашей точки зрѣнія, по отношенію къ главной нашей цѣли,— помочь по мѣрѣ силъ возможно широкому распространенію лучшихъ книгъ въ возможно широкихъ кругахъ населенія и внѣдрить въ сознаніе всѣхъ русскихъ читателей, что нынѣ существующая наличность книгъ на русскомъ языкѣ уже представляетъ изъ себя такую лѣстницу, по которой можетъ и долженъ итти впередъ

и вверхъ всякій желающій, кто-бы онъ ни былъ,—крестьянинъ или фабричный, студентъ или литераторъ,—и какимъ бы вопросомъ онъ ни интересовался, лишь-бы старался проникнуть въ самую его глубину. Всѣ науки, всѣ вопросы, въ сущности говоря, представляютъ не рядъ, а кругъ, и съ какой точки окружности ни начни двигаться по этому кругу,—лишь-бы была охота да вдумчивость, „пытливость ума“,—все равно будешь переходить отъ книги къ книгѣ и отъ науки къ наукѣ, пока ни впитаешь въ себя цѣльнаго, закругленнаго, законченнаго и чуждаго догматизму научнаго міросозерцанія, осмысленнаго критическимъ отношеніемъ къ окружающей дѣйствительности, и одухотвореннаго гуманнымъ общественнымъ настроеніемъ, которое требуетъ отъ cadaго чловѣка не только идей, но и дѣлъ. Каково бы ни было исполненіе на практикѣ намѣченной нами задачи,—какими-бы недостатками оно ни обладало,—мы рѣшили, въ концѣ концовъ, теперь же приступить къ печатанію этой книги, и побужденіемъ къ такому рѣшенію служили не только соображенія личнаго свойства, въ силу которыхъ откладывать эту работу было равносильно тому, чтобы никогда не исполнить ее. Насъ побудили къ ея неотложному опубликованію тѣ самыя явленія, которыя совершаются вокругъ насъ, выдвигая каждый день изъ народной глубины десятки, а, можетъ быть, и сотни тысячъ читателей, которые теперь же, неотложно и необходимо и во чтобы то ни стало, должны вооружить себя знаніемъ и пониманіемъ, чтобы сознательно творить жизнь, которую они не могутъ не творить. Въ разныхъ уголкахъ русской земли наблюдается теперь приливъ такихъ читателей. Подъ ихъ напоромъ буквально лопаются двери нѣкоторыхъ библиотекъ. Настало время, когда всѣ русскія библиотеки и всѣ другіе очаги книжнаго дѣла обязаны принять активное участіе въ духовномъ воспитаніи возможно широкихъ круговъ читающей публики, особенно тѣхъ ея слоевъ, которые стремятся къ книгѣ изъ глубины трудящихся массъ. Библиотеки должны теперь же запастись необходимыми книгами, и издатели должны помочь дальнѣйшему созиданію той лѣстницы, о которой выше шла рѣчь. Библиотеки должны возможно шире открыть свои двери читателямъ и, если нужно, то кореннымъ образомъ измѣнить свой составъ. Если наша работа хоть немного поможетъ въ этомъ отношеніи, значить, она не пропала даромъ.

Книга—сила. Книга—страшная сила. Но, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, сила эта находится въ скрытомъ потенциальномъ состояніи. Сильная своею связью съ жизнью и выдвигаемая ея жгучими запросами, идея завоевываетъ жизнь все-таки очень медленно. Во всякомъ случаѣ, она проникаетъ далеко не такъ быстро, какъ это было бы желательно, въ видѣ назрѣвшихъ и назрѣвающихъ потребностей жизни. Мы глубоко убѣждены, на основаніи нашего личнаго опыта, и на основаніи данныхъ, собранныхъ многочисленными изслѣдованіями, что круговращеніе книгъ можетъ быть сознательно ускорено. Задача всѣхъ работниковъ книжнаго дѣла—помогать этому книжному круговращенію, кто гдѣ можетъ, кто какъ можетъ и кто на какомъ мѣстѣ стоитъ.

Въ заключеніе позволяю себѣ выразить свою глубокую признательность и благодарность Н. Н. Бекетову, Н. И. Горданскому, Н. И. Карѣеву, П. Ф. Лесгафту, Е. П. Михайловой, С. Ф. Русовой, А. А. Русову, В. И. Семевскому и А. И. Сомову за просмотръ каталога и за сдѣланныя ими полезныя указанія.

Н. Рубакинъ.

ВВЕДЕНІЕ.

ТЕОРІЯ ПОДБОРА КНИГЪ.

Книжныя богатства, ихъ изученіе и распространеніе. Что такое
общеобразовательная бібліотека и общій планъ подбора книгъ.
Детальная организація отдѣловъ и распредѣленіе книгъ по нимъ.
Читатель и книга. Психологія книжнаго вліянія.



ESTABLISHED

1800

THE

КНИЖНЫЯ БОГАТСТВА, ИХЪ ИЗУЧЕНІЕ И РАСПРОСТРАНЕНІЕ.

НАУЧНО-БИБЛИОЛОГИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ.

Г Л А В А I.

Сущность книжнаго дѣла и общій обзоръ его.

§ I. Основная задача книжнаго дѣла.

Надо знать книгу. Надо понимать и цѣнить книгу. Надо любить ее и вѣрить въ нее. Надо выработать въ себѣ умѣнье и практическую сноровку работать при помощи книги,—для себя и для другихъ,—распространяя книгу въ самыхъ широкихъ кругахъ населенія, въ самыхъ глубокихъ слояхъ его, дѣйствуя ею даже на самыхъ темныхъ, даже на самыхъ неспособныхъ людей.

Такова задача, которая стоитъ, стояла и всегда будетъ стоять передъ каждымъ работникомъ книжнаго дѣла, какое-бы участіе въ этомъ послѣднемъ онъ ни принималъ,—передъ книгопродавцемъ и бібліотекаремъ, и передъ всякимъ другимъ распространителемъ книгъ, предъ издателемъ и авторомъ, творцомъ ихъ, передъ каждымъ человѣкомъ, кто бы онъ ни былъ, если только онъ принимаетъ хоть какое-либо участіе въ дѣлѣ народнаго просвѣщенія, если только онъ работаетъ, работаетъ или собирается работать надъ своимъ самообразованіемъ или образованіемъ. Нѣтъ и не можетъ быть въ настоящее время ни одного культурнаго и даже просто грамотнаго человѣка, не говоримъ уже въ Западной Европѣ, но даже у насъ, въ Россіи, который бы осмѣлился сказать про себя: „Мнѣ не нужно и никогда не было и не будетъ нужно никакихъ книгъ и никакихъ знаній о нихъ“. Нѣтъ, всякому изъ насъ нужны эти самыя знанія,—такъ нужны, что никто изъ современныхъ намъ людей, не можетъ обойтись безъ знакомства съ книгами. Или откажись отъ современной культурной жизни, или знакомься съ книгами,—такова дилемма. Если желаешь жить мало-мальски человѣческой жизнью и желаешь расширять, углублять, возвышать ее и дѣлать все напряженнѣе и напряженнѣе,—не говоримъ во имя общаго, а даже своего собственнаго счастья,—знакомься съ книгами, съ возможно большимъ числомъ ихъ, приобрѣтай знанія о нихъ, объ общемъ составѣ книжныхъ богатствъ, какими можетъ и должно пользоваться современное человѣчество,—въ томъ числѣ и каждый изъ насъ,—я, такой-то, имя рекъ,—я, гдѣ бы я ни жилъ и кѣмъ бы я ни былъ. Не только специалистамъ-бібліографамъ, книгоѣдамъ и книголюбамъ надо знать книжныя богатства человѣчества,—ихъ надо знать каждому изъ насъ,—знать въ ихъ цѣломъ, и лучшія книги въ каждой такой отрасли, и распредѣленіе ихъ по разнымъ отраслямъ знанія и мышленія, и распредѣленіе по странамъ и эпохамъ, по теченіямъ и направленіямъ научно-философской и литературно-общественной мысли, по авторамъ и издателямъ, знать вліяніе разныхъ книгъ на разныхъ читателей, словомъ сказать, надо знать и совокупность книгъ, общую сокровищницу умственной жизни человѣчества, и отдѣльныя книги, и значеніе ихъ. Но и этого еще мало: надо знать, кромѣ того, перемѣны, происходящія съ книжными богатствами съ теченіемъ времени,—ихъ приливы и отливы, рожденіе новыхъ книжныхъ богатствъ, изнашивание, забываніе, отмираніе старыхъ, перемѣны въ ихъ характерѣ, свойствахъ, ихъ вліяніе, т. е. приспособленіе къ милліонамъ все новыхъ и новыхъ

читателей, наконецъ, — отношеніе книжныхъ богатствъ къ общественной психологіи. Другими словами—надо знать не только книжное дѣло собственно, но и его отношеніе къ духовной жизни своего родного народа и человѣчества и ихъ соціальной исторической жизни. Иначе говоря, нужно понимать, что судьба книги неразрывно слита съ общественной психологіей и съ исторіей духовной жизни, и нельзя понимать книжное дѣло и служить ему, не вникая въ общественную психологію и вообще соціальную жизнь своего мѣста и времени. Такова задача книжнаго дѣла въ самыхъ общихъ и основныхъ чертахъ. Помочь ея разрѣшенію или, по крайней мѣрѣ, ея освѣщенію—въ этомъ и состоитъ формулируемая тоже въ самыхъ общихъ чертахъ задача этого нашего труда.

§ 2. Разрѣшеніе этой задачи—одно изъ насущныхъ требованій жизни.

Задача книжнаго дѣла громадна, и не только разрѣшить, но даже и разрѣшать ее, несомнѣнно, очень трудно, особенно въ нашихъ, русскихъ условіяхъ, при недостаткѣ книгъ, при ихъ медленномъ кругообращеніи, при цѣломъ рядѣ условій, правовыхъ и экономическихъ, далеко не благопріятствующихъ процвѣтанію книжнаго дѣла. Тѣмъ не менѣе разрѣшать эту задачу надо. Надо, во всякомъ случаѣ. Это не только нашъ долгъ, наша нравственная обязанность передъ родиной, вытекающая, какъ частный случай, изъ необходимости для всѣхъ насъ возможно широкаго просвѣщенія, въ лучшемъ смыслѣ этого слова,—это нашъ прямой долгъ передъ нашими современниками и нашъ собственный интересъ, наша прямая выгода. Мы не можемъ проходить мимо книжнаго дѣла уже потому одному, что сама жизнь вопіетъ миллионами голосовъ вокругъ насъ о книжной помощи. Изъ года въ годъ становится все больше и больше книгъ. Изъ года въ годъ онѣ получаютъ все большее и большее распространеніе. Таково характерное,—одно изъ самыхъ характерныхъ явленій нашего времени. Непрерывное наростаніе книжныхъ богатствъ и такое же наростаніе ихъ потребителей—читателей—нельзя не считать теперь несомнѣннымъ проявленіемъ опредѣленнаго соціологическаго закона, и если и бываютъ въ иныхъ странахъ иногда исключенія, они всегда кратковременны и объясняются болѣе или менѣе быстро преходящими причинами. Таково, на примѣръ, русское книжное затишье, наступившее послѣ 1907 года подъ вліяніемъ исключительно полицейскихъ условій, невиданныхъ нигдѣ въ Европѣ со временъ великой инквизиціи *). Да, жизнь миллионами читательскихъ голосовъ вопіетъ вокругъ насъ: „Распространяйте книгу!“ И миллионы людей, даже темныхъ изъ темныхъ, все яснѣе понимаютъ, что не въ силахъ имъ дать даже живой человѣкъ того, что иной разъ имъ можетъ дать иная, какъ слѣдуетъ выбранная книга. „Среди книгъ есть, разумѣется, такія, которыя мнѣ, такому, каковъ я ни на есть, могутъ дать отличнѣйшіе практическіе совѣты“,—такъ писалъ намъ недавно изъ очень глухой провинціи одинъ, уже немолодой читатель. „Есть такія книги, которыя могутъ быть моими интимнѣйшими совѣтчиками и великолѣпнѣйшими учителями и профессорами, глубокими толкователями всѣхъ условій и нашей и чужой жизни, даже пророками и надежнѣйшими моими вождями, руководителями, вдохновителями. Помогите мнѣ найти ихъ и укажите, какъ и гдѣ ихъ искать“. Въ интересной анкетѣ, произведенной редакціей „Вѣстника Знанія“ въ 1910 году и превосходно разработанной А. А. Николаевымъ **), и въ другой, еще болѣе широкой и не менѣе интересной, анкетѣ „Совр. Мира“, затѣмъ не столь подробной анкетѣ „Новаго журнала для всѣхъ“ такіе же голоса, свидѣтельствующіе о томъ же, раздаются многими сотнями. Но и эти анкеты—капля въ морѣ среди другихъ голосовъ, вопіющихъ

*) См. нашу статью „Книжный приливъ и книжный отливъ“—„Современный Миръ“, 1909 г., № 12.

**) „Хлѣба и свѣта“. Матеріальный и духовный бюджетъ трудовой интеллигенціи у насъ и за границей. (По даннымъ анкеты „Вѣстника Знанія“. Спб., 1910 г.)

о томъ же, и между этими послѣдними много, много такихъ, которые идутъ изъ самыхъ нѣдръ народной массы, изъ самыхъ глубокихъ слоевъ трудового населенія. И весь этотъ хоръ голосовъ наглядно доказываетъ, что знаніе книгъ и книжныхъ богатствъ уже сдѣлалось крайне необходимымъ народу, и что книга разсматривается теперь и народнымъ сознаниемъ, какъ крайне важная и вполнѣ реальная сила, необходимая и для обыденной жизни, безъ которой „по нынѣшнимъ временамъ уже прожить нельзя“. И вотъ деревенскій и фабричный читатель ищутъ и говорятъ: „кто книгой владѣетъ, у того, по этому одному, уже есть сила“. И миллионы людей желаютъ сдѣлаться сильными при помощи книги. И миллионы сердецъ и рукъ тянутся къ ней, какъ къ силѣ. Роятся въ „указателяхъ лучшихъ книгъ“, „рекомендательныхъ каталогахъ“, читаютъ рецензіи и „библіографіи“.

§ 3. Жизнь заставляетъ работниковъ книжнаго дѣла содѣйствовать самообразованію массъ.

Самообразованіе—это характерное явленіе нашихъ дней, это знаменіе нашего времени. Слово „самообразованіе“ приходится теперь слышать въ устахъ не только учащейся молодежи, но и фабрично-заводскаго рабочаго, и деревенскаго крестьянина, и служащаго разночинца, приходится слышать въ устахъ и молодыхъ, и пожилыхъ людей, и мужчинъ, и женщинъ. Стремленіе къ самообразованію сдѣлалось своего рода стихійнымъ потокомъ. Надъ собственнымъ образованіемъ работаютъ въ настоящее время сотни тысячъ, если не миллионы людей, и всѣ эти люди ищутъ книгъ, которыя дали бы имъ тѣ знанія, то развитіе, какого требуетъ отъ нихъ быстро усложняющаяся жизнь. Общесознанное и общепризнанное крайне неудовлетворительное состояніе нашей низшей, средней и высшей школы, безконечныя преграды и препятствія въ дѣлѣ распространенія знаній, идущія со стороны правящей бюрократіи и ея классовыхъ и сословныхъ вдохновителей, заставили, въ концѣ-концовъ, миллионы людей просто-на-просто махнуть рукой на стѣсненное и регламентированное образованіе школьное и приняться за завоеваніе себѣ подобающаго мѣста въ средѣ другихъ культурныхъ народовъ „своими средствами“, путемъ самообразованія. Тысячи, если не десятки тысячъ, „ищущихъ“ и „стремящихся“ наполняютъ воскресныя и повторныя школы, народные университеты, аудитории популярныхъ чтеній; сотни тысячъ людей идутъ цѣлыми толпами въ бібліотеки и книжные магазины и спрашиваютъ тамъ опредѣленныхъ, рекомендованныхъ книгъ, — рекомендованныхъ то какой-нибудь „программой чтенія“, то послѣдней книжкой любимаго журнала, то просто-напросто какимъ-нибудь „хорошимъ человѣкомъ“. И нѣтъ такой отрасли знанія, нѣтъ такого отдѣла литературы, книги которыхъ стояли бы, какъ это было еще очень недавно, тихо и мирно на пыльных полкахъ, тоскливо ожидая, когда же кто-нибудь изъ самыхъ ретивыхъ читателей нарушитъ ихъ продолжительный покой. Книги научно-популярныя и научныя, еще недавно забытыя и полузабытыя, послѣ непродолжительной передышки, обусловленной историческими событіями снова пошли въ ходъ, и, подъ давленіемъ общихъ запросовъ жизни, можно сказать, всѣ книжные магазины, книгоиздательства, общественныя бібліотеки, за очень малочисленными исключеніями, должны были сдѣлать самыя энергичныя усилія, чтобы удовлетворить этотъ быстро растущій спросъ на „самообразовательную литературу“. Съ конца девятисотыхъ и съ начала девятьсотъ-десятихъ годовъ этотъ спросъ проявился и въ низахъ народной массы, въ средѣ трудящихся классовъ, на фабрикѣ и въ деревнѣ, и переломъ народнаго сознанія, происшедшій въ 1904—908 гг., благотворно и мощно отразился на развитіи тѣхъ же стремленій къ самообразованію: и въ деревню и на фабрику идутъ все въ большемъ и большемъ числѣ толстыя научно-популярныя и научныя книжки. И деревня и фабрика, даже въ экономическихъ и политическихъ тискахъ, работаетъ надъ самообразованіемъ въ лицѣ многихъ сотенъ, тысячъ, если не миллионовъ людей. Вышло словно само собой такъ, что именно удовлетвореніе потребностей самообразованія сдѣлалось главной задачей огром-

наго большинства нынѣ существующихъ библиотекъ и книжныхъ магазиновъ, книгоиздательствъ и вообще распространителей книгъ. Съ этой потребностью читающей публики всѣ они теперь уже не могутъ не считаться. Они не могутъ не служить ея удовлетворенію, если только не желаютъ покрыться плѣсенью и умирать въ жизненныхъ боляхъ. Или помогай читателямъ, или умирай,—такова дилемма. Общественныя библиотекы и книжные магазины волей-неволей должны дѣлаться общественными орудіями самообразованія. Частные люди должны были невольно служить тому же дѣлу. Такимъ образомъ, настоятельныя требованія жизни сдѣлали то, что удовлетвореніе запросовъ самообразованія стало основной задачей общественныхъ библиотекъ и книжныхъ магазиновъ, не говоря уже о частныхъ лицахъ, работающихъ надъ тѣмъ же для самихъ себя или помогающихъ, по мѣрѣ силъ и знаній, другимъ въ той же работѣ.

Рядомъ съ этимъ стремленіемъ къ самообразованію, несомнѣнно, подвигается впередъ, хотя и медленнымъ темпомъ, до сихъ поръ находящееся въ казенныхъ тискахъ образованіе. Учащіеся нынѣ считаются у насъ миллионнами, и знаніе книги тѣмъ болѣе имъ необходимо, чѣмъ выше они успѣли подняться по школьной лѣстницѣ. Это послѣднее приходится расширять, углублять, дополнять, а то и передѣлывать тоже „своими средствами“, и эта передѣлка „казенныхъ знаній“ тоже разлилась теперь широкою волною по „святой Руси“. И для этого тоже требуются книжныя знанія. И изъ среды учащихся тоже раздается все больше и больше голосовъ, ихъ ищущихъ, и жизнь вопіетъ и ихъ голосами: „Книга—сила. Мы хотимъ получить эту силу въ наше распоряженіе“.

Надо всѣмъ этимъ людямъ эту силу теперь же дать или, по крайней мѣрѣ, давать, давать и давать самымъ энергичнымъ образомъ. Надо понять, изучить книжныя богатства, книжныя сокровища человѣчества, чтобы служить, съ помощью ихъ возможно детальнаго знанія, этой рвущейся къ книгѣ народной массѣ. Служить, повторяемъ, теперь же, не теряя ни дня, ни часа, „кто гдѣ можетъ и кто какъ можетъ, и кто на какомъ мѣстѣ стоитъ“. Необходимо распространять и распространять не только книги, но и знаніе о книгахъ,—и о методахъ ихъ распространенія, о ихъ производствѣ, круговращеніи, распределеніи, о ихъ чтеніи. Нужно дать знанія и о тѣхъ способахъ, съ помощью которыхъ каждый человѣкъ дѣйствительно можетъ отыскать по любому вопросу, интересующему его въ данное время, такую книгу, которая „именно ему дастъ то, что нужно ему“, какъ пишетъ намъ тотъ-же цитированный выше читатель-другъ. „Вооружайтесь же знаніями о книгахъ сами и вооружайте ими всѣхъ другихъ, съ кѣмъ вы сталкиваетесь“,—такъ пишетъ намъ другой читатель, и мы не можемъ не придавать громаднаго значенія этому его совѣту....

§ 4. Сокровенная сущность книжнаго дѣла.

На основаніи довольно многочисленныхъ данныхъ, собранныхъ въ этомъ нашемъ трудѣ, и на основаніи многолѣтней практики въ области книжнаго дѣла, мы лично, рѣшительно и опредѣленно, тоже присоединяемся къ выше выраженной читательской вѣрѣ въ громадную силу книги и позволяемъ себѣ утверждать то же самое: нѣтъ такого человѣка, который не могъ бы найти теперь по любому предмету и любому вопросу (если только это не самый мелочной, частный вопросъ) такую книгу, которая именно этому читателю откроетъ глаза на этотъ самый вопросъ и введетъ въ его суть. Теперь всякій можетъ найти такую книгу, которая дѣйствительно захватитъ его душу, возбудитъ его мысль и дастъ ему дѣйствительно цѣнное, обширное, научное, достовѣрное знаніе и пониманіе, поскольку это уже сдѣлалось достояніемъ современной науки и литературы. „Есть, словно для васъ лично приготовленная, такая книга,—ищите! Найдите ее и прочтите,—и сдѣлайтесь отъ этого не только просвѣщеннѣе, но и сильнѣе“.

Но какъ ее находить, эту книгу, самую нужную, самую подходящую для даннаго читателя, въ данный моментъ, въ данной обстановкѣ его личной, а также общественной и исторической жизни? И гдѣ искать-то? И какими методами, приемами и способами? Вотъ вопросы, которые подлежатъ подробному и возможно точному обсужденію и изслѣдованію, какъ теоретическому, такъ и практическому. Найти научный отвѣтъ именно на этотъ вопросъ, думается намъ,—это и значить понять самую сущность книжнаго дѣла,—не только чтенія, но и распространенія и, наконецъ, производства книгъ. Даже при настоящемъ уровнѣ библиографическихъ знаній уже имѣется значительная возможность найти отвѣты на вышепоставленные вопросы,—отвѣты дѣйствительно научные, т. е. фактически и философски-обоснованные, такіе отвѣты, значеніе которыхъ не можетъ не сказаться немедленно на всей практикѣ книжнаго дѣла.

§ 5. Задача нашего труда.

Въ этомъ нашемъ трудѣ мы ставимъ себѣ нижеслѣдующія задачи:

Во-первыхъ, помочь читателямъ и всѣмъ работникамъ книжнаго дѣла въ ихъ знакомствѣ съ общей наличностью русскихъ книжныхъ богатствъ.

Во-вторыхъ, помочь ихъ знакомству съ распредѣленіемъ этихъ книжныхъ богатствъ по разнымъ отраслямъ знанія.

Въ-третьихъ, помочь знакомству ихъ съ книжными богатствами въ каждой отрасли знанія въ отдѣльности и освѣщающими каждую область жизни.

Въ-четвертыхъ, познакомить, хотя бы въ самыхъ общихъ, основныхъ чертахъ, съ распредѣленіемъ этихъ богатствъ въ пространствѣ и времени, т. е. по странамъ и по эпохамъ, по національностямъ, ихъ создававшимъ, и по историческимъ періодамъ, съ которыми совпало это созиданіе.

Въ-пятыхъ, помочь внутренней идейной оцѣнкѣ этихъ богатствъ съ исторической точки зрѣнія, съ точки зрѣнія исторіи научно-философскихъ и литературно-общественныхъ идей, находящихъ въ этихъ книжныхъ богатствахъ свое отраженіе и выраженіе.

Въ-шестыхъ, помочь знакомству, тоже хотя бы въ самыхъ общихъ чертахъ, съ наиболѣе выдающимися произведеніями и литературными именами въ каждой отдѣльной области, съ наиболѣе извѣстными авторами, работающими въ данной отрасли литературы и науки и, по возможности, съ ихъ теоріями, по крайней мѣрѣ, главнѣйшими изъ нихъ, излагая эти послѣднія цитатами изъ ихъ собственныхъ произведеній.

Въ-седьмыхъ, познакомить съ распредѣленіемъ книжныхъ богатствъ по кругамъ читателей, по основнымъ типамъ ихъ.

Наконецъ, въ-восьмыхъ, познакомить съ распредѣленіемъ русскихъ книжныхъ богатствъ по трудности изложенія, т. е. по тому, какой подготовки требуетъ та или иная книга отъ своего читателя.

Всѣ эти задачи, по крайней мѣрѣ, въ своихъ общихъ, основныхъ чертахъ могутъ быть до нѣкоторой степени разрѣшены какъ теоретически, такъ и практически, по мѣрѣ нашихъ силъ и не на основаніи однихъ общихъ соображеній, а на основаніи непосредственнаго знакомства съ русскими книгами.

Мы намѣрены въ нашемъ дальнѣйшемъ изложеніи слѣдующимъ образомъ итти къ разрѣшенію выше намѣченныхъ задачъ, на которыя, естественно, распадается наша общая, основная задача,—иначе сказать, задача всего книжнаго дѣла.

§ 6. Основной критерій для оцѣнки книжныхъ богатствъ.

Прежде всего мы попробуемъ отвѣтить на такой вопросъ: какія же именно требованія можетъ и долженъ предъявлять читатель, т. е. всякій человекъ, къ этимъ книжнымъ богатствамъ и къ ихъ общей наличности,—что можетъ и чего не можетъ онъ отъ нихъ требовать? Далѣе, мы поищемъ отвѣта на такой вопросъ: въ какой же мѣрѣ нынѣ существующія книжныя богат-

ства удовлетворяютъ этимъ требованіямъ, какъ въ цѣломъ, такъ и частями,—во-первыхъ, теоретическимъ, во-вторыхъ, практическимъ. При этомъ мы пойдемъ въ нашемъ изложеніи отъ общаго къ частному, отъ общихъ требованій къ частнымъ примѣненіямъ ихъ.

Итакъ, прежде всего, стоя передъ лицомъ многихъ миллионъ книгъ, ежегодно появляющихся въ сотняхъ тысячахъ все новыхъ и новыхъ названій, спросимъ себя, подъ грохотъ печатныхъ станковъ и шумливую суету библиотекъ и книжныхъ магазиновъ, какія же требованія можно и должно предъявлять къ этому мощному, вѣчно нарастающему книжному потоку въ его цѣломъ? Что онъ долженъ давать человѣчеству, долженъ давать во всякомъ случаѣ, если только книжныя богатства не простая груда бумажнаго мусора, печатной макулатуры.

Всякая книга, какая бы она ни была, кто бы ее ни написалъ, ни напечаталъ, правительственное ли учрежденіе, частный ли человѣкъ, врагъ ли человѣчества, или другъ его, варваръ или просвѣщенный мудрецъ,—прежде всего подлежитъ нижеслѣдующей оцѣнкѣ: оцѣнкѣ съ точки зрѣнія мыслящей, чувствующей, страдающей человѣческой личности. Всякая книга должна, разъ она, такъ сказать, появилась въ свѣтъ, дать отвѣтъ на такой вопросъ: что ты, книга, можешь дать мнѣ, личности человѣческой, мнѣ такому—каковъ я есть, моему уму, моему чувству, моей жизни, борьбѣ, которую я веду, работѣ, которую я дѣлаю, или намѣренъ дѣлать, въ тѣхъ условіяхъ, въ которыя меня поставила судьба-фортуна или судьба-злодѣйка? Что ты, книга, даешь вообще личности человѣческой, потому что каждый человѣкъ, къ тебѣ, книгѣ, можетъ и долженъ предъявлять именно такой вопросъ, прежде чѣмъ даже взглянуть на тебя и подойти къ тебѣ? Будь эта книга—уставъ какого-нибудь учрежденія или сводъ законовъ, ученый трактатъ или сборникъ стиховъ, философское разсужденіе или поэма, романъ, высшее произведеніе художественнаго творчества,—все равно, вопросы, предъявленные выше къ книгѣ, это вопросы, которые относятся одинаково къ каждой книгѣ. Ты, книга, что, собственно, представляешь изъ себя и какому именно господину служишь? И какія именно перемѣны ты намѣрена или можешь внести въ мою и вообще человѣческую жизнь? Каковы же твои намѣренія, цѣли и средства? Мнѣ, личности человѣческой, далеко не все равно, какой отвѣтъ ты даешь на всѣ эти вопросы. Я, личность,—судья всякой книги, и только я могу рѣшить, что ты мнѣ даешь или можешь дать, и въ рай или въ адъ кромешный ты стремишься превращать тѣ условія, въ которыхъ я живу въ настоящее время. Отъ твоего, книга, отвѣта, который я самъ же въ тебѣ читаю, то на строкахъ, а то и между строкъ, зависитъ всецѣло,—я другъ или врагъ твой. Отсюда слѣдуетъ: критеріемъ всякой книги, пробнымъ камнемъ ея всегда была, есть и будетъ личность человѣческая.

§ 7. Первый принципъ книжнаго дѣла: примать личности.

Спрашивается теперь, стоитъ ли останавливаться на доказательствѣ этой, какъ будто, избитой и всѣмъ извѣстной истины? Опираясь на пачку писемъ, лежащихъ передъ нами, мы отвѣчаемъ на этотъ вопросъ утвердительно. До сихъ поръ есть еще на свѣтѣ люди, и ихъ немало, въ томъ числѣ и среди работниковъ книжнаго дѣла, которые недостаточно ясно и прочно усвоили вышеуказанный критерій для оцѣнки всякихъ книгъ и книжныхъ богатствъ. „Для меня человѣческая личность выше исторіи, выше общества, выше человѣчества, — писалъ Бѣлинскій,—искренне и глубоко раскаиваясь, что онъ когда-то могъ считать эти послѣднія выше личности человѣческой, забывая, что всѣ эти понятія—не болѣе, какъ отвлеченныя фикціи, лишеныя и индивидуальности, и души, и тѣла. Мы живемъ въ цѣломъ мірѣ такихъ общихъ словъ, которыя нерѣдко принимаются за критерій и при оцѣнкѣ книгъ: „книга, полезная для общества вообще“, „для народа“, „для пра-

вительства“, „для человѣчества“ и т. д.... Приступая къ оцѣнкѣ книжныхъ богатствъ человѣчества, прежде всего отбросимъ въ сторону всѣ эти фетиши и поставимъ во главу угла нашей библиологической системы, какъ главный критерій для оцѣнки всѣхъ книгъ и всякихъ книгъ, — личность. Личность человѣческая и есть тотъ естественный центръ, вокругъ котораго, какъ около центра тяготѣнія, кружатся всѣ явленія, всѣ элементы человѣческой исторіи. „Все въ исторіи существуетъ чрезъ нее, въ ней и для нея: всѣ виды социальной жизни суть только разныя системы отношеній между личностями; какое бы учрежденіе мы ни взяли, оно, въ концѣ концовъ, создается, поддерживается, измѣняется совокупною дѣятельностью личностей, такъ или иначе отражается на ихъ характерѣ, такъ или иначе вліяетъ на ихъ судьбу; точно также и каждый продуктъ дѣятельности человѣка существуетъ только въ его сознаниі, является памятникомъ, характеризующимъ его настроеніе, и опредѣляетъ дальнѣйшую дѣятельность личности. Какъ субъектъ, творящій культуру, и какъ объектъ, испытывающій на себѣ ея вліяніе, личность и есть то реальное существо, чрезъ которое, въ которомъ и для котораго существуетъ и государство, и экономическія отношенія, и общественная жизнь, и право, и философія, и мораль, и религія, и наука, и литература, и искусство,—и есть тотъ центръ, посредствомъ котораго, въ которомъ и для котораго они связываются между собою *)“. „Исторія тоже дѣлается людьми, и дѣятельность личности не можетъ не имѣть въ ней значенія“ **). Книжныя богатства тоже созданы людьми, существуютъ для людей, оцѣниваются людьми. И каждая отдѣльная книга, и всѣ онѣ, вмѣстѣ взятая, всѣ книжныя богатства человѣчества, вся литература, въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова. Исходя изъ этого, мы, прежде всего, должны понять и помнить, что какъ суббота существуетъ для человѣка, а не обратно, такъ и книга тоже существуетъ для человѣка, а не обратно. Любовь къ книгѣ ради книги не должна существовать. Можно любить книгу лишь поскольку любишь человѣка, — отдѣльную человѣческую личность и человѣчество, совокупность ихъ. Жалости достойны тѣ любители книгъ, книголюбы и книгоѣды, которые, забывая человѣка, любятъ книгу ради ея самой, забывая, что живая сила человѣческой мысли и чувства, въ ней кристаллизованная, только тогда проявляется, какъ сила, когда вселяется въ человѣка снова. Примаць, первенство человѣческой личности надъ книгой,—таковъ первый основной принципъ книжнаго дѣла, котораго (въ этомъ надо признаться) очень многіе любители книгъ и работники книжнаго дѣла часто вовсе не придерживаются. И этимъ работникамъ нельзя не сказать: любите книжное дѣло, любите книгу, но то и другое не ради нихъ самихъ, а ради человѣка, который въ нихъ нуждается, и любите ихъ постольку, поскольку они этому человѣку дѣйствительно даютъ что-то для него нужное. Иэта истина, въ сущности, элементарнѣйшая, часто также забывается, и мертвая и мертвящая любовь къ книгамъ, какъ къ какимъ-то фетишамъ, и къ книжному дѣлу, какъ къ манипуляціямъ съ этими фетишами, занимаетъ мѣсто дѣйствительно живого служенія живому общественному дѣлу, живымъ людямъ. Часто встрѣчаются такіе книжники, библиографы и всякіе иные любители книгъ, цѣнители печатной бумаги, обложекъ и переплетовъ, книжныхъ рѣдкостей ради рѣдкостей, независимо отъ того содержанія, носителемъ котораго эти рѣдкости являются, книжные гробокопатели. Они тоже не должны забывать, что даже наука археологія, занимающаяся тѣмъ же дѣломъ, раскапываетъ могилы для уясненія окружающей насъ жизни, ходомъ, а значить и пониманіемъ которой заинтересованы опять-таки живыя, мыслящія, чувствующія человѣческія личности.

*) Карѣевъ. „Осн. вопросы философіи исторіи“. Изд. 2-е. Спб. 97 г., 281 стр.

***) Г. Плехановъ. „За 20 лѣтъ“, стр. 478. Изд. 2-е.

§ 8. Второй принципъ книжнаго дѣла: примать жизни надъ книгой.

Другой выводъ изъ того же основнаго принципа книжнаго дѣла, т. е. изъ примата личности, состоитъ въ слѣдующемъ: говоря объ оцѣнкѣ книгъ, прежде всего нужно думать не о книгѣ, а о жизни, ею отражаемой и выражаемой. Нѣтъ и не было такой книги (да, пожалуй, и быть не можетъ), которая отражала бы жизнь во всемъ ея цѣломъ, во всемъ ея безконечномъ разнообразіи и величіи. Книга всегда односторонняя, жизнь, напротивъ, всегда и безконечно разносторонняя. Книжное содержаніе всегда болѣе или менѣе схематично, жизнь не укладывается ни въ какія схемы, и эти послѣднія всегда временны и преходящи. Жизнь—это сама реальность; книга, сравнительно съ нею, всегда отвлеченна. Жизнь нераздѣльна, книга никогда не трактуетъ о всѣхъ, а лишь о немногихъ сторонахъ жизни; ради удобства ихъ рассмотрѣнія и изученія книга не можетъ не дѣлать нераздѣльное цѣлое на части. Это — приемъ ума, въ сущности, идущій въ разрѣзъ съ нераздѣльностью жизни. Но не въ томъ бѣда, что человѣчествомъ выработанъ такой приемъ, — разумѣется, въ силу необходимости, — а въ томъ, что результатъ этого приема, логическій выводъ, начинаетъ занимать въ человѣческомъ умѣ мѣсто нераздѣльной реальной жизни, и книжная отвлеченность оттѣсняетъ на второй планъ реальность, т. е. самую жизнь. Уяснить все значеніе этой простой истины для правильнаго пониманія самой сущности книжнаго дѣла, какъ намъ кажется на основаніи нашего личнаго знакомства съ его работниками и вообще любителями книгъ, еще труднѣе, чѣмъ понять все значеніе примата человѣческой личности для того же дѣла. Мы со школьной скамьи приучаемся мыслить жизнь не въ ея единствѣ, а въ ея раздробленности. Мы учимся дѣлать недѣлимое, подмѣчать, прежде всего, отдѣльныя ея стороны и, раздѣляя ихъ въ своемъ умѣ, забывать, что внѣ нашего ума онѣ вѣдь нераздѣлимы. Каждая наука, какъ извѣстно, изучаетъ жизнь лишь съ какой-либо одной стороны, — химія съ химической, психологія съ психологической, исторія съ исторической и т. д., и, изучая всѣ эти науки въ отдѣльности, мы мыслимъ всѣ эти стороны не отдѣльными сторонами, а отдѣльными областями жизни: вотъ тутъ химическая, а гдѣ-то дальше психическая, а еще дальше — историческая, тогда какъ на самомъ дѣлѣ, т. е. въ жизни, все это отнюдь не отдѣльныя области, а одна единственная область, т. е. та же жизнь, только изучаемая съ разныхъ сторонъ. Всѣ онѣ—нераздѣльныя части цѣлаго, а его нужно дѣлать только для того, чтобы лучше изучить. Но, изучивъ, а также и во время изученія, нельзя и нельзя забывать прямо противоположнаго и не менѣе необходимаго логическаго процесса, который состоитъ въ томъ, чтобы снова складывать въ одно цѣлое то, что мы только что мысленно раздѣлили. За анализомъ нельзя забывать синтеза. Какъ извѣстно, давно давно вошло въ обычай распредѣлять всѣ литературныя произведенія по разнымъ отдѣламъ, напр., на искусства и на науки, а эти отдѣлы дѣлать снова и снова на подотдѣлы и цѣлый рядъ другихъ, еще болѣе детальныя и частныхъ рубрикъ. Принято по такимъ рубрикамъ распредѣлять и книги, и намъ приходилось не разъ слышать сердитую воркотню книголюбовъ на такія книги, которыя никакъ не укладываются въ приготовленныя для нихъ рубрики, или укладываются во множество рубрикъ сразу. Нерѣдко бываетъ, что именно такія непокладистыя книги особенно-то и интересны съ точки зрѣнія жизни, потому что онѣ-то и не грѣшатъ одностороннимъ подходомъ къ этой послѣдней. Таковы, напр., „Этюды оптимизма“ проф. Мечникова, „Чудесный вѣкъ“ Уоллеса и т. д. Но такихъ книгъ, къ сожалѣнію, не много, и какія бы книги мы ни имѣли въ виду,—по беллетристикѣ, по искусствамъ, или по наукамъ, не слѣдуетъ забывать все той-же жизни, нераздѣльной и разносторонней въ ея вѣчности. Въ любомъ, даже самомъ простомъ жизненномъ фактѣ всегда сосредоточивается множество сторонъ, — въ его

разсмотрѣніи, пониманіи, изученіи всегда участвуетъ множество наукъ. Вотъ, напр., вы, читатель, человѣкъ опредѣленнаго сословія и общественнаго положенія, читая эту мою книгу, изданную въ Россійскомъ государствѣ, по всѣмъ правиламъ Россійскаго свода законовъ, — представляете изъ себя поэтому самому фактъ юридическій и поэтому подлежите изученію и уже изучены въ этомъ отношеніи, съ этой стороны, наукой права. Вы — явленіе правовое. Вы, покупатель этой книги, человѣкъ такого-то общественнаго класса и экономическаго положенія, пользующійся такими-то доходами: рентой, прибылью или заработной платой, — или живущій въ такихъ-то экономическихъ тискахъ, уже поэтому самому изучены и изучаетесь экономическими науками. Вы—явленіе экономическое, социальное. Вы, читатель, живущій въ опредѣленный историческій моментъ, представляете изъ себя частичку русской исторіи, ея дѣятеля или ея жертву. Вы — во всякомъ случаѣ, историческій фактъ. Вы—явленіе историческое, продуктъ исторической среды, историческаго развитія. Вы же и фактъ географическій, потому что вы—человѣкъ предѣленной расы и племени и занимаете опредѣленное мѣсто на земномъ шарѣ, какъ житель данной страны. Вы же и фактъ психологическій, потому что въ это самое мгновеніе въ вашей душѣ совершается безконечно сложный рядъ психическихъ явленій, изучаемыхъ психологіей: поле вашего сознанія—безграничная арена ихъ. Тутъ и мысли, и чувства, и желанія, и надежды, и мечты, и интересы, и аппетиты; и инстинкты, и потребности. Вы же, какъ организмъ,—и анатомическій, и физиологическій фактъ. Вы же и фактъ химическій и физическій, потому что въ вашемъ тѣлѣ есть и химическая и физическая стороны, вы представляете изъ себя очень сложный комплексъ силы и матеріи, всевозможныхъ физическихъ явленій, до электричества включительно, вы—настоящій потокъ вѣчно превращающагося вещества. Вы же и фактъ космическій, иначе сказать, астрономическій, потому что и силы и атомы, изъ которыхъ вы составлены,—нераздѣльная часть планеты Земли, съ нею несущіеся въ пространствѣ. Другими словами, въ васъ, лично въ васъ, какъ бы сосредоточенъ цѣлый рядъ фактовъ, изучаемыхъ одновременно множествомъ наукъ. Но вы-то сами—фактъ единый и нераздѣльный. Вы—воплощеніе и представленіе жизни въ ея цѣломъ. Васъ, какъ и всю жизнь въ ея цѣломъ, одновременно изучаютъ всѣ науки. Нѣтъ такой науки, которая не имѣла бы никакого касательства къ вамъ. Но, какъ бы всѣ науки ни были раздѣльны, вы-то, какъ человѣческая личность, все-таки нераздѣльны, да таковымъ всегда и останетесь. Врядъ ли нужно доказывать, что всѣ эти соображенія приложимы для всѣхъ фактовъ и для всѣхъ наукъ, какія только существовали, существуютъ или будутъ существовать, не говоря уже объ утилитарномъ значеніи разныхъ наукъ въ дѣлѣ устройства человѣческой жизни. Всѣ онѣ въ своей совокупности освѣщаютъ нераздѣльную жизнь и ея факты, въ томъ числѣ и васъ лично, какъ одинъ изъ фактовъ ея. Иначе сказать, наука—схема, жизнь — в с е. И этого-то и не слѣдуетъ забывать, имѣя въ виду книжныя богатства и изученіе ихъ.

Отбросимъ же навсегда въ сторону всякую схоластику и всякіе односторонніе книжные очки. Не будемъ забывать ни на минуту все служебное значеніе отвлеченности и анализа. За книгой и книжнымъ изученіемъ не будемъ забывать жизни и ея ощущеній.

Все вышесказанное, какъ это уже видно и изъ предыдущаго, имѣетъ непосредственное отношеніе къ пониманію самой сущности книжнаго дѣла и къ общей оцѣнкѣ и расцѣнкѣ всѣхъ книжныхъ богатствъ въ ихъ цѣломъ. Выводъ изъ всего вышесказаннаго таковъ: всѣ подраздѣленія, всѣ сортировки книжныхъ богатствъ на отдѣлы, подотдѣлы и проч.,—всѣ условны, всѣ неточны, всѣ относительны. Самая суть дѣла не въ томъ, чтобы правильно распредѣлять

книги по тѣмъ или другимъ отдѣламъ, а въ томъ, чтобы изучать и понимать съ ихъ помощью единую, нераздѣльную, безконечно сложную жизнь, а значить, и личность человѣческую, стоящую въ жизни, съ человѣческой точки зрѣнія, на главномъ мѣстѣ.

§ 9. Третій принципъ книжнаго дѣла: книга—орудіе.

Далѣе не слѣдуетъ забывать, что книга не болѣе, какъ орудіе, которое создаетъ и которымъ дѣйствуетъ въ своихъ цѣляхъ все тотъ же человѣкъ, человѣческая личность, и поскольку различны цѣли, которыя выдвигаются этой послѣдней, постольку различно и разнообразно и примѣненіе этого орудія—книги. Она—орудіе передачи знанія, пониманія, настроенія отъ того, кто книгу пишетъ, тѣмъ, кто ее читаетъ или будетъ читать; тонкое орудіе психическаго воздѣйствія творца книги на самую пеструю и разношерстную толпу,— толпу разныхъ временъ и народовъ; орудіе, способное переходить изъ страны въ страну, изъ вѣка въ вѣкъ; орудіе особенно могущественное, потому что имъ можно воздѣйствовать исключительно на психику человѣка и даже на психику общества, т. е. на то, что вообще очень трудно поддается воздѣйствію. Но, какъ и всякое орудіе, книгу едва ли можно назвать хорошей, полезной, благотворной самое по себѣ, независимо отъ оцѣнки тѣхъ рукъ, которыя ее пользуют въ данномъ случаѣ, какъ орудіемъ. Давно уже сказано, что хорошая вещь топоръ, но имъ можно сдѣлать съ одинаковымъ успѣхомъ и самое хорошее, и самое скверное дѣло: и выстроить превосходный домъ, и отличный корабль, и всякое другое деревянное сооруженіе, но имъ же можно и отрубить единымъ взмахомъ голову величайшему человѣческому гению. Такъ къ книгѣ и относятся разные люди по разному. Въ рукахъ однихъ—она орудіе расширенія и углубленія жизни, и вообще ея передѣлки въ сторону свѣта и свободы; въ рукахъ другихъ книга—орудіе борьбы противъ тѣхъ же самыхъ началъ, орудіе угашенія духа и затемненія свѣта, орудіе гнета, насилія надъ человѣческой личностью, орудіе всякаго униженія и топтанія этой послѣдней, вплоть до глумленія надъ нею включительно. Извѣстны тысячи тысячъ примѣровъ, что даже произведеніями величайшихъ свѣточей человѣчества насильники сплошь и рядомъ пользуют для своихъ самыхъ гнусныхъ цѣлей. Костры инквизиціи горѣли, оправдываемые ссылками на Евангеліе. Произведенія свободолюбивыхъ греческихъ классиковъ служатъ до сихъ поръ очень распространенными орудіями для угашенія духа молодыхъ поколѣній. Тысячи тысячъ книгъ и другихъ произведеній печати написаны и пишутся специально для оправданія всякаго рода завѣдомыхъ гнусностей, специально для отупленія человѣчества, главнымъ образомъ, молодыхъ поколѣній. Въ особенности это можно сказать про учебники, подлежащіе одобренію правительства и написанные по его указкѣ, правительства, всегда состоящаго изъ представителей командующихъ классовъ, сильныхъ политически и экономически, и не останавливающихся ни предъ какой несправедливостью, чтобы сохранить свое привилегированное положеніе. Сотни тысячъ книгъ написаны въ защиту этого положенія и въ оправданіе всякихъ несправедливостей и преступленій, вплоть до смертной казни включительно. Далѣе, всякому извѣстно, что про одну даже очень солидную и внушительную книгу, именуемую „Сводомъ законовъ“ (и не только Россіи, но и всякаго другого государства), издавна сложилась народная пословица, что эта книга, „вродѣ какъ дышло: куда захочешь, туда и воротишь“. И предъ лицомъ миллионовъ фактовъ, которыми уже подарила и до сихъ поръ еще даритъ насъ окружающая жизнь, фактовъ изъ области религіозной, умственной, политической и вообще соціальной жизни, мы не можемъ не придти къ тому выводу, что книга дѣйствительно ничто иное, какъ орудіе въ рукахъ человѣка, ея творца и распространителя, да ничѣмъ инымъ и быть не можетъ. Поэтому говорить о томъ, что книга, уже какъ таковая, представляетъ изъ себя нѣчто хорошее, не приходится. Самая суть во-

проса о пользѣ или вредѣ книги не въ ней самой, а въ томъ, кто и какъ, и въ какихъ цѣляхъ дѣйствуетъ ею, какъ орудіемъ. Ниже намъ еще придется говорить о вліяніи книги и объ условіяхъ, при которыхъ это вліяніе бываетъ то благотворнымъ, то вреднымъ, въ зависимости отъ той почвы, на которую падаетъ содержаніе книги. И въ этомъ случаѣ мы увидимъ, что даже завѣдомо дрянная книга, при нѣкоторомъ стеченіи внѣшнихъ и внутреннихъ обстоятельствъ, можетъ производить иногда самое благотворное вліяніе. А книги самыя лучшія, въ научномъ и даже философскомъ и социальномъ смыслѣ, напримеръ, проповѣди Христа, могутъ вести къ самымъ печальнымъ послѣдствіямъ. Поэтому вопросъ о пользѣ или вредѣ той или иной книги, — это вопросъ не самой книги, а тѣхъ условій, при которыхъ она производитъ свое дѣйствіе. Этому принципа и не должны никогда упускать изъ виду работники книжнаго дѣла. Они должны изучать эти самыя условія—и внутреннія, психическія, и внѣшнія, социальныя, и всякія другія, и побольше и посерьезнѣе думать и размышлять о нихъ, если хотятъ, чтобы и ихъ собственная работа сдѣлалась наиболѣе плодотворной.

§ 10. Четвертый принципъ книжнаго дѣла: книга, какъ орудіе добра, справедливости и истины.

Изъ всего предыдущаго нельзя не сдѣлать одного вывода, который имѣетъ, несомнѣнно, громадное значеніе для всей постановки книжнаго дѣла, для его пониманія и оцѣнки, и, наконецъ, для настроенія лицъ, въ немъ принимающихъ участіе. Да, книга дѣйствительно не болѣе, какъ орудіе. Да, чтобы рѣшить вопросъ о томъ, приноситъ ли это орудіе, въ конечномъ итогѣ, вредъ или пользу человѣческой личности и всему человѣчеству,—нужно сосредоточить вниманіе на тѣхъ условіяхъ, въ которыхъ примѣняется книга. Но именно потому, что вопросъ о пользѣ или вредѣ книги—это вопросъ условій, она, какъ орудіе, и является орудіемъ свѣта, свободы, справедливости, правды. Эту великую и знаменательную истину работникъ книжнаго дѣла долженъ не только понять, но и почувствовать. Она должна до глубины души захватить его, потому что понять эту истину—это и значить понять и оцѣнить самого себя, свою работу, свою жизнь, ея смыслъ, ея самое внутреннее, глубокое значеніе. Пусть среди книжныхъ богатствъ человѣчества существуетъ и еще долго будетъ существовать завѣдомо много разной книжной дряни и требухи; пусть эта требуха пользуется особымъ покровительствомъ властныхъ или ловкихъ господъ, пользующихся ею въ своихъ низменныхъ цѣляхъ, чтобы наводить туманъ на человѣческое сознаніе, поработать его, въ тѣхъ же цѣляхъ, путемъ культивировки обмана, мрака и невѣжества, пусть политическіе или социальные хозяева положенія, хотя бы даже сознательно и планомерно работаютъ надъ производствомъ и распространеніемъ своей тенденціозной и завѣдомо лживой „литературы“,—все равно не имъ принадлежитъ будущее. И не только будущее, но и настоящее. Давно сказано: „и если только останется на свѣтѣ хоть одинъ умный и честный человѣкъ и хоть одна умная, честная книга,—даже этого будетъ достаточно, при нѣкоторыхъ социальныхъ условіяхъ, чтобы темный изъ темныхъ и тихій изъ тихихъ уже понималъ свое положеніе, и чтобы одна единственная книга, говорящая правду, сильнѣе подѣйствовала на него, чѣмъ сотня самыхъ ложныхъ и гнусныхъ книгъ, принудительно распространяемыхъ“. Условія самой жизни заставляютъ людей вокругъ насъ отличать ложь отъ истины, нелѣпость и обманъ отъ правды.

„Люди любятъ истину,—сказалъ когда-то Д. Г. Льюисъ *),—не потому, что она истина, а потому, что на ней основываются тѣ или другія мнѣнія,

*) „Исторія философіи“, стр. 795.

которыя считаются необходимыми для ихъ счастья. Вотъ что составляетъ вѣчную природу прогресса человѣчества“. Тоже давно сказано, что ложь и несправедливость невыгодны огромному большинству людей, и, прежде всего, трудящимся классамъ населенія. Поэтому-то именно самыя условія соціальной жизни и борьбы, кипящей за ихъ измѣненіе къ лучшему, дѣлають миллионы людей крайне воспримчивыми къ словамъ справедливости и истины. И правда: что такое истина, какъ не соотвѣтствіе мнѣнія съ фактами, или, какъ выражается тотъ же Д. Льюисъ: „согласіе выводовъ съ чувствованіями“ *)? Сколько ни называй всенародное бѣдствіе „недородомъ“, а кровожадность Наполеоновъ и Тамерлановъ и ихъ отродій „божественной“ или „человѣческой“ „милостью“, все равно факты отъ этого названія все-таки остаются фактами, и даже самыя искреннія мнѣнія, имъ поддакивающія въ этомъ, никому истиной не покажутся,—факты, всѣмъ очевидные, въ концѣ концовъ даже самыхъ тупоумныхъ людей заставятъ признать истину истиной, вопреки самымъ горячимъ увѣреніямъ тѣхъ, кто заинтересованъ въ распространеніи лжи. Если истина дѣйствительно страшная сила, такъ именно благодаря своему соотвѣтствію съ фактами жизни и съ интересами большинства, то-есть трудящихся классовъ. Сравнительно съ книгой, сѣющей ложь, книга, сѣющая истину дѣйствительно представляетъ изъ себя страшную силу. Именно книга послѣдняго типа и является такой книгой, которая необходима большинству человѣчества. Лишь благодаря сочувствію этого послѣдняго, книги, служащія истинѣ, не сходятъ съ читательскаго горизонта въ теченіе вѣковъ и тысячелѣтій и получаютъ громадное распространеніе. Еще многія тысячи лѣтъ тому назадъ книга въ рукахъ лучшихъ представителей человѣчества сдѣлалась однимъ изъ главныхъ орудій ихъ борьбы за истину и справедливость, и именно это орудіе придало этимъ людямъ страшную силу. „Бойтесь, бойтесь кроткихъ и невооруженныхъ, если въ ихъ рукахъ истина“,—такъ совѣтовалъ одинъ средневѣковый проповѣдникъ средневѣковымъ гонителямъ истины. Далѣе, что такое справедливость? Въ согласіи со всѣми великими религіями человѣчества, самая суть всякой человѣческой справедливости, въ формулировкѣ Л. Толстого, сводится къ одному основному правилу: „Не дѣлай другимъ того, чего не желаешь, чтобы тебѣ самому дѣлали“. Иначе говоря, въ формулировкѣ поэта: „Живи и жить давай другимъ“. Ту же идею современный философъ (Г. Спенсеръ) формулируетъ такъ: „Всякій челоѣкъ воленъ дѣлать все то, что онъ хочетъ, лишь бы онъ не нарушалъ ничьей свободы“. Но вѣдь къ этому-то и сводится самое страстное, задушевное желаніе всякаго челоѣка, за исключеніемъ тѣхъ, кто именно на нарушеніи чужой (политической, экономической и духовной) свободы и строить свое благополучіе. Справедливость, прежде всего, необходима большинству человѣчества, т. е. опять-таки тѣмъ же трудящимся классамъ, его составляющимъ, и всякая книга, дѣйствительно служащая справедливости, не можетъ не находить себѣ самага горячаго отзвука въ сердцахъ всѣхъ труждающихся и обремененныхъ, всѣхъ оскорбленныхъ и униженныхъ. Такимъ образомъ, книга, являющаяся въ ихъ борьбѣ за свое существованіе носительницей истины и справедливости,—это и есть книга, представляющая изъ себя страшную силу и могущественнѣйшее орудіе въ этой борьбѣ. Это и должны понимать и помнить всѣ работники книжнаго дѣла. Только такія книги представляютъ изъ себя страшную силу, которыя служатъ истинѣ и справедливости, а всѣ тѣ, кто работаетъ въ противоположномъ направленіи, обречены на безсиліе, такъ какъ жизнь трудящихся классовъ, въ конечномъ итогѣ, болѣе или менѣе быстро опровергаетъ ихъ. Степень же этой быстроты зависитъ ни отъ чего иного, какъ отъ сознательности читающей и мыслящей массы, отъ степени развитія ея созна-

*) „Вопросы о жизни и духѣ“. Т. I, стр. 343.

нѣя. Поэтому работники книжнаго дѣла и всѣ тѣ, кто, такъ или иначе, причастенъ къ книжнымъ богатствамъ человѣчества, должны ясно и опредѣленно относиться къ книгѣ, какъ къ могущественнѣйшему орудію борьбы за справедливость и истину. Они не могутъ не принимать въ этой борьбѣ участія, не могутъ не служить, кто какъ можетъ и гдѣ только можетъ, той же справедливости и истинѣ.

§ II. Три великихъ силы, содержащіяся въ книгѣ:—знаніе, пониманіе, настроеніе.

Попробуемъ теперь сдѣлать нѣкоторые выводы изъ вышеизложенныхъ принциповъ, непосредственно относящихся къ нашей практической задачѣ. Первый вопросъ, возникающій предъ нашимъ сознаниемъ, заключается въ слѣдующемъ. Исходя изъ основного принципа личности, принимая въ расчетъ ее и ея стремленія, имѣя затѣмъ въ виду, прежде всего, не схоластическіе интересы книги, а именно интересы жизни, однимъ изъ могущественнѣйшихъ орудій для передѣлки которой, въ интересахъ истины и справедливости и трудящагося большинства человѣчества, является книга, — намъ предстоитъ теперь приступить къ разборкѣ книжныхъ богатствъ и къ оцѣнкѣ ихъ съ вышенамѣченныхъ точекъ зрѣнія. Нужно ли доказывать, что далеко не всякое произведеніе печати имѣетъ интересъ съ этихъ точекъ зрѣнія? Нужно ли говорить о томъ, что многія и многія изъ нихъ заранѣе могутъ и должны быть оставлены въ сторонѣ и выброшены изъ нашего обозрѣнія? Какъ извѣстно, есть литература и литература. Есть произведенія печати, которыя можно назвать произведеніями „ни для кого“, за исключеніемъ ихъ авторовъ, наслаждавшихся, быть можетъ, самымъ процессомъ ихъ созиданія; есть литература минутнаго интереса, „литература момента“, — совокупность печатныхъ эфемеридъ, напоминающихъ муху-поденку, живущую лишь отъ восхода до заката солнца; далѣе, есть „литература пункта или уголка“, для него только и интересная; литература „документовъ“ и „деталей“ и т. д., объявленных, уставовъ, отчетовъ, циркуляровъ и прокламацій и т. п. вихрь печатной бумаги, характерная особенность котораго — его специальный интересъ лишь для того момента и пункта, для которыхъ онъ былъ предназначенъ, и недоступность для широкихъ круговъ читателей. Несомнѣнно, для общей характеристики текущей жизни и такая литература представляетъ изъ себя своеобразное собраніе печатныхъ документовъ, и историкъ не можетъ оставить ея безъ вниманія. Но, во всякомъ случаѣ, не въ этой грудѣ печатныхъ произведеній надо искать центръ того вліянія, которое оказываетъ на человѣчество литература, въ лучшемъ, въ самомъ возвышенномъ, благородномъ смыслѣ этого слова. Для насъ, живущихъ нервной и дѣятельной жизнью XX столѣтія, литература, прежде всего, представляется всемірной сокровищницей трехъ величайшихъ силъ, — силъ, необходимыхъ для каждой человѣческой личности для того, чтобы „ориентироваться и устроиться во вселенной“. Вотъ эти три великія силы: во-первыхъ, знаніе, во-вторыхъ, пониманіе, въ-третьихъ, настроеніе. Не всякое печатное произведеніе содержитъ въ своихъ нѣдрахъ эти три силы. Но для широкихъ круговъ грамотнаго человѣчества именно ихъ-то и приходится искать въ книгѣ, ради ихъ-то проявленія, накопленія, развитія и стремиться къ книгѣ. Правда, всѣ эти три силы до нѣкоторой степени неотдѣлимы одна отъ другой и встрѣчаются болѣе или менѣе вмѣстѣ. Но не во всякой книгѣ онѣ находятся въ равныхъ количествахъ, и иныя книги, прежде всего, даютъ знаніе, другія будятъ мысль, третьи воздѣйствуютъ на настроеніе, — прежде всего и больше всего на него. На значеніи этихъ трехъ духовныхъ силъ необходимо нѣсколько остановиться, чтобы термины, выбранные нами, не возбуждали въ читателяхъ недоразумѣній.

Что такое знаніе, пониманіе, настроеніе? Подъ первымъ мы понимаемъ знаніе, прежде всего, научное, соответствующее возможно строгимъ требованіямъ научной достовѣрности и точности, въ связи съ успѣхами

науки въ данный историческій моментъ,—знанія фактовъ и законовъ ихъ, то-есть обобщеній этихъ фактовъ, обобщеній, опредѣленнымъ образомъ формулированныхъ,—знаніе настоящаго въ связи со знаніемъ прошлаго, изъ котораго развилось нынѣ существующее, знаніе систематизированное, цѣльное, глубокое и широкое, дающее въ своей совокупности возможно полную концепцію всего мірозданія, знаніе, дающее возможно широкой научный кругозоръ, закругленное общее міросозерцаніе. Подъ вторымъ мы понимаемъ силу критической мысли, умѣнье вникать въ явленія жизни, ничего не принимая на вѣру и добиваясь, прежде всего, достовѣрной, провѣренной истины, умѣнье, какъ говоритъ В. Лесевичъ, „сводитъ данное явленіе къ его причинѣ“ *), ясность мысли и стремленіе къ такой ясности, находящее свое полное удовлетвореніе лишь тогда, когда объясненіе фактовъ приведено къ понятіямъ, фактически обоснованнымъ **), „способность ориентироваться въ новыхъ для насъ данныхъ опыта“ ***), развитіе въ себѣ самомъ свободной и независимой ни отъ какихъ авторитетовъ мысли,—свободной, въ лучшемъ смыслѣ этого слова. Подъ третьимъ мы понимаемъ настроеніе этическое и гуманное,—общественное, безъ котораго немислимо правильное отношеніе къ явленіямъ окружающей среды, никакая оцѣнка этихъ отношеній, никакое маломальски энергичное наступательное дѣйствіе живой человѣческой личности, направленное противъ тѣхъ сторонъ жизни, которыя, съ точки зрѣнія этой оцѣнки, не выдерживаютъ критики и должны быть измѣнены. Чтобы быть борцомъ за лучшее будущее и работникомъ во имя его,—а жить полною, настающею жизнью, не будучи ни тѣмъ, ни другимъ, невозможно ни въ наши, ни въ какія другія времена,—необходимо реагировать на окружающее. Безъ этого реагирования никакое общее образованіе, никакое, даже самое глубокое и научное міросозерцаніе, ни къ чему. Но, чтобы реагировать на окружающее, необходимо имѣть въ своей душѣ не только знанія и идеи; необходимо еще, чтобы онѣ были тамъ органически соединены,—высокія идеи съ чистыми знаніями. Факты и идеи должны не только свѣтить, но и волновать. Ницше сказалъ совершенно правильно, что „мысль есть только малый разумъ чловѣка. Важнѣе ея—большій разумъ, т. е. органическое воспріятіе, т. е. вся совокупность чувствъ, привычекъ, ассоціацій, которая связана съ данной формулой мысли“. Наше знаніе, пониманіе, настроеніе, — это три нераздѣльныхъ элемента живой человѣческой личности.

Работникъ книжнаго дѣла долженъ служить, посредствомъ распространенія книгъ, не только распространенію знаній, но и критическаго отношенія къ окружающей дѣйствительности, умѣнья вникать въ нее, умѣнья вникать въ окружающее въ любомъ мѣстѣ и въ любое время. Другими словами, онъ долженъ помогать чловѣку въ дѣлѣ развитія его пониманія. Но и этого еще мало,—работникъ книжнаго дѣла долженъ давать людямъ, кромѣ того, нѣкоторый комплексъ эмоцій, настроеній, чувствованій, безъ которыхъ немислима не только духовная, но и всякая иная жизнь. Знаніе, пониманіе и настроеніе—три силы, кристаллизующіяся путемъ печати въ книгѣ и сохраняющіяся въ потенциальномъ состояніи въ библіотекѣ—совокупности книгъ. Большая и непростительная ошибка понимать основныя задачи книжнаго дѣла, какъ распространеніе однихъ только знаній посредствомъ распространенія книгъ. Его задачи болѣе широкія и болѣе боевыя. Поэтому всякій работникъ книжнаго дѣла долженъ прежде всего составить себѣ понятіе о такомъ подборѣ книгъ, который давалъ бы всѣ три вышеперечисленные элемента духовнаго развитія человѣческой личности,—то есть знаніе, пониманіе, настроеніе.

*) „Письма о научн. философій“, стр. 34. См. тамъ же стр. 29—34, выясненіе этого понятія. „Знаніе—только средство для уразумѣнія“. Шопенгауэръ. „Афоризмы“. I, 461.

**) Корнеліусъ. „Введеніе въ философію“, 17.

***) Джемсъ. „Психологія“, стр. 287.

§ 12. Книги, какъ орудіе трехъ великихъ духовныхъ силъ.

Всѣ книги, которыя только существуютъ или существовали на свѣтѣ, могутъ быть, прежде всего, распределены по тремъ великимъ духовнымъ силамъ, о которыхъ здѣсь сейчасъ шла рѣчь,—смотря по тому, какой изъ этихъ трехъ силъ данная книга служитъ больше, и запасъ какой изъ нихъ она въ наибольшей степени собою представляетъ. Есть книги, дающія настроеніе, или, точнѣе говоря, настроенія, въ ихъ безконечныхъ разнообразіяхъ и оттѣнкахъ, отъ боевого настроенія революціоннаго борца до разслабленнаго причитанія размагниченнаго нытика, отъ мечтаній и тоски влюбленнаго Вертера до міровой скорби Фауста, до „философскихъ горѣній“ Фихте, до огненной убѣжденности Дж. Бруно и т. д. Критическая мысль, „пониманіе“ также имѣетъ безконечное число оттѣнковъ. То она представляетъ изъ себя острое лезвіе тончайшаго анализа, то орудіе гениальнаго творчества, мощный синтезъ творящаго генія, указывающаго новые пути въ цѣляхъ перестройки міропониманія и всей жизни, то осторожное, кропотливое, вдумчивое и добросовѣстное изслѣдованіе ученаго. То же можно сказать о накопленіи знаній и о ихъ безконечномъ разнообразіи, о трудахъ изслѣдователей, работающихъ надъ изученіемъ разныхъ сторонъ единой жизни и отдающихъ многіе годы и даже всю свою жизнь дѣлу собиранія, констатированія безконечно большаго числа безконечно мелкихъ фактовъ,—ученыхъ, дѣлающихъ смѣлыя и точныя обобщенія и выводы, создающихъ научный синтезъ и стремящихся выразить въ краткихъ и точныхъ формулахъ, все разнообразіе явленій жизни. Идеальная книга совмѣщаетъ въ себѣ всѣ три силы — знаніе, пониманіе, настроеніе (напримѣръ, такое соединеніе ихъ можно видѣть въ „Исторіи англійской литературы“ Тэна, „Историческихъ письмахъ“ П. Лаврова). Обыкновенно же эти силы встрѣчаются въ разныхъ количествахъ и пропорціяхъ. Есть литература настроеній, — типичной представительницей ея могутъ служить, такъ называемая, „изящная словесность“, агитаціонная литература, нѣкоторыя произведенія религіозной мысли, напр., „Слова вѣрующаго“ Ламенэ. Есть литература критической мысли, представителями которой могутъ служить произведенія теоретическаго, обобщающаго, абстрактнаго характера, нѣкоторыя философскія произведенія и многочисленная полемическая литература. Есть, наконецъ, литература знаній и фактовъ, систематизированныхъ, классифицированныхъ, описанныхъ, оцѣненныхъ и т. д.

При видѣ всякой книги невольно возникаетъ вопросъ, — какой именно изъ трехъ духовныхъ силъ данная книга служитъ и въ какой степени? Въ зависимости отъ этого, какъ мы увидимъ дальше, находится не только пользованіе книгою, какъ орудіемъ, но и практическое значеніе ея въ данное время и въ данномъ мѣстѣ. Изъ всѣхъ этихъ силъ, наиболѣе практическое значеніе имѣетъ, несомнѣнно, настроеніе. Въ зависимости отъ его количества и его потенциальной энергіи (напряженія) находится не только сила книжнаго вліянія на даннаго читателя, но, въ значительной степени, и сила усвоенія книжнаго содержанія читательскимъ большинствомъ, а значитъ, и степень историческаго значенія всякой книги. Работники книжнаго дѣла должны обращать особенное вниманіе на научныя книги, написанныя съ настроеніемъ, и для каждой отрасли знанія имѣть подборъ такихъ книгъ. По относительному напряженію трехъ духовныхъ силъ—знанія, пониманія и настроенія—всѣ печатныя произведенія могутъ быть распределены на три главныхъ отдѣла. Во-первыхъ, литературу интимную, литературу личныхъ переживаній, литературу разныхъ и всевозможныхъ индивидуальностей, типичной представительницей которой могутъ служить произведенія изящной литературы, а также произведенія нѣкоторыхъ другихъ изящныхъ искусствъ (въ особенности музыки); во-вторыхъ, литературу соціальной среды, регистрирующую и оцѣнивающую ея явленія,—литературу той общественной атмосферы, въ которой мы всѣ рождаемся, растемъ и дѣйствуемъ, которою мы всѣ дышемъ, въ которой нерѣд-

ко задыхаемся; и, наконецъ, литературу среды космической, регистрирующей и оцѣнивающей явления природы (органической и неорганической). Въ произведеніяхъ, относящихся къ первому типу литературы, несомнѣнно, преобладаетъ настроеніе. Именно ихъ она регистрируетъ и оцѣниваетъ. Въ литературѣ третьяго типа, напротивъ, преобладаетъ знаніе, и идеаль этой послѣдней—объективное, безпристрастное знаніе, регистрирующее факты и оцѣнивающее лишь достовѣрность ихъ и правильность ихъ сообщенія, а также выводы изъ этихъ послѣднихъ. Литература социальная занимаетъ промежуточное положеніе между этими послѣдними: нелишенная настроенія, она вмѣстѣ съ тѣмъ стремится къ объективности. Что касается до пониманія, то, въ лицѣ исторической и экономической науки, а также статистики и нѣкоторыхъ другихъ научныхъ дисциплинъ, какъ уже было замѣчено выше, оно во всѣ времена, всегда и всюду представляло изъ себя ничто иное, какъ „службу настроенія“, и если объективное изученіе всего существующаго является идеаломъ и пониманія, то лишь въ области литературы космической идеаль этотъ достигается въ удовлетворительной степени; въ литературѣ же социальной и интимной до этого послѣдняго очень далеко. Пониманіе—та связка, которая охватываетъ собою всѣ три литературы и соединяетъ ихъ въ единое цѣлое силою человѣческаго сужденія, съ точки зрѣнія ума, потребностей, запросовъ и интересовъ человѣческой личности.

Распределеніе всѣхъ книжныхъ богатствъ по вышеперечисленнымъ тремъ типамъ литературы имѣетъ не только теоретическое, но и практическое значеніе. Какъ мы увидимъ нѣсколько ниже, оно не можетъ не быть принято въ расчетъ при болѣе детальной классификаціи книжныхъ богатствъ по болѣе детальнымъ рубрикамъ. Слѣдуетъ при этомъ отмѣтить, что распределеніе ихъ по тѣмъ же тремъ рубрикамъ вполне совпадаетъ и со степенью читаемости этихъ трехъ литературъ. Литература настроеній всегда была, есть и будетъ литературой самой читаемой. Литература наиболѣе объективная, которая, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, является и наиболѣе отвлеченною,—наименѣе читаема. Социальная литература и въ этомъ отношеніи занимаетъ среднее положеніе. Каждый историческій моментъ, каждый уголокъ вселенной, каждая отдѣльная личность выдвигала, выдвигаетъ, всегда будетъ выдвигать свои особые запросы на настроеніе, знаніе, пониманіе. Эти послѣднія подлежатъ своеобразному распределенію въ пространствѣ и времени. Какое же настроеніе, гдѣ является преобладающимъ? Какова цѣна этому настроенію съ точки зрѣнія основныхъ требованій истины и справедливости? Надо ли бороться съ нимъ, или помогать ему? А если помогать или бороться, то какимъ именно способомъ? Какія же именно книги являются лучшими орудіями въ данномъ отношеніи? Какія же именно книги являются наиболѣе важными для данной общественной группы, для данной личности? Вотъ вопросы, стоящіе не только передъ каждымъ работникомъ книжнаго дѣла, но и передъ каждымъ человѣкомъ, и знакомство съ литературою настроеній имѣетъ въ этомъ отношеніи громадную практическую цѣнность. Сама собою является необходимостью имѣть въ головѣ запасъ библиографическихъ данныхъ въ отвѣтъ на вышеизложенные вопросы.

Но это не только относительно литературныхъ настроеній. Тѣ же вопросы, съ небольшими измѣненіями, можно предъявлять и къ литературѣ социальной и даже космической. Работники книжнаго дѣла и всякіе другіе распространители и читатели книгъ должны вооружать себя систематически,—имѣя въ виду всѣ эти три литературы вмѣстѣ, и отнюдь не одну изъ нихъ.

§ 13. Разныя категоріи работниковъ книжнаго дѣла и необходимый минимумъ ихъ знакомства съ книжными богатствами.

За этими наиболѣе общими классификаціями всѣхъ книжныхъ богатствъ человѣчества должна слѣдовать ихъ классификація болѣе детальная. Но, прежде чѣмъ перейти къ этой послѣдней, нельзя не сказать нѣсколько словъ

для предупрежденія нѣкоторыхъ могущихъ встрѣтиться недоразумѣній. Говоря о книжной классификаціи и вообще о книжныхъ богатствахъ и наиболѣе цѣлесообразномъ пользованіи ими, и предъявляя къ работникамъ книжнаго дѣла опредѣленные требованія, необходимо не упускать изъ виду и степень практическаго осуществленія этихъ требованій. Врядъ ли нужно доказывать, что милліоны людей, имѣющихъ дѣло съ книгами, сотни тысячъ распространяющихъ книги и десятки тысячъ работниковъ-спеціалистовъ стоятъ и всегда будутъ оставаться на самыхъ разнообразныхъ уровняхъ книжныхъ знаній и далеко не въ одинаковой степени могутъ использовать ихъ.

Даже самое понятіе—„работникъ книжнаго дѣла“—понятіе очень общее, и въ него входятъ самыя разнообразныя категоріи не только профессионаловъ-работниковъ,—библіотекаря, книгопродавца, издателя и авторы, съ одной стороны, а съ другой,—всѣ распространители книгъ, и среди нихъ прежде всего учителя, учительницы, члены просвѣтительныхъ обществъ и другихъ просвѣтительныхъ учреждений, земскіе дѣятели и т. д., вообще работники самыхъ разнообразныхъ категорій. Можно ли предъявлять требованія, изложенныя въ этой книгѣ, въ одинаковой степени къ представителямъ всѣхъ этихъ пестрыхъ категорій? Да и нужны ли столь детальныя книжныя и философскія знанія, о какихъ дальше будетъ идти рѣчь, всѣмъ работникамъ книжнаго дѣла, напр., книгопродавцамъ, приказчикамъ книжныхъ магазиновъ и т. п.? На этотъ вопросъ, думается намъ, не можетъ быть иного отвѣта: „могій вмѣстити, да вмѣстити“. Всякое знаніе, всякое свѣдѣніе, о книгахъ, находящееся въ распоряженіи человѣка, пользующагося такъ или иначе книгами, не можетъ не пригодиться. Чѣмъ больше у него такихъ знаній, тѣмъ больше у него силы. Но, разумѣется, не о максимумѣ книжныхъ знаній въ данномъ случаѣ намъ приходится вести рѣчь, а о необходимомъ минимумѣ ихъ. Безспорно, разныя категоріи работниковъ книжнаго дѣла, для его цѣлесообразнаго совершенія, требуютъ разной степени книжной подготовки. Нѣкоторые работники могутъ дѣлать свое дѣло недурно и съ меньшей подготовкой, чѣмъ какая требуется отъ работниковъ другихъ категорій. Такъ, напр., далеко не всѣ требованія, которыя должно предъявлять къ бібліотекарю, можно предъявлять и къ книгопродавцу,—и обратно. Этотъ послѣдній долженъ, напр., лучше знать издательское дѣло и распредѣленіе книгъ по издателямъ, по годамъ и мѣсту изданія, но въ меньшей степени книги, давно изданныя, имѣющія историческій интересъ, журналы и журнальныя статьи, за справками о которыхъ, и за покупкой которыхъ публика къ торговцу новыми книгами не обращается. Но букинистъ, торгующій оптомъ и въ розницу старыми журналами, не можетъ пренебрегать и такого рода знаніями. Знакомство съ бібліографическими рѣдкостями и исторіей ихъ имѣетъ для торговца „антиквара“ даже особенный практическій интересъ, такъ какъ это позволяетъ набивать цѣны на распроданныя книги. Знакомство со степенью ихъ распроданности имѣетъ очень большое значеніе и для покупателя, такъ какъ только на этой почвѣ мыслима борьба съ непомѣрнымъ аппетитомъ разныхъ господъ букинистовъ, вродѣ Косцова, Чернова, Ключкова, Перевозкина, Шибанова и т. п., спекулирующихъ на бібліографическомъ невѣжествѣ провинціальныхъ покупателей. Несомнѣнно, большія свѣдѣнія о книгахъ, въ особенности же народныхъ дѣтскихъ и популярныхъ и даже научныхъ, долженъ имѣть каждый народный учитель, каждая учительница, и именнo свѣдѣнія, касающіяся книжнаго содержанія, ихъ внутренняго, идейнаго характера, свѣдѣнія о мѣстѣ, занимаемомъ данной книгой въ исторіи литературно-общественныхъ и научно-философскихъ теченій. Литература злбодневная, текущая, должна быть хорошо извѣстна этой категоріи работниковъ книжнаго дѣла, тоже и всѣмъ другимъ общественнымъ дѣятелямъ, принимающимъ мало-мальское участіе въ общественной жизни, если они въ нее хоть немножко вдумываются и не желаютъ окончательно быть ея пѣшками. Всякій мыслящій человекъ долженъ вырабатывать изъ себя творца жизни, по крайней мѣрѣ, въ той области, въ которой ему приходится



работать. Безъ знакомства съ книжными богатствами человѣчества немислима никакая творческая работа въ болѣе или менѣе крупныхъ размѣрахъ. Для всѣхъ такихъ работниковъ не должно быть рѣчи о какомъ-либо минимумѣ книжныхъ знаній. И всѣмъ имъ мы говоримъ: не жалѣйте ни времени, ни труда, чтобы ими запастись. Но еще болѣе строгія и широкія требованія приходится предъявлять къ издателямъ, а тѣмъ болѣе къ авторамъ книгъ. Издатели должны имѣть самое ясное представленіе о книжныхъ богатствахъ не только своей родной страны, но даже и чужихъ странъ и сознательно работать для планомернаго расширенія этихъ богатствъ посредствомъ изданія оригинальныхъ и переводныхъ книгъ. Издатели должны быть превосходными оцѣнщиками въ всякой книги и умѣть съ наивозможною тонкостью опредѣлять значеніе, направленіе и вообще удѣльный (относительный) вѣсъ всего того, что они сами издають или что раньше издано другими. Книжныя знанія, которыя мы старались сосредоточить въ этомъ нашемъ трудѣ, по нашему глубокому убѣжденію, — представляютъ изъ себя минимумъ того, что долженъ знать всякій издатель. Что касается до авторовъ, то не приходится даже говорить о томъ, чтобы этотъ минимумъ былъ достаточенъ и для нихъ. Нашъ трудъ — это лишь введеніе въ изученіе минимума. Всякій авторъ, въ своей области, долженъ быть знакомъ съ книжными богатствами настолько детально, чтобы имѣть возможность намѣчать интересныя для него пробѣлы въ нихъ, которые онъ, какъ авторъ, и могъ бы заполнить своими литературными работами. Это приложимо не только по отношенію къ литературѣ научной, но отчасти даже и къ художественной, по крайней мѣрѣ, для избѣжанія перепѣвовъ старыхъ темъ, не всегда искупаемыхъ новизною и художественностью формы. Отъ издателя и отъ авторовъ нельзя не требовать особенно сознательной, планомерной работы для развитія книжныхъ богатствъ въ ихъ цѣломъ. Милліоны милліоновъ вопросовъ еще вовсе не затронуты въ литературѣ. Есть безконечное число пробѣловъ во всѣхъ отрасляхъ знанія и искусства. Милліоны другихъ вопросовъ почти вовсе не разработаны, — они еще ожидаютъ разработки, ищутъ и зовутъ работниковъ; милліоны книгъ устарѣли, выдохлись, нуждаются въ обновленіи, переработкѣ, расширеніи, углубленіи и т. д. Разумѣется, для собственнаго удовольствія отчего же не писать о томъ, о чемъ пишется, не обращая вниманія ни на требованія жизни, ни на современное состояніе книжныхъ богатствъ. Отчего не издавать кой-какихъ книгъ, если есть деньги. Но не на авторахъ и издателяхъ такого рода держится, и не ими развивается книжное дѣло, и не ихъ усиліями дѣйствительно прогрессируютъ, дѣлаясь все болѣе и болѣе цѣнными, книжныя сокровища. Книжный рынокъ ждетъ сознательныхъ и свѣдущихъ работниковъ-творцовъ, сознательно идущихъ на то, чтобы планомерно заполнять пробѣлы и зарывать пропасти. И не такихъ, которые бы дѣлали свое дѣло съ глазами, полузакрытыми ихъ невѣжествомъ, а какъ люди дѣйствительно зрячіе и знающіе, чтѣ они дѣлають, и умѣющіе постоять за исполненіе взятыхъ на себя задачъ, хотя бы цѣною жертвъ со своей стороны, и уже, во всякомъ случаѣ, не боясь всякаго рода неприяностей. Свѣтлый образъ Ф. Ф. Павленкова, знаменитаго русскаго издателя, искреннѣйшаго книголюбца, неутомимѣйшаго борца за истину и справедливость, боровшагося за этотъ свой идеаль посредствомъ внѣдренія книги въ самые широкіе читательскіе круги, пусть будетъ руководителемъ для всѣхъ русскихъ издателей, путеводной звѣздой и примѣромъ для ихъ работы, въ смыслѣ ея широты, глубины, самой опредѣленной цѣлесообразности, ея глубоко-общественнаго, философски-научнаго значенія. Не приходится доказывать, что всей пишущей братіи особенно необходимо быть хорошими знатоками книжныхъ богатствъ. Ей даже стыдно говорить о минимумѣ знаній: ей нужно думать лишь о максимумѣ ихъ. Повторяемъ, нѣтъ такого знанія о книгахъ, котораго не могъ бы примѣнить, т. е. пустить въ оборотъ, вдвинуть въ читающую толпу всякій работникъ книжнаго дѣла, будь онъ простой, скромный при-

казчикъ, будь онъ издатель, авторъ, земець и т. д., а объ учителяхъ и учительницахъ и говорить нечего. Для всѣхъ работниковъ книжнаго дѣла всегда должно существовать одно общее правило, и вотъ какое: всегда, при всякомъ случаѣ старайся запастись возможно большимъ количествомъ возможно разностороннихъ, широкихъ и глубокихъ знаній о книжныхъ богатствахъ вообще и о разныхъ книгахъ, въ частности; возможно больше ройся въ книгахъ и возможно больше читай о книгахъ,—сколько только можешь, какъ только можешь, къ какой бы категоріи книжныхъ работниковъ ты ни относился, кѣмъ бы ты ни былъ среди нихъ. Мы старались сосредоточить въ нашемъ трудѣ именно тѣ книжныя знанія, которыя, по нашему мнѣнію, необходимы въ болѣе или менѣе одинаковой степени всѣмъ категоріямъ работниковъ книжнаго дѣла и вообще всѣмъ тѣмъ лицамъ, которые нуждаются въ разностороннемъ знаніи книгъ.

§ 14. Въ минимумъ книжныхъ знаній входитъ прежде всего знакомство съ тѣми книгами, которыя необходимы для общаго образованія. Что такое книжное ядро.

Въ общей сокровищницѣ книжныхъ богатствъ, созданныхъ историческою жизнью человѣчества существуетъ нѣкоторый центръ, нѣкоторое ядро, около котораго, группируется, сосредоточивается все наиболѣе крупное, увѣсистое, цѣнное. Можно замѣтить, при болѣе или менѣе внимательномъ разсмотрѣніи, центральное ядро и въ безформенной массѣ книжныхъ богатствъ. Къ этому центральному ядру должны быть отнесены всѣ произведенія человѣческаго ума, чувства и воли, созданія человѣческаго генія и таланта, тоже наиболѣе крупныя, увѣсистыя, цѣнныя, наличностью чего, въ сущности, и измѣряется общественная сторона книжныхъ богатствъ въ ихъ цѣломъ. Сравненіемъ съ этимъ книжнымъ ядромъ опредѣляется идейная цѣнность всего прочаго, существующаго въ печатномъ, рукописномъ и даже устномъ видѣ. Все прочее представляетъ изъ себя какъ бы распыленіе или эманацию этого ядра, пересказы и комментарии, перетасовки и перестановки, имъ же нѣсть числа и мѣры. Нужно ли доказывать, что главное вниманіе въ области книжнаго дѣла должно быть направлено на возможно подробное знакомство именно съ этимъ ядромъ, этой, въ полномъ смыслѣ слова, всемірной литературы? Знакомство съ книжными сокровищами, составляющими это всемірное литературное ядро, должно стоять на первомъ мѣстѣ въ системѣ знаній, необходимыхъ въ области книжнаго дѣла. Это-то книжное ядро и должно быть подвергнуто возможно детальному изученію, систематическому и разностороннему. Все, что добыто знаніемъ и мышленіемъ, всѣ завоеванія человѣческихъ стремленій, знанія и воли, и лучшія выраженія этихъ проявленій человѣческой души, необходимо искать именно въ этомъ литературномъ ядрѣ. Въ нашемъ дальнѣйшемъ изложеніи мы будемъ говорить поэтому только объ этомъ послѣднемъ.

Спрашивается теперь, что оно изъ себя представляетъ? Въ конечномъ выводѣ, всякая литература, какъ порожденіе ума, чувства и воли, какъ отдѣльныхъ личностей, такъ и общества,—всевозможныхъ общественныхъ группъ, національностей и всего человѣчества, какъ единаго цѣлага,—представляетъ изъ себя ничто иное, какъ книжное отраженіе: во-первыхъ, отраженіе человѣческой души, во-вторыхъ, общества человѣческаго, въ-третьихъ, всей вселенной, поскольку она изучена до настоящаго момента умомъ человѣческимъ. Книжныя богатства, въ своемъ цѣломъ, представляютъ изъ себя литературное зеркало жизни, литературное выраженіе космоса, разсмотрѣніе его съ разныхъ сторонъ, синтезъ, которыхъ ведетъ, въ конечномъ итогѣ, къ его общему пониманію. Знаніе, пониманіе, настроеніе жизни концентрируется ярче всего именно въ этомъ ядрѣ. Изученіе вселенной немислимо безъ изученія, точнѣе говоря, безъ помощи изученія книжнаго ядра. Образованіе, самообразованіе, въ конечномъ итогѣ, сводится къ тому же. Знакомство съ книжнымъ ядромъ необходимо для каждаго образованнаго человѣка вообще и всѣхъ работниковъ книжнаго дѣла въ особенности. Этимъ и опредѣ-

ляется необходимый имъ всѣмъ минимумъ книжныхъ знаній. Да и для всякаго чело вѣка, если этотъ послѣдній желаетъ сдѣлаться мало-мальски образованнымъ.

И правда, что значить быть образованнымъ? Это значить прежде всего,—знать и понимать возможно шире, глубже и разностороннѣе жизнь, какъ въ отдѣльных ея проявленіяхъ, такъ и во всемъ цѣломъ, самого себя и все окружающее, какъ въ его прошломъ, въ его исторіи, такъ и въ настоящемъ, а насколько возможно, и въ будущемъ. Но знать и понимать жизнь, для чело вѣка дѣйствительно образованнаго,—этого еще недостаточно. Есть нѣчто особенно важное и необходимое для каждаго изъ насъ и для чело вѣчества въ его цѣломъ. Это нѣчто—творчество, способность къ работѣ созиданія, къ инициативѣ, къ передѣлкѣ окружающей жизни. Чело вѣкъ во время процесса своей жизни не можетъ не вносить въ нее кое-чего своего, не можетъ не измѣнять, не дополнять ее, не передѣлывать, не творить, не разрушать. Какія же передѣлки и измѣненія долженъ онъ вносить въ жизнь? Что и въ какомъ направленіи творить и разрушать? Какія задачи себѣ и другимъ поставить? Къ какимъ цѣлямъ и идеаламъ стремиться? На всѣ эти вопросы всякій мыслящій чело вѣкъ тоже не можетъ не искать отвѣтовъ, къ тому же возможно опредѣленныхъ, точныхъ, глубокихъ и ясныхъ. Это тоже одна изъ насущнѣйшихъ задачъ образованія, и именно образованія общаго,—одинаково необходимаго и важнаго для всѣхъ людей. Въ тотъ же кругъ естественно входитъ еще одна не менѣе важная задача,—умѣние дѣйствовать, творить, проводить свое въ жизнь,—задача чисто-практическая, прикладная, но ею-то и измѣряется не только истинность предыдущихъ двухъ, но и ихъ справедливость, т. е. ихъ нравственное значеніе, ихъ житейская сила, ихъ жизненный смыслъ. Усвойте опредѣленный, законченный кругъ возможно точныхъ знаній; опредѣлите цѣли вашей жизни, вашихъ стремленій, вашей работы, научитесь осуществлять ихъ, какъ въ цѣломъ, такъ и въ мелочахъ, на практикѣ,—и въ вашей личной и въ общественной жизни,—таковы задачи образованія. Таковы задачи общаго образованія, т. е. такого, которое необходимо для всякаго чело вѣка, кто бы онъ ни былъ, и во всякомъ случаѣ—для огромнѣйшаго большинства людей. Всякій, кто желаетъ жить мало-мальски чело вѣческой жизнью, кто стремится углублять, расширять, украшать ее, дѣлать ее и возвышеннѣе и напряженнѣе, въ отличіе отъ жизни общественныхъ болотъ и лѣсовъ, не можетъ не мечтать, не можетъ не стремиться къ общему образованію, не можетъ не желать сдѣлать изъ себя нѣчто большее, нѣчто лучшее, чѣмъ то, что онъ теперь изъ себя представляетъ. Общее образованіе—цѣль очень многихъ и многихъ людей въ настоящее время. Во имя блага, какъ личнаго, такъ и общаго, всячески надо помогать тому, чтобы эта цѣль сдѣлалась цѣлью всѣхъ,—помогать всѣми возможными способами распространенію общаго образованія въ самыхъ широкихъ кругахъ. Каждый работникъ книжнаго дѣла, каждый распространитель книгъ, каждый учащій и учащійся долженъ думать прежде всего объ общемъ образованіи—и своемъ собственномъ и другихъ, и, прежде чѣмъ сдѣлаться специалистомъ въ какой-либо одной области, долженъ хорошенько понять и усвоить самыя основы общаго образованія, по той простой причинѣ, что всякій чело вѣкъ рождается не специалистомъ, а чело вѣкомъ вообще.

Общее образованіе занимаетъ поэтому центральное мѣсто въ области образованія вообще, а книги, служащія общему образованію, занимаютъ центральное мѣсто среди образовательныхъ книгъ вообще. Отсюда слѣдуетъ, что всякій работникъ книжнаго дѣла, всякій стремящійся къ образованію (своими или школьными средствами), всякій распространитель книгъ и борецъ за истину и справедливость, дѣйствующій книгой, какъ орудіемъ, прежде всего долженъ хорошенько изучить именно кругъ общеобразовательныхъ книгъ. Это и есть, если можно такъ выразиться, минимумъ минимума, нѣчто такое, что необходимо наиболѣе широкому кругу грамотнаго чело вѣчества.

Помогать общему образованію возможно большаго числа лю-

дей—такова главная задача. Эта задача не может не соединять всѣхъ работающих надъ этимъ великимъ дѣломъ въ одну дружную и многочисленную семью. И соединять ихъ не насиліемъ, не принужденіемъ, а любовью къ свѣту, какъ одному изъ первыхъ и самыхъ необходимыхъ условий для осуществленія идеала справедливости на землѣ. Кто бы вы ни были, мой читатель,—библіотекаръ или книгопродавецъ, переводчикъ или издатель, авторъ или вообще распространитель и читатель книгъ, учащій или учащійся, — всѣ вы должны запастись именно знаніемъ этого книжнаго ядра, а это послѣднее для всѣхъ васъ, въ своихъ главныхъ, основныхъ чертахъ, одинаково. Всѣ вы должны получить представленіе, во-первыхъ, о кругѣ знаній въ ихъ цѣломъ, о системѣ ихъ, во-вторыхъ, о лучшихъ книгахъ, существующихъ нынѣ въ каждой отрасли знанія, о ихъ оцѣнкѣ, ихъ характеристикѣ и т. д. Если вы библіотекаръ,—въ вашей библіотекѣ необходимо долженъ находиться систематическій подборъ книгъ, удовлетворяющій запросамъ читателей къ общему образованию. Если вы книгопродавецъ, вамъ нуженъ тотъ же списокъ общеобразовательныхъ книгъ, потому что большинство покупателей—все тѣ же стремящіеся къ образованию. Если вы издатель, то лишь познакомившись съ наличностью общеобразовательнаго ядра, вы можете себѣ составить представленіе о томъ, что вамъ издавать. Если вы вообще человекъ, стремящійся къ самообразованію,—вы должны отдать себѣ отчетъ въ существованіи всѣхъ отраслей знанія, какъ единой системы, и лучшихъ книгъ въ каждомъ отдѣлѣ его. О широкому литературному развитіи пишущей братіи, о необходимости возможно полного и глубокаго знакомства ея съ книжнымъ ядромъ уже было сказано выше. Центральное мѣсто въ дѣлѣ изученія книжныхъ богатствъ занимаетъ изученіе книжнаго ядра, а изучать это послѣднее одинаково важно для всѣхъ работниковъ книжнаго дѣла.

Здѣсь мы можемъ еще болѣе сѣзуть, но вмѣстѣ съ тѣмъ и сдѣлать болѣе опредѣленной эту задачу нашего труда, которую мы формулировали выше. Въ дальнѣйшемъ нашемъ изложеніи мы будемъ говорить не объ образованіи вообще, а только объ общемъ образованіи, и не о книжныхъ богатствахъ вообще, а только о тѣхъ, которыя являются лучшимъ, т. е. наиболѣе цѣннымъ орудіемъ общаго образованія.

§ 15. Теорія книжнаго ядра и его изученіе.

Теперь намъ предстоитъ отвѣтить на слѣдующій вопросъ: какія же именно книги, имѣющіяся въ книжномъ ядрѣ всемірной литературы, наилучшимъ образомъ могутъ удовлетворить цѣлямъ общаго образованія? Отвѣтить на этотъ вопросъ самымъ опредѣленнымъ образомъ можно лишь однимъ способомъ, а именно—составить списокъ такихъ книгъ. Къ этому, въ конечномъ итогѣ, и сводится рѣшеніе поставленной нами въ началѣ этого труда задачи. Такой списокъ мы и даемъ во второй части его, гдѣ читатель найдетъ каталогъ лучшихъ русскихъ книгъ, оригинальныхъ и переводныхъ, по каждой отрасли знанія. Всѣ эти книги тамъ указаны и представляютъ изъ себя, въ своей совокупности, по нашему мнѣнію, ядро русскихъ книжныхъ богатствъ, и съ этимъ-то ядромъ и должны ознакомиться возможно детальнѣе всѣ работники книжнаго дѣла и всѣ стремящіеся къ образованию.

Къ детальному изученію книжнаго ядра мы теперь и переходимъ. Мы будемъ говорить о немъ, какъ о единомъ цѣломъ, и такъ какъ это самое ядро представляетъ изъ себя нѣкоторую совокупность книгъ, нѣкоторую библиотечку, особымъ образомъ, по особой системѣ составленную, то мы въ нашемъ дальнѣйшемъ изложеніи и будемъ называть это книжное ядро общеобразовательной библиотечкою, а комплектъ книгъ, для нея необходимыхъ, каталогомъ общеобразовательной библиотечки. Далѣе, встрѣчая у насъ это послѣднее названіе, не слѣдуетъ забывать, что этотъ

библіотечный каталогъ есть, вмѣстѣ съ тѣмъ,—каталогъ книжнаго магазина, ставящаго своей задачей помогать дѣлу общаго образованія; тотъ же каталогъ представляетъ изъ себя и пособіе для самообразованія и образованія, для читателей разныхъ типовъ. Дѣло библиотекъ, книжныхъ магазиновъ и самообразовація—дѣло общее, и интересы всѣхъ ихъ—интересы общіе. Ученіе о библиотечномъ ядрѣ представляетъ изъ себя связующее звено для всѣхъ отраслей книжнаго дѣла, а служеніе возможно широкому распространенію и возможно быстрому круговращенію книгъ, входящихъ въ составъ этого ядра,—вотъ общая задача, и только при ея разумной и цѣлесообразной, правильной постановкѣ и практическомъ осуществленіи возможно и матеріальное процвѣтаніе вышеупомянутыхъ просвѣтительныхъ учреждений. Упоминаемъ объ этомъ, имѣя въ виду російскую книжную рутину и узкое пониманіе книжныхъ интересовъ, чѣмъ сильно грѣшатъ, какъ извѣстно, нѣкоторые книгопродавческіе круги и нѣкоторые отдѣльные книгопродавцы.

Переходимъ теперь къ теоріи библиотечнаго или вообще книжнаго ядра и постараемся изложить эту теорію по слѣдующему плану: прежде всего мы дадимъ общій очеркъ этой теоріи, набросаемъ ея самыя основныя и наиболѣе характерныя черты такъ, чтобы нашъ читатель съ наибольшей ясностью могъ представить конструкцію этого ядра въ его цѣломъ. Далѣе мы постараемся изложить детали этой конструкціи, идя отъ общаго къ частному,—отъ распредѣленія отдѣловъ къ распредѣленію книгъ по отдѣламъ, затѣмъ къ описанію и характеристикѣ самыхъ книгъ, къ распредѣленію ихъ авторовъ въ пространствѣ и времени и, наконецъ, къ характеристикѣ нѣкоторыхъ, наиболѣе важныхъ литературно-общественныхъ и научно-философскихъ теченій и нѣкоторыхъ наиболѣе выдающихся аторовъ.

Г Л А В А II.

Общій очеркъ теоріи библиотечнаго ядра.

§ 16. По какому плану и въ какихъ цѣляхъ подбирать книги для библиотекъ и книжныхъ магазиновъ?

Всѣ существующія книги можно раздѣлить на три главныхъ типа:

1. Книги общеобразовательнаго характера по всѣмъ главнѣйшимъ отраслямъ литературы и науки,—необходимыя широкимъ кругамъ читателей и, прежде всего, тѣмъ, кто посредствомъ чтенія стремится пополнить свое недостаточно законченное образованіе и выработать систематическое общее міросозерцаніе, необходимое каждому человѣку, кто бы онъ ни былъ и на какой бы ступени общественной лѣстницы и духовнаго развитія ни стоялъ.

2. Книги спеціальныя, заключающія въ себѣ свѣдѣнія по какой-либо одной или нѣсколькимъ, близко между собою связаннымъ, отраслямъ знанія,—книги необходимыя, прежде всего, специалистамъ для ихъ кропотливыхъ и детальныхъ работъ по тому или иному вопросу и неинтересныя читателямъ не-специалистамъ въ этой области знанія.

3. Произведенія злбодневныя, быстро теряющія свой интересъ, вслѣдствіе своего назначенія служить только текущей жизни, книги „пункта и момента“,—уставы, отчеты и т. п., документы текущаго времени, умирающіе вмѣстѣ съ нимъ, не интересные ни для специалистовъ, ни для не-специалистовъ, но имѣющія большое служебное значеніе для общественной жизни.

Врядъ ли нужно доказывать, что каждый изъ этихъ типовъ книгъ имѣеть свое самостоятельное и опредѣленное значеніе, свой *raison d'être*, преслѣдуетъ свои особыя цѣли.

По этимъ тремъ типамъ книгъ могутъ быть классифицированы и библиотеки, и книжные магазины, и каждая такая организація ихъ получаетъ тоже опредѣленное значеніе и нуждается въ опредѣленной постановкѣ, въ

зависимости отъ своей цѣли, а значить—и отъ своего круга читателей. Всѣ библіотеки и книжные магазины по составу книгъ, въ нихъ находящихся, могутъ быть раздѣлены на такіе типы, въ зависимости отъ того, распространенію какого типа книгъ служить данная библіотека или книжный магазинъ, и какія книги представляютъ наибольшій интересъ для данного читателя.

а) Библіотеки и книжные магазины специальные, заключающіе въ себѣ книги по какой-либо одной или нѣсколькимъ отраслямъ знаній, обслуживающіе главнымъ образомъ спеціалистовъ-работниковъ;

б) Библіотеки и книжные магазины общеобразовательные, обслуживающіе широкую публику и главнымъ образомъ имѣющіе въ виду ея стремленіе къ образованію и самообразованію;

в) Библіотеки и книжные магазины смѣшаннаго типа, библіотеки-книгохранилища, принимающія въ свои нѣдра и хранящія тамъ всякія книги, не отказывающіяся ни отъ какой книги и стремящіяся сохранить всякое произведеніе печати отъ нарушенія времени, независимо отъ спроса на него со стороны читателей.

Изъ всѣхъ типовъ библіотекъ и книжныхъ магазиновъ нельзя не поставить на первое мѣсто именно типъ общеобразовательный. Учрежденія этого типа не только должны итти навстрѣчу запросамъ самообразованія, но и имѣть такую организацію, чтобы возможно полнѣе и цѣлесообразнѣе удовлетворяютъ ихъ. Правда, библіотека-книгохранилище (по типу Петербургской Публичной), какъ и большіе книжные магазины, въ конечномъ итогѣ, должна удовлетворить и читателя-специалиста и человѣка, работающаго надъ своимъ общимъ образованіемъ, но этотъ конечный итогъ, достижимый для большихъ учреждений, располагающихъ почтенными средствами, въ сущности, недостижимъ на практикѣ для огромнаго большинства библіотекъ-книгохранилищъ. Какъ извѣстно, большинство наиболѣе извѣстныхъ книгохранилищъ обыкновенно не удовлетворяетъ ни ученаго спеціалиста, ни человѣка, ищущаго общаго образованія. Книгохранилище только тогда можетъ удовлетворять и спеціалистовъ и не-спеціалистовъ, когда въ него войдетъ, какъ составная часть, цѣлый рядъ библіотекъ специальныхъ и, кромѣ того, опредѣленнымъ способомъ организованная библіотека общеобразовательная. Эта-то послѣдняя и имѣетъ особенно важное значеніе для самыхъ широкихъ круговъ: она-то и есть то, что можно называть библіотечнымъ ядромъ, то-есть совокупность тѣхъ именно книгъ, которыя придаютъ библіотекѣ ея общеобразовательное значеніе. Спасать печатный матеріалъ отъ разрушительной работы времени и хранить его для будущихъ вѣковъ—задача, несомнѣнно, весьма почтенная. Но не менѣе почтенная и другая задача—служить своему собственному вѣку и нынѣ довлѣющей злобѣ дня. Весьма и весьма почтенное назначеніе—помогать работѣ небольшого кружка спеціалистовъ, двигающихъ науку, но не менѣе почтенная работа—итти, посредствомъ распространенія книгъ по разнымъ отраслямъ знанія, на помощь читающей толпѣ.

Воздѣйствіемъ на эту послѣднюю и влияніемъ, прежде всего, на массу современниковъ и измѣряется значеніе всякой библіотеки, всякаго книжнаго магазина, всякаго распространителя книгъ, и тѣмъ болѣе общеобразовательныхъ. Объ учрежденіяхъ этого-то типа и можно сказать, что это—первыя слуги читающей толпы, просвѣтители народной массы,—слуги текущаго времени, помощники въ выработкѣ общаго міросозерцанія и въ распространеніи общіихъ идей.

Изъ вышенамѣченныхъ трехъ типовъ образовательныхъ учреждений мы остановимъ наше вниманіе исключительно на этомъ центральномъ, т.-е. общеобразовательномъ типѣ. Мы будемъ говорить только о такихъ изъ нихъ, которыя ставятъ главной своей задачей итти на помощь общему образованію путемъ раціональнаго содѣйствія планомерному и самостоятельному чтенію. Мы будемъ говорить

теперь объ общей схемѣ подбора книгъ для общеобразовательныхъ библиотекъ и книжныхъ магазиновъ.

§ 17. Первый принципъ подбора: систематичность, закругленность, законченность.

Что значитъ удовлетворять запросамъ самообразованія, этой особенно жгучей потребности современной читающей публики? Для человѣка, надъ нимъ работающаго, это значитъ имѣть возможность добывать всѣ необходимыя для этого дѣла книги. Для библиотекъ и книжныхъ магазиновъ это значитъ, прежде всего, имѣть въ своемъ составѣ опредѣленный подборъ книжнаго матеріала, возможно полный, разносторонній, охватывающій, если не всѣ, то, по крайней мѣрѣ, главнѣйшія отрасли жизни, мысли и знанія. Общеобразовательные библиотека или магазинъ должны содержать въ себѣ опредѣленный циклъ книгъ. Въ ихъ основѣ должна лежать опредѣленная схема знаній, въ основѣ которой должна, въ свою очередь, лежать опредѣленная схема явленій природы, охватывающая всю жизнь, всю вселенную; первая схема должна явиться отраженіемъ второй. Случайность подбора, случайность плана и въ томъ и въ другомъ случаѣ не должны имѣть мѣста. Правильно организованное общеобразовательное учрежденіе (будь то библиотека или книжный магазинъ), составленное не по куцей и односторонней программѣ, должно отражать собою, прежде всего, саму жизнь, во всемъ разнообразіи ея проявленій, во всемъ безконечномъ множествѣ ея сторонъ и областей. Другими словами, въ его основѣ долженъ лежать опредѣленный научный планъ, имѣющій не только субъективное, но и объективное значеніе. На этомъ планѣ слѣдуетъ немного остановиться.

Поставимъ, прежде всего, такой вопросъ: какимъ требованіямъ, какихъ читателей должна удовлетворять правильно организованная общеобразовательная библиотека и тѣмъ болѣе книжный магазинъ? Отвѣтъ на этотъ вопросъ, въ самой общей формулировкѣ, можетъ быть только одинъ: они должны удовлетворять въ сѣбѣ запросамъ всѣхъ читателей, ищущихъ общаго образованія.

Брось свои иносказанья
И гипотезы пустыя,—
На проклятые вопросы
Дай отвѣты намъ живые.

Но какимъ же способомъ этого достигнуть? Опять-таки этого можно достигнуть однимъ способомъ; а именно—положивъ въ основу подбора книгъ опредѣленную систему или циклъ наукъ, циклъ знаній и идей. Если въ этотъ циклъ войдутъ всѣ области жизни, мысли и знанія, и всѣ онѣ будутъ представлены книгами въ достаточно полной степени, и къ тому же книгами, начиная отъ самыхъ популярныхъ, то всякій читатель, кто бы онъ ни былъ, найдетъ въ библиотекѣ или магазинѣ, организованныхъ такимъ образомъ, то, что ему желательно тамъ найти. Поэтому систематическій подборъ книгъ — это первое необходимое требованіе, какое слѣдуетъ предъявить къ правильно организованной общеобразовательной библиотекѣ или книжному магазину.

Но отвѣты, которые должна давать книга человѣку, должны быть отвѣтами дѣйствительно живыми, т.-е. жизненными,—какъ сказалъ Гейне. Библиотека должна служить человѣческой личности, а чрезъ ея посредство служить жизни. По этому опредѣленію, понятіе „общеобразовательной библиотеки“ или „общеобразовательнаго“ книжнаго магазина должно быть существенно пополнено: къ ихъ задачамъ должно быть отнесено и служеніе злобѣ дня, ея пониманію, ея выясненію, наконецъ, созданію или умноженію сознательныхъ работниковъ и борцовъ путемъ чтенія такихъ книгъ, которыя не только даютъ знаніе, но также и пониманіе, и настроеніе. Какъ вѣчная

истина, такъ и жгучая злоба дня должны найти въ библиотечномъ ядрѣ каждая свое мѣсто. Общеобразовательныя библиотеки и книжныя магазины должны служить посредствомъ опредѣленнаго подбора книгъ не только распространенію знаній, но и пониманію и настроенію.

§ 18. Второй принципъ. Экспонированіе законченной и закругленной системы предъ лицомъ читателей.

Общій планъ правильно организованнаго учрежденія, имѣющаго цѣлью распространеніе общеобразовательныхъ книгъ, по нашему мнѣнію, долженъ быть таковъ. Такое учрежденіе должно не только рисовать передъ читателями общую картину знаній, накопленныхъ и классифицированныхъ человѣчествомъ въ разныхъ странахъ и въ разныя времена: это лишь половина задачи. Знанія, накопленныя такимъ образомъ и кристаллизованныя въ книгахъ, могутъ спокойно пребывать на полкахъ безъ всякаго движенія цѣлые десятилетия и даже сотни лѣтъ, и самыя замѣчательныя книги могутъ оставаться безъ читателей только потому, что тѣ не знаютъ, что и какъ читать. Эти читатели нерѣдко не спрашиваютъ самыхъ лучшихъ и подходящихъ къ ихъ потребностямъ книгъ, и это лишь по своему незнанію. Учрежденіе нравственно обязано давать читающей толпѣ не только книги, но и знаніе книгъ, и помогать выбору ихъ, указывая, по мѣрѣ возможности, даже самый порядокъ чтенія. По нашему глубокому убѣжденію, это дѣло должно быть отнесено не только къ обязанностямъ всякаго работника книжнаго дѣла, — оно должно быть организовано независимо отъ него, — оно должно быть включено въ кругъ обязанностей самого учрежденія, напр., библиотеки — посредствомъ правильной организаціи библиотечнаго каталога. Другими словами, каталогъ общеобразовательной библиотеки, долженъ быть каталогомъ рекомендательнымъ. То же самое должно сказать и про каталогъ хорошаго книжнаго магазина. Книгопродавцы, преслѣдуя свои коммерческія выгоды, очень часто совсѣмъ забываютъ, что эти выгоды не только не противорѣчатъ, но совпадаютъ съ ихъ опредѣленнымъ, идейнымъ, систематическимъ служеніемъ дѣлу общаго образованія. Ихъ сознательная работа надъ распространеніемъ хорошихъ общеобразовательныхъ книгъ не можетъ не отзываться благотворно и на экономической сторонѣ ихъ дѣла. Каталоги хорошихъ книжныхъ магазиновъ, какъ это и поняли уже нѣкоторые изъ нихъ, должны помочь этому.

Самый каталогъ долженъ служить нѣкоторымъ ручательствомъ за качества указываемыхъ имъ книгъ, за ихъ литературную, историческую или какую-либо иную цѣнность. Онъ долженъ указывать мѣсто каждой книги въ общей системѣ, каталога, а значитъ — и въ общей системѣ знаній: онъ долженъ говорить самъ за себя. Онъ долженъ служить читателю руководствомъ для знакомства съ систематическимъ подборомъ лучшихъ книжныхъ богатствъ, пособіемъ, живымъ, дѣятельнымъ руководителемъ среди этихъ богатствъ, указывая лучшія и, по крайней мѣрѣ, въ данное время еще незамѣнимыя книги, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, предоставляя самый широкій просторъ въ выборѣ матеріала для чтенія самому читателю, ничѣмъ не стѣсняя этого выбора, а, напротивъ, самой системой рекомендаціи подчеркивая необъятный просторъ и грандіозность человѣческаго знанія.

§ 19. Третій принципъ: примать жизни въ системѣ каталога.

Рекомендательный каталогъ долженъ раскрыть передъ читателемъ не только совокупность книжныхъ богатствъ, но и совокупность явленной міровой жизни. Онъ долженъ рисовать общую схему этихъ явленій, потому что эта схема явленій есть вмѣстѣ съ тѣмъ и планъ самообразованія и общаго міросозерцанія, выработка котораго и составляетъ цѣль нашего труда. При такой постановкѣ дѣла и самыя заголовки отдѣловъ и подѣловъ явятся уже своего рода вѣхами въ путе-

шестви читателя, при помощи рекомендуемыхъ каталогомъ книгъ, по всѣмъ уголкамъ вселенной. Такой каталогъ развернетъ передъ читателемъ схему цѣльнаго и опредѣленнаго міросозерцанія. Онъ же долженъ вести не только отъ книги къ книгѣ, но и отъ науки къ наукѣ, отъ одной отрасли знаній къ другой, уясняя не только эти послѣднія, но и соотношеніе ихъ между собою, интересовывая, какъ частностями, такъ и обобщеніями, и затѣмъ обобщеніями этихъ обобщеній, такъ, чтобы читатель ни на минуту не забывалъ, что міръ единъ и нераздѣленъ, что въ немъ безконечное множество тѣсно связанныхъ между собою сторонъ, неотдѣлимыхъ другъ отъ друга, но отдѣляемыхъ человѣческимъ умомъ и классифицируемыхъ подъ разными рубриками лишь вслѣдствіе несовершенства человѣческаго ума и лишь для большаго удобства изученія. Другими словами, каталогъ правильно организованной общеобразовательной бібліотеки или магазина долженъ давать читателю общую картину не только анализа, но и синтеза міра. Заглавіе отдѣловъ—это своего рода бібліотечный скелетъ, гдѣ каждая косточка осмысливается своимъ отношеніемъ къ другимъ его частямъ.

§ 20. Жизнь, какъ единое цѣлое въ системѣ каталога.

Вторая часть его представляетъ изъ себя опытъ такого общеобразовательнаго каталога, въ основѣ котораго положена схема общаго образованія. Исходя изъ этихъ соображеній, мы и приступили къ этому нашему труду. Позволимъ себѣ поэтому обратить вниманіе читателей на самыя основныя черты общаго расположенія его отдѣловъ и подотдѣловъ, такъ какъ схема, въ его основаніи лежащая, по нашему мнѣнію, можетъ быть вполне примѣнима и для большихъ и для малыхъ общеобразовательныхъ бібліотекъ и книжныхъ магазиновъ. Можно эту схему, сохраняя ея основныя черты, и сжимать и распространять, сливать мелкія рубрики въ одну крупную, или разбивать ихъ на рубрики еще болѣе мелкія; можно продѣлывать съ той же схемой и иныя манипуляціи, если распредѣленіе тѣхъ или иныхъ параграфовъ кому-нибудь покажется неудобнымъ. Но не въ этихъ мелочахъ самая суть дѣла, она въ общемъ планѣ каталога. А этотъ планъ, какъ мы уже сказали, есть вмѣстѣ съ тѣмъ и схема общаго образованія. Въ нее входятъ всѣ главнѣйшіе отдѣлы и всѣ существеннѣйшіе вопросы, естественно входящіе въ общій планъ самообразованія. Переходя отъ одной рубрики каталога къ другой, читатель вмѣстѣ съ тѣмъ мысленно, такъ сказать, дѣлаетъ и обзоръ всей совокупности человѣческой и міровой жизни, мысли и знанія.

Прежде всего, слѣдующіе три основныхъ круга жизни, три цикла явленій, располагаются въ этой системѣ въ своемъ естественномъ порядкѣ: во-первыхъ, кругъ жизни самой интимной, самой близкой для каждаго человѣка, жизни обыденной, со всѣми ея мелочами и мелочишками, со всѣми переживаніями, внѣшними и внутренними; во-вторыхъ, жизни соціальной, общественной, въ той же мѣрѣ охватывающей своимъ цѣлымъ какъ даннаго человѣка, такъ и всѣхъ прочихъ людей, и, наконецъ, въ-третьихъ, жизни космической, жизни вселенной, ничтожнѣйшую частичку, которой составляетъ и человѣкъ. Беллетристика, а съ нею и другія изящныя искусства являются выраженіемъ жизни интимной,—выраженіемъ, равноцѣннаго которому не даетъ никакой другой отдѣлъ литературы. Науки о человѣческомъ обществѣ обнимаютъ второй кругъ, науки о природѣ—третій кругъ. Поэтому на первомъ планѣ стоитъ въ каталогѣ литература настроеній,—беллетристика,—одинъ изъ отдѣловъ изящныхъ искусствъ, за которымъ слѣдуетъ рядъ другихъ искусствъ,—міръ воплощенныхъ эмоцій и яркихъ жизненныхъ образовъ. За беллетристикой слѣдуетъ публицистика,—міръ общественныхъ стремленій и теченій, а за ней—этика,—высшая нравственная оцѣнка эмоцій и стремленій, какъ личныхъ, такъ

и общественныхъ, затѣмъ естественно слѣдуетъ отдѣлъ социальной жизни, и, какъ введеніе въ него,—отдѣлъ исторіи, въ которомъ раскрывается историческая жизнь человѣчества, какъ единаго социального цѣлага. За исторіей этого цѣлага слѣдуютъ обзоры отдѣльныхъ его сторонъ, затѣмъ естественное ихъ завершеніе, ихъ синтезъ, — социологія, — краткое резюме общественной жизни человѣчества, наука, формулирующая самые законы существованія и развитія человѣческаго общества вообще. Еще далѣе разсматривается человѣчество въ его отношеніяхъ къ окружающей природѣ, затѣмъ идетъ рѣчь о разновидностяхъ и видахъ этого человѣчества, т.-е. о племенахъ и расахъ его. Наконецъ, еще далѣе это самое человѣчество изучается, какъ опредѣленный зоологическій видъ, одинъ изъ множества другихъ такихъ же видовъ, со всѣми его психическими и біологическими особенностями. Наконецъ, еще далѣе слѣдуетъ картина общей животной психо-біологической жизни, одно изъ проявленій которой составляетъ человѣкъ. Далѣе, картина еще болѣе расширяется, — жизнь животныхъ есть одно изъ проявленій жизни органической вообще, и за отдѣломъ, озаглавленнымъ „животный міръ“, слѣдуетъ отдѣлъ, озаглавленный „міръ растений“. Послѣ этихъ двухъ великихъ отраслей органической жизни слѣдуетъ отдѣлъ о жизни вообще, а за ней, лежащей въ ея глубинѣ, міръ явленій, происходящихъ въ органическомъ и неорганическомъ веществѣ, и, наконецъ, міръ движеній этого вещества и различныхъ проявленій энергіи. Еще дальше слѣдуетъ картина вселенной, картина міра, какъ единаго цѣлага. Такимъ образомъ, переходя отъ отдѣла къ отдѣлу, отъ одной отрасли знанія къ другой, отъ одного круга явленій къ другому, изъ области ихъ въ область, читатель, по мысли составителя этой книги, восстанавливаетъ въ своемъ умѣ общую картину мірозданія. Онъ отъ жизни социальной переходитъ къ жизни органической, къ явленіямъ психо-біологическимъ, отъ нихъ — къ явленіямъ неорганической природы. Но и этимъ еще не заканчивается общія схема. Недостаточно изучить міръ, — необходимо изучить и оцѣнить самыя орудія его изученія — именно изучающій, анализирующій и синтезирующій разумъ. Такъ, изъ области міровѣдѣнія, стремясь все глубже и глубже въ поискахъ за истиной, мы входимъ въ область тѣхъ наукъ, на которыхъ зиждется самое изученіе міра, и, наконецъ, самыя основы этого изученія, — именно человѣческое познаніе. А надъ всѣмъ этимъ стоитъ философія, — наиболѣе общій и глубокой синтезъ всего познаваемого и познающаго, заключающій собою общую картину, — своего рода вершина научной пирамиды, верхняя точка чрезвычайно сложнаго зданія, опирающагося на безконечно большое число сложныхъ и измѣнчивыхъ фактовъ, изъ совокупности которыхъ и слагается самая жизнь природы, понимая это слово въ самомъ широкомъ смыслѣ.

§ 21. Четвертый принципъ: при постройкѣ общей схемы должна быть принята въ расчетъ общія эволюція человѣческаго мышленія, исторія человѣческой мысли.

Въ такомъ порядкѣ и распредѣлены, какъ читатель увидитъ дальше, всѣ отдѣлы нашего каталога. Бросимъ теперь взглядъ на одну сторону того схематическаго порядка отдѣловъ, о которомъ сейчасъ было сказано. Если присмотрѣться къ этому порядку въ самыхъ общихъ чертахъ, то не трудно замѣтить, что переходы, нами намѣченные, выражаютъ собою вмѣстѣ съ тѣмъ и переходы отъ болѣе сложнаго къ болѣе простому, отъ болѣе частнаго, близкаго, человѣческаго, къ все болѣе и болѣе общему, болѣе глубокому, космическому. Но вѣдь это и есть общій ходъ эволюціи человѣческаго мышленія, которая, какъ о томъ говоритъ исторія науки и философіи, шла въ теченіе вѣковъ въ той же послѣдовательности и проходила такія же фазы. Правильно организованный каталогъ, въ общихъ, основныхъ чертахъ воспроизводитъ эту же эволюцію. Переходя отъ отдѣла къ отдѣлу или отъ науки къ наукѣ, читатель, вмѣстѣ съ тѣмъ, переходитъ, въ болѣе и болѣе детальныя рубрики, отъ

одной стороны жизни къ другой и постепенно анализируетъ вселенную. Далѣе, идя отъ общихъ обзоровъ къ обзорамъ частныхъ, и отъ анализа отдѣльныхъ сторонъ жизни, изучаемыхъ отдѣльными науками, онъ переходитъ къ синтезу міра, какъ единого цѣлаго,—къ философіи, какъ общему результату всѣхъ наукъ, къ общему міросозерцанію и міропониманію, охватывающему въ единой общей концепціи всѣ науки, всѣ системы, всю жизнь. По мысли составителя, такимъ образомъ распланированный каталогъ общеобразовательной бібліотеки долженъ раскрывать передъ читателями не только названія знаній, но и общую связь и перспективу ихъ,—своего рода галерею наукъ, фактовъ и идей, логически и реально между собой связанныхъ, взаимно другъ друга дополняющихъ и углубляющихъ и всею своею совокупностью сходящихся въ одной точкѣ,—а именно—человѣческой личности, ея критически и научно мыслящемъ разумѣ, опирающемся на реальные, проверенные факты и, путемъ гипотезъ и ихъ научной проверки, идущемъ отъ обобщенія къ обобщенію. Бібліотека, какъ это было уже сказано, можетъ и должна представлять собой книжное отраженіе вселенной, всѣхъ ея областей—и въ отдѣльности, и въ связи, и въ частностяхъ, и въ цѣломъ.

§ 22. Пятый принципъ: историческая и вообще эволюціонная точка зрѣнія.

Но и этого еще мало. Общеобразовательная бібліотека должна сдѣлать изъ себя книжное отраженіе вселенной во всей ея многообразной сложности, не только такой, какова она есть въ настоящее время, какою позналъ и понялъ ее человѣкъ, но и такую, какова она была въ прошлыя времена, со всѣми перемѣнами, которыя происходили и произошли въ ней въ безконечно длинномъ ряду давно минувшихъ вѣковъ, поскольку это прошлое раскрыто наукой. „*Panta sei*“ (все течетъ, все измѣняется),—сказалъ когда-то древній философъ. Вселенная—это ничто иное, какъ рядъ безконечно слѣдующихъ одна за другой перемѣнъ. Все измѣняется въ пространствѣ и времени, все вмѣстѣ съ тѣмъ относительно. Все имѣетъ свою исторію. Все можно и должно разсматривать съ исторической точки зрѣнія. Время есть архитекторъ, и факторъ, и верховный судья. Поэтому, преслѣдуя вышенамѣченную цѣль общаго образованія и сообразуя съ этой цѣлью подборъ книгъ, и желая дать не только пособіе при ихъ выборѣ, но и общую схему постепенно расширяющихся и углубляющихся знаній, нельзя не отвести въ этой схемѣ подобающаго мѣста исторической точкѣ зрѣнія. Исторія—это переходъ отъ простаго къ сложному или отъ сложнаго къ простому, превращеніе одного явленія въ другое, а этого въ третье, во много другихъ явленій. Говоря объ общей схемѣ самообразованія, (а, значитъ, и о подборѣ книгъ), нельзя не развернуть передъ читателемъ возможно полнѣе и возможно шире общія перспективы фактовъ и теорій не только въ пространствѣ, но и во времени, начиная, на примѣръ, съ наиболѣе близкой намъ современности и все болѣе и болѣе погружаясь въ глубину времени, переходя отъ исторіи человѣчества къ исторіи предшествующей ему органической жизни, а затѣмъ къ исторіи неорганической природы, къ исторіи Космосъ. Въ своихъ основныхъ чертахъ общій планъ каталога экспонируетъ и историческую послѣдовательность главнѣйшихъ фазъ мировой эволюціи. Это и видно изъ предыдущаго.

Но и этого еще недостаточно. Историческая и эволюціонная точка зрѣнія должна быть продолжена еще и въ ширину. Во-первыхъ, есть исторія фактовъ, явленій, во-вторыхъ, еще есть исторія объясненій этихъ фактовъ, ихъ толкованій, ихъ теорій. Если для пониманія мірозданія, т. е. для общаго образованія крайне важно знать факты и ихъ вѣчный потокъ, измѣняющійся въ теченіе времени, то не менѣе важно знать и исторію группировки этихъ фактовъ, производимую человѣческимъ умомъ въ разные историческіе моменты по разному. Самыя идеи и теоріи о современ-

ности, объ исторіи человѣчества, о человѣческомъ обществѣ, о психической и біологической жизни, объ основныхъ законахъ вещества и силы и о всемъ Космосѣ тоже вѣдь имѣли свою исторію, и изучать современныя представленія и ученія о нихъ—это, значитъ, изучать единый моментъ въ рядѣ многихъ другихъ моментовъ, прошлыхъ и будущихъ. Поэтому историческую точку зрѣнія на явленія міровой жизни мы должны дополнить исторической точкой зрѣнія на самыя теоріи о ней и потому исторіи теорій отвести въ нашемъ каталогѣ почетное мѣсто, насколько только намъ позволить наличность имѣющихся на русскомъ языкѣ книгъ. Борьба съ догматизмомъ, по нашему глубокому убѣжденію,—одна изъ задачъ правильно поставленнаго общаго образованія. Самая планировка каталога должна быть основана на принципѣ такой борьбы, и правильно организованная общеобразовательная бібліотека должна самымъ подборомъ книгъ и ихъ рекомендаціей принять возможно дѣятельное участіе въ этой же борьбѣ.

§ 23. Шестой принципъ. Факты впереди теорій и гипотезъ. Исторія—оцѣнщикъ и судья

Но пойдѣмъ дальше. Исторія міра и исторія идей и теорій о немъ не есть нѣчто нераздѣльное и между собой связанное. Давно сказано: факты вѣчны, идеи измѣнчивы. Есть книги, дающія читателю главнымъ образомъ факты; есть другія книги, дающія главнымъ образомъ идеи. Задача самообразованія заключается въ томъ, чтобы каждая усвоенная идея опиралась на факты. Человѣкъ, работающій надъ своимъ самообразованіемъ, долженъ усвоивать и факты и идеи. Поэтому, при распространеніи общаго образованія путемъ опредѣленнаго подбора книгъ, нельзя не отводить одного изъ самыхъ важныхъ мѣстъ такимъ книгамъ, которыя даютъ читателю знаніе фактической стороны даннаго вопроса; а потому и при организаціи бібліотеки или книжнаго магазина въ ихъ каталогахъ нельзя не выдвигать книгъ о фактахъ на первый планъ, а на второй планъ, за ними ставить идеи и концепціи, ихъ объясняющія; поэтому и въ нашемъ каталогѣ мы старались заканчивать каждый его отдѣлъ теоріей или философій данной отрасли знанія, дѣлая ее какъ бы заключительнымъ его аккордомъ. Поэтому же мы ставили, напримеръ, исторію и описаніе современнаго политическаго или экономическаго строя прежде теорій ихъ,—то есть ученіе о правѣ и политической экономіи, зоологію и ботанику раньше біологіи и т. д. Такъ мы дѣлали, по возможности, въ каждомъ отдѣлѣ. То же самое, и въ силу тѣхъ же соображеній, мы сдѣлали и въ концѣ всего каталога. Философія, какъ общая теорія мірозданія, общая теорія теорій, общее резюме и сводка философій отдѣльныхъ наукъ,—это „обобщеніе обобщеній“ и является въ нашемъ каталогѣ, такъ сказать, заключительнымъ резюме въ рядѣ другихъ такихъ же.

§ 24. Основные требованія, предъявляемыя нами къ каталогу.

Сводя все вышесказанное къ одному, мы приходимъ къ слѣдующему заключенію: рационально составленный каталогъ, имѣющій въ виду тѣхъ, кто работаетъ надъ своимъ самообразованіемъ, въ цѣляхъ выработки общаго міросозерцанія, долженъ удовлетворять, прежде всего, слѣдующимъ четыремъ крайне важнымъ требованіямъ:

1. Онъ долженъ указать такому читателю книги по всѣмъ главнѣйшимъ отраслямъ знаній, входящимъ въ систему общаго образованія.
2. Онъ долженъ дать ихъ читателю въ опредѣленной системѣ, такъ, чтобы читатель могъ видѣть эту систему въ самомъ каталогѣ, изъ самага распредѣленія отдѣловъ въ немъ,—чтобы это самое распредѣленіе ихъ уже раскрывало читателю одну область вселенной за другою.
3. Развертывая, такимъ образомъ, картину вселенной, самымъ подборомъ книгъ для такого каталога нужно помогать знакомству съ книгами и даже оцѣнкѣ ихъ содержанія,—въ однихъ случаяхъ фактическаго, въ другихъ теоретическаго,—не забывая при этомъ, что и факты и теоріи имѣютъ

свою исторію. Поэтому, въ основу того же каталога надо положить еще слѣдующіе болѣе частные принципы:

а) Нужны книги, дающія знаніе фактовъ. Нужны книги, знакомящія съ теоріями.

б) Сначала факты, затѣмъ теоріи.

с) И факты и теоріи—въ связи съ ихъ исторіей.

4. Каталогъ же долженъ указывать читателю тотъ путь, по которому должны итти человѣкъ, серьезно и вдумчиво работающій надъ своимъ самообразованиемъ, надъ выработкой своего общаго міросозерцанія.

Первыя три требованія—это требованія теоретическія, четвертое требованіе—педагогическое, практическое. Удовлетворяя первому, мы рисуемъ картину міра въ пространствѣ и времени посредствомъ опредѣленнаго подбора лучшихъ книгъ. Удовлетворяя второму, мы идемъ навстрѣчу личности человѣческой,—данному человѣку, живущему въ опредѣленномъ уголкѣ земного шара, въ опредѣленный историческій моментъ, съ опредѣленной жаждой свѣта и правды. Удовлетвореніе же одновременно двухъ вышеуказанныхъ требованій—это синтезъ общаго, мірового съ частнымъ, индивидуальнымъ, это призывъ и посильная помощь личности человѣческой выйти изъ своего уголка, чтобы охватить всѣми силами своего духа жизнь человѣка, жизнь человѣчества, жизнь Космоса.

§ 25. Седьмой принципъ. Терпимость къ чужимъ мнѣніямъ.

Онъ состоитъ въ томъ, что, подбирая книги для каталога общеобразовательной библіотеки, отнюдь не слѣдуетъ замалчивать тѣхъ мнѣній, которыя почему-либо кажутся невѣрными, несправедливыми, несимпатичными составителямъ каталога. Если эти мнѣнія болѣе или менѣе распространены,—съ ними нельзя не считаться, ихъ нельзя не опровергать, съ ними нужно бороться. А чтобы дѣлать это рационально, ихъ надо знать, понимать, цѣнить и оцѣнку ихъ необходимо производить, по меньшей мѣрѣ, съ трехъ точекъ зрѣнія: во-первыхъ, съ точки зрѣнія исторической, потому что всякій потокъ мнѣній, всякое литературно-общественное теченіе представляетъ изъ себя прежде всего продуктъ исторіи, результатъ нѣкоторыхъ историческихъ обстоятельствъ. И если исторія породила эти мнѣнія и позволила имъ получить распространеніе,—значитъ, съ этими мнѣніями нельзя не считаться. Нужно дать себѣ отчетъ,—что же именно породило ихъ, какія именно условія этому благопріятствовали или благопріятствуютъ? Что ихъ оправдываетъ, что ихъ опровергаетъ съ исторической точки зрѣнія? Во-вторыхъ, необходимо производить оцѣнку всякаго мнѣнія съ социальной (общественной) точки зрѣнія,—съ точки зрѣнія той общественной среды, въ которой данное мнѣніе возникло. Давно уже замѣчено, что между всякимъ мнѣніемъ и этой его общественной средою всегда существуетъ нѣкоторая связь, то рѣзко бросающаяся въ глаза, то скрытая. Всякое мнѣніе неотдѣлимо не только отъ человѣка, его имѣющаго, но и отъ интересовъ этого человѣка. На характеръ человѣческихъ мнѣній не можетъ не оказывать огромнаго вліянія характеръ человѣческихъ интересовъ. Врядъ ли нужно доказывать, что среди этихъ послѣднихъ одно изъ первыхъ мѣстъ,—вопросы ѣды и питья и всякихъ удобствъ жизни, вплоть до источниковъ дохода и собственности включительно. Какъ извѣстно, у cadaго класса общества есть свои, если не исключительно ему свойственные, то во всякомъ случаѣ преобладающіе источники доходовъ. Иной живетъ продажею своего труда, иной процентами съ капитала, иной доходами съ земли, съ собственности. Въ какомъ же отношеніи данныя мнѣнія, данныя направленія мысли и стремленія, идеалы, мечтанія и надежды находятся къ социальной жизни? Съ какими интересами совпадаютъ, кому именно выгодны? Вотъ вопросы, которые сами собою возникаютъ при оцѣнкѣ cadaго мнѣнія, и лишь изученіе той

среды, въ которой эти мнѣнія распространяются, ея интересовъ, — экономическихъ, политическихъ и всякихъ иныхъ особенностей можетъ дать отвѣтъ на этотъ вопросъ. Никакое мнѣние безъ его социальной оцѣнки, какъ и безъ оцѣнки исторической, понято быть не можетъ. Но и этой оцѣнки еще недостаточно. Въ-третьихъ, для мнѣній необходима еще высшая оцѣнка, съ точки зрѣнія ихъ истинности, т. е., ихъ соответствія съ дѣйствительностью. И, правда, одно дѣло фактъ, и совсѣмъ другое дѣло мнѣние о фактѣ, одно дѣло — жизнь, и другое дѣло — ея пониманіе. Истиной называется, какъ это уже было сказано выше, — согласие мнѣнія съ фактами. Между тѣмъ нерѣдко истиной называются не только мнѣнія, не совпадающія съ дѣйствительностью, но завѣдомо искажающія ее въ силу интересовъ, пристрастія, привычекъ, инстинктовъ, заблужденій, логическихъ ошибокъ, преданій и т. д., и т. д. Оцѣнивать мнѣнія съ этой третьей точки зрѣнія, это значитъ — отдѣлять въ нихъ то, что соответствуетъ дѣйствительности, отъ того, что не соответствуетъ ей. Всякое мнѣние можно разсматривать не только какъ мнѣние, въ основѣ котораго лежитъ нѣкоторое стремленіе, желаніе, домогательство, но и какъ фактъ. И въ качествѣ фактовъ наука подвергаетъ всѣ мнѣнія тоже болѣе или менѣе строгому изученію и изслѣдованію. Даже не вдаваясь въ оцѣнку ихъ съ социальной, или какой-либо иной точки зрѣнія, наука изучаетъ характеръ мнѣній, ихъ сущность, ихъ соответствіе съ дѣйствительностью въ данное время, въ данномъ мѣстѣ, ихъ логичность или нелогичность и т. д. Лживость всякаго мнѣнія должна быть такимъ способомъ выводима на чистую воду, и миллионы миллионовъ разныхъ мнѣній потому и разрушились и разрушаются, что не выдержали такой провѣрки дѣйствительностью. Такъ разлетѣлись, на примѣръ, въ послѣдніе годы стремленія нѣкоторыхъ общественныхъ группъ выдавать свои собственные воззрѣнія за мнѣние всего русскаго народа и всячески доказывать, что этотъ послѣдній доволень рѣшительно всѣмъ, что съ нимъ продѣлано, вплоть до массовыхъ тѣлесныхъ наказаній включительно. Слишкомъ сто лѣтъ тому назадъ такъ же разлетѣлось въ пухъ и прахъ мнѣние, что „Людовикъ XVI — самый добрый и излюбленный народомъ король“. Не выдержали провѣрки дѣйствительностью и возраженія противъ дарвинизма и социализма, которому въ свое время пророчили самое ничтожное распространеніе. Поэтому, прежде чѣмъ принимать или осуждать то или иное мнѣние, нельзя не вспомнить старое изреченіе: *Amicus Plato, sed magis amica veritas*. (Платонъ мнѣ другъ, но истина еще больше другъ). Наконецъ, въ-четвертыхъ, всякое мнѣние, всякое явленіе подлежитъ оцѣнкѣ не только съ точки зрѣнія истины, но и съ точки зрѣнія справедливости, нравственной и социальной правды. Нѣтъ и не можетъ быть такого мнѣнія, теоріи, направленія, міросозерцанія, которое не подлежало бы оцѣнкѣ въ этомъ послѣднемъ отношеніи. Одно дѣло дѣйствительность и другое дѣло — нравственная цѣнность ея. Одно дѣло познаніе истины, другое дѣло — оцѣнка ея, опредѣленіе ея этической и социальной цѣнности. Изъ предыдущаго слѣдуетъ, что всякія мнѣнія, а тѣмъ болѣе такія, которыя имѣютъ общественное значеніе, не только нельзя замалчивать, но необходимо знать и оцѣнивать, какъ съ исторической, такъ и съ социальной, научной и этической точекъ зрѣнія. Не наши личныя мнѣнія и оцѣнки должны служить намъ руководствомъ для подбора книгъ, а исторія мнѣній и самый фактъ ихъ существованія въ окружающей насъ жизни. Разносторонняя оцѣнка мнѣній и историческая точка зрѣнія, руководящая подборомъ ихъ, думается намъ, лучший способъ не превращать себя въ цензоровъ и не имѣть ничего общаго съ цензурой. Мы позволяемъ себѣ повторить здѣсь замѣчательныя и благородныя слова Д. С. Милля, одного изъ самыхъ яркихъ, объективныхъ и глубокихъ защитниковъ свободы мнѣній и терпимости къ нимъ, каковаго только создалъ XIX вѣкъ. „Если бы весь родъ человѣческой, — сказалъ Д. С. Милль *), — за исключеніемъ только одного какого-нибудь чело-

*) „О свободѣ“, стр. 176.

вѣка, былъ извѣстнаго мнѣнія, а этотъ человѣкъ былъ мнѣнія противоположнаго, то и тогда все человѣчество имѣло бы не болѣе права заставить молчать этого индивидуума, чѣмъ какое имѣлъ бы и самъ индивидуумъ заставить молчать все человѣчество, если бы имѣлъ на то возможность". „Если мнѣніе правильно, то запрещать выражать его—значить запрещать людямъ знать истину и препятствовать имъ выйти изъ заблужденія; если же мнѣніе неправильно, то препятствовать свободному его выраженію значить препятствовать достиженію людьми не меньшаго блага, чѣмъ и въ первомъ случаѣ, а именно—болѣе яснаго уразумѣнія истины и болѣе глубокаго въ ней убѣжденія, какъ это обыкновенно имѣетъ своимъ послѣдствіемъ всякое столкновение истины съ заблужденіями". „Желающіе уничтожить какое-нибудь мнѣніе или помѣшать распространенію его, конечно, признають его ложнымъ; но вѣдь они могутъ ошибаться". А лишать кого бы то ни было средствъ принять участіе въ обсужденіи вопроса,—значить, признавать свои личныя мнѣнія за абсолютную истину, значить—объявлять притязаніе на непогрѣшимость; но вѣдь людская непогрѣшимость вещь очень сомнительная. „Люди охотно признають, что могутъ ошибаться, но мало такихъ людей, которые бы считали нужнымъ принимать какія-нибудь мѣры предосторожности противъ своей непогрѣшимости и допускали бы предположеніе, что, можетъ быть, мнѣніе, считаемое ими истиннымъ, и есть одинъ изъ примѣровъ той непогрѣшимости, которую они сознають за собой. Люди, облеченные обширною властью, и вообще люди, привыкшіе къ тому, чтобы окружающіе ихъ безусловно соглашались съ ихъ мнѣніями, обыкновенно питають къ своимъ личнымъ мнѣніямъ безграничное довѣріе, къ какому бы предмету ни относились они". То же самое можно сказать и относительно нетерпимости партійной, которая,—увы!—далеко не всегда сопровождается разносторонними знаніями и широкой образованностью. Съ односторонней партійностью и партійной непримиримостью, необходимо, думается намъ, бороться и бороться,—во имя общечеловѣческихъ принциповъ, такъ ясно сформулированныхъ Д. С. Миллемъ, во имя истины и справедливости, которой, по мѣрѣ силъ, стремятся служить искренніе люди каждой партіи. Придавая особенно важное значеніе принципу терпимости для очень широкихъ круговъ русскихъ читателей, мы позволимъ себѣ въ послѣдствіи нѣсколько подробнѣе остановиться на немъ, а также возвращаться къ нему не разъ и въ нашемъ дальнѣйшемъ изложеніи.

§ 26. Восьмой принципъ: составляя списки книгъ, не забывайте о читательскихъ типахъ и ихъ характерныхъ особенностяхъ.

Къ этимъ четыремъ требованіямъ, сформулированнымъ выше, надо прибавить еще три.

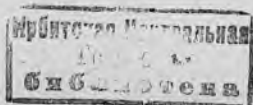
Въ основу библиотечнаго каталога должно быть положено возможно разностороннее изученіе читателя, какъ съ точки зрѣнія его научной подготовки, такъ и съ точки зрѣнія психическихъ и социальныхъ типовъ его. Необходимо принимать въ расчетъ и относительную читаемость книгъ. Говоря объ общемъ распредѣленіи отдѣловъ въ схемѣ общаго образованія и о ихъ распланированіи въ общеобразовательномъ каталогѣ, мы намѣренно поставили впередъ беллетристику,—то есть отдѣлъ наиболѣе читаемыхъ книгъ, а въ концѣ—философію, то есть отдѣлъ книгъ, читаемыхъ наименѣе. Естественность вышенамѣченной схемы подтверждается и тѣмъ, что она, въ общихъ чертахъ, соотвѣтствуетъ и относительной читаемости книгъ изъ разныхъ отдѣловъ. Составляя обзоръ книжныхъ богатствъ, въ цѣляхъ распространенія общаго образованія, полезно, по нашему мнѣнію, итти, насколько позволяетъ намъ общая схема, отъ книгъ, наиболѣе читаемыхъ, къ читаемымъ относительно слабѣе. Этотъ принципъ тоже принять нами въ расчетъ при составленіи II-й части нашего труда, т. е. каталога, въ ней содержащагося. Какъ читатель увидитъ изъ самаго этого каталога, въ этомъ отношеніи,—по крайней мѣрѣ, въ общихъ чертахъ,—намъ не приходилось дѣлать отступленій отъ заранѣе выра-

ботанной схемы. Какъ извѣстно изъ библиотечной практики и изъ отчетовъ общественныхъ библиотекъ, отдѣлъ беллетристики находитъ себѣ особенно много читателей; читаются какъ отдѣльныя произведенія беллетристовъ, такъ и беллетристическія произведенія періодическихъ изданій. На второмъ мѣстѣ послѣ беллетристики, по степени читаемости, стоятъ книги и статьи по исторіи литературы, по публицистикѣ, критикѣ и разнымъ этическимъ вопросамъ, связаннымъ съ жизнью,—вопросамъ, разработкѣ которыхъ, какъ извѣстно, удѣляется не мало мѣста и въ трудахъ критиковъ и публицистовъ. За этими отдѣлами, по степени читаемости, стоитъ отдѣлъ исторіи, а за ними—разные отдѣлы общественныхъ наукъ. Книги по психологіи и естествознанію читаются гораздо меньше и еще меньше книги по математикѣ и логикѣ. Наконецъ, книги по философіи, по своей отвлеченности и трудности пониманія, находятъ себѣ, относительно, очень мало читателей. Эта же схема читаемости подтверждается и издательской статистикой: число экземпляровъ, въ которыхъ печатаются книги разныхъ отдѣловъ, выше всего въ отдѣлѣ беллетристики и ниже всего въ отдѣлѣ философіи, убывая постепенно отъ первой къ послѣдней. Наблюдаются лишь очень немногія исключенія изъ этого правила, не нарушающія общей картины.

Такова схема читаемости, издательства, а значить, и покупаемости книгъ, выводимая изъ изученія читающей толпы, какъ столичной, такъ и провинціальной. Такова же, въ общихъ чертахъ, и схема нашего каталога. Мы располагали въ немъ отдѣлы, стараясь всегда принимать въ расчетъ не только схему научную, но и схему относительнаго спроса на книги. Другими словами, мы старались принимать въ расчетъ потребности читающей массы.

Пойдемъ теперь еще дальше. По мысли составителя, какъ мы видѣли, каталогъ долженъ представлять собой своего рода лѣстницу отдѣловъ, по которой каждый желающій, если только онъ ретивый читатель, могъ бы итти вверхъ своими средствами. И это не только въ томъ случаѣ, если онъ—личность выдающаяся, но и тогда, когда онъ самый обыкновенный человѣкъ изъ толпы. Рекомендательный каталогъ общеобразовательной библиотеки долженъ обслуживать собой, прежде всего, толпу, а не „героевъ“, которые и сами могутъ себѣ помогать. Исходя изъ тѣхъ же соображеній, необходимо положить въ основу подбора книгъ для общаго образованія, а значить, и для общеобразовательныхъ каталоговъ, тотъ же принципъ всѣмъ открытой лѣстницы, и это не только въ общей схемѣ отдѣловъ, но и внутри каждаго отдѣла, насколько позволяетъ это сдѣлать имѣющейся подъ руками библиографическій матеріалъ. Нужно имѣть въ виду читателей разныхъ степеней научной подготовки, такъ, чтобы всякій читатель, на какой бы ступени развитія онъ ни стоялъ, могъ найти понятную для него книгу во всякой отрасли знанія, во всякомъ отдѣлѣ каталога. Поэтому, составляя каталогъ, необходимо помѣщать въ него книги, подходящія для всѣхъ главнѣйшихъ степеней подготовки, и подбирать книги, по возможности, по каждой отрасли знанія и по каждому вопросу въ восходящей трудности пониманія,—вводя въ каталогъ, во-первыхъ, книжки, такъ называемыя, народныя, во-вторыхъ, научно-популярныя, въ-третьихъ, научныя, требующія отъ читателя извѣстной подготовки. Эти три категоріи книгъ—это тоже своего рода лѣстница.

Но есть еще одна сторона дѣла не менѣ важная, чѣмъ предыдущая, которая тоже должна быть принята въ расчетъ при подборѣ книгъ въ цѣляхъ общаго образованія. Читатели, какъ и люди вообще, бывають не только различныхъ степеней образовательной подготовки, но и различныхъ складовъ ума, различныхъ особенностей въ области чувства и воли и вообще различныхъ характеровъ, темпераментовъ, типовъ, и книга, очень подходящая къ читателямъ одного типа и ихъ вполне удовлетворяющая, нерѣдко совер-



шенно не подходитъ къ читателямъ другихъ типовъ. Нужно имѣть въ виду, говоря о наличности книжныхъ богатствъ и о ихъ подборѣ, читателей, по крайней мѣрѣ, наиболѣе характерныхъ и распространенныхъ типовъ.

Итакъ, мы имѣемъ еще слѣдующія три требованія:

5. При общей распланировкѣ отдѣловъ необходимо принимать относительную читаемость книгъ.

6. Въ каждый отдѣлъ вводить книги различной трудности пониманія.

7. Наконецъ, книги, подходящія для различныхъ психическихъ и социальныхъ типовъ читателей.

Сдѣлавъ эти общія замѣчанія о тѣхъ требованіяхъ, которыя необходимо, по нашему мнѣнію, предъявлять къ библиотечному ядру, а значить, и къ каждой правильно организованной общеобразовательной библиотекѣ, а значить, и къ ея каталогу, какъ путеводителю по ней, переходимъ теперь къ детальному разсмотрѣнію каждой рубрики каталога въ отдѣльности.

Г Л А В А III.

Организація библиотечнаго ядра. Классификація наукъ и классификація библиотечныхъ отдѣловъ.

§ 27. Первое основное дѣленіе: идеалы и дѣйствительность.

Здѣсь мы будемъ говорить объ организаціи библиотечнаго ядра и о подборѣ книгъ, которыя должны входить въ составъ его.

Но, прежде чѣмъ говорить о детальной схемѣ каталога, мы должны опредѣленно рѣшить вопросъ о томъ, какой же именно принципъ положить въ основу организаціи?

Въ нашихъ „Этюдахъ о русской читающей публикѣ“ мы намѣтили, въ общихъ чертахъ, планъ раздѣленія каталога на двѣ главныхъ части и основнымъ принципомъ этого раздѣленія взяли двойное отношеніе человѣка къ окружающей средѣ, поскольку это отношеніе выражается въ его духовной дѣятельности. Во-первыхъ, человѣкъ изучаетъ эту среду, стараясь уяснить себѣ все существующее, понять его такимъ, каково оно есть. Съ другой стороны, человѣкъ старается выяснить, формулировать свои отношенія къ средѣ съ точки зрѣнія должнаго и желательнаго. Онъ не только изучаетъ то, что есть,—онъ желаетъ уразумѣть и то, что, съ его точки зрѣнія, должно быть. Анализу, обсужденію и оцѣнкѣ съ этой точки зрѣнія подлежатъ, и даже не могутъ не подлежать всѣ явленія жизни, духовной и матеріальной, личной и общественной, въ которой только принимаетъ участіе, или къ которымъ имѣетъ какое-либо отношеніе человекъ, личность человѣческая, какъ существо, сознающее себя и способное дѣйствовать сознательно. „Въ дѣлахъ человѣческихъ,—говоритъ проф. Карѣевъ,—мы желаемъ не только понимать, какъ происходитъ или происходило то, что есть и было, но и оцѣнивать все это съ точки зрѣнія нашихъ представленій о томъ, что должно быть. Реализмъ не имѣетъ права устранять идеализма. Идеализмъ и есть именно творчество идеаловъ въ смыслѣ идей о должномъ въ личной и общественной жизни людей. Было бы большою ошибкою смѣшивать задачи изслѣдованія дѣйствительности съ задачами творчества идеаловъ, приемы пониманія дѣйствительности съ приемами ея оцѣнки“. Нельзя удовлетворяться ихъ оцѣнкой лишь съ точки зрѣнія истины, детальнымъ, безстрастнымъ изученіемъ ихъ въ томъ видѣ, въ какомъ они существуютъ, т. е. какъ фактовъ дѣйствительности,—,того, что есть“. Всякій человѣкъ имѣетъ основанія судить обо всемъ и съ точки зрѣнія своихъ желаній, потребностей, интересовъ, вообще съ субъективной точки зрѣнія. Все существующее онъ не можетъ не раздѣлить мысленно на двѣ главныхъ категоріи: пріятнаго и непріятнаго, желательнаго и нежелательнаго. Одно дѣло то, что есть, и совсѣмъ другое дѣло, какъ отражается все существующее на человѣкѣ. Есть дѣйствительность,

которая возвышаетъ человѣка. Но есть и такая, которая калѣчитъ его. Какъ же не быть человѣку судьей ея? Въ предисловіи къ этой книгѣ мы уже сдѣлали цитату изъ „Этиодовъ“, гдѣ излагается наша теорія подбора книгъ для общеобразовательной бібліотеки по двумъ главнымъ категоріямъ: „того, что есть“ и „того, что должно быть“. Этому отдѣленію того, что есть, отъ того, что должно быть, мы придаемъ рѣшающее значеніе и въ раздѣленіи нашего каталога на двѣ части, и въ классификаціи отдѣловъ, входящихъ въ каждую изъ этихъ частей, и въ классификаціи книгъ по этимъ отдѣламъ.

Книги, въ которыхъ трактуется не о томъ, что есть, а о томъ, что должно быть, съ точки зрѣнія ихъ авторовъ, представителей своей собственной, общественной и исторической среды, своего мѣста и времени, не могутъ считаться книгами собственно научными. Книги и первой и второй категоріи занимаютъ въ сознаніи человѣка и человѣчества опредѣленное, имъ присущее мѣсто, дополняя другъ друга и своей совокупностью образуя одинъ общій потокъ духовной жизни человѣчества.

Нужно ли доказывать, что для человѣка, человѣческой личности идеалы и мечты имѣютъ громадное самостоятельное и даже рѣшающее значеніе, помимо всякой науки, помимо всякаго научнаго изученія? Человѣкъ ими живетъ, ими дышетъ и подъ ихъ мощнымъ, непреодолимымъ вліяніемъ, онъ даже переживаетъ, а не только переоцѣниваетъ, повидимому, самыя основныя концепціи и теоріи, выработанныя путемъ медленнаго и кропотливаго научнаго исканія безстрастной и вѣчной истины. Въ наукѣ отражается природа, въ идеалахъ же отражается человѣкъ, человѣческая личность. Обгоняя дѣйствительность, человѣкъ, въ своихъ идеалахъ и въ произведеніяхъ, воплощающихъ ихъ, формулируетъ въ конкретныхъ, хотя и воображаемыхъ формахъ, то, чего еще не существуетъ въ дѣйствительности, и, быть можетъ, даже никогда не будетъ существовать. Онъ, такъ сказать, предвкушаетъ возможное и желательное бытіе, окружая себя привидѣніями и тѣнями, созданными искусственно, полусознательно или сознательно. Человѣкъ даже не можетъ жить безъ этихъ тѣней, украшая ими тяжелую, давящую дѣйствительность; эти самыя тѣни, эти миражи лучшаго будущаго онъ превращаетъ какъ бы въ путеводные огоньки, иной разъ блѣдныя, словно фосфоресцирующіе, иной разъ яркіе и дѣйствительно свѣтящіе и грѣющіе тѣмъ миллионамъ людей, надежды и мечты которыхъ выражаются ими. И врядъ ли нужно доказывать, что для громаднаго большинства читающей публики всѣхъ временъ и народовъ этотъ міръ образовъ и стремленій ближе и дороже, несмотря на свое отдаленіе отъ реальной дѣйствительности, чѣмъ наиболѣе провѣренныя, строго научныя истины, формулирующія съ поразительной точностью и достовѣрностью наиболѣе отвлеченныя концепціи всего существующаго.

Въ чемъ же, прежде всего, выражается въ дѣйствительности воображаемый міръ, въ какихъ произведеніяхъ человѣческаго духа воплощаются чаянія, надежды и мечты о лучшемъ будущемъ человѣка, человѣческаго общества и, наконецъ, всего человѣчества? Во-первыхъ, онъ воплощается въ мірѣ искусствъ и, прежде всего, въ произведеніяхъ, такъ называемой, изящной литературы, которая, какъ громадное и чрезвычайно сложно-построенное зеркало, составленное изъ безконечно-большаго числа безконечно малыхъ зеркалъ, не только отражаетъ собою духовный міръ человѣчества, въ его естественной пестротѣ, но и придаетъ ему своеобразную окраску, зависящую отъ качества каждаго изъ составныхъ зеркалъ, отражающихъ свои собственные отраженія и отраженія сосѣднихъ составныхъ частицъ. Во-вторыхъ, тѣ же стремленія и мечты человѣчества, въ особенности же выходящія изъ узкихъ ячеекъ жизни личной и охватывающія собою теченія жизни общественной, стремленія даннаго мѣста и даннаго времени, отдѣльнаго ли класса или всего народа—находятъ свое отраженіе въ

публицистикѣ и публицистической критикѣ, исторія которыхъ есть вмѣстѣ съ тѣмъ и исторія общественныхъ теченій, исторія борьбы идей, исторія общественнаго мнѣнія, этого главнаго вершителя историческихъ судебъ растущаго и крѣпнущаго духомъ человѣчества. Но стремленія, идеалы, надежды и мечты находятъ свое литературное выраженіе не только въ произведеніяхъ изящныхъ искусствъ, публицистикѣ и критикѣ,—они имѣютъ еще одинъ способъ кристаллизоваться во всемірной литературѣ: они кристаллизуются въ произведеніяхъ моралистовъ,—въ области этики, въ этическихъ воззрѣніяхъ, которыя властно предъявляютъ свои опредѣленные требованія не только къ поведенію отдѣльнаго человѣка, но и къ сознательной жизни человѣческаго общества, и ко всѣмъ произведеніямъ человѣческаго духа,—и въ области религіи, и философіи, и права, и т. д., и ко всему тому, гдѣ есть человѣкъ и человѣческое. Нравственные идеалы личной и общественной жизни—что это такое? Это и есть теорія о томъ, что должно быть съ точки зрѣнія даннаго моралиста, сознательнаго или безсознательнаго слуги своего мѣста, времени и общественнаго класса. Этическая оцѣнка человѣческой жизни во всѣхъ ея проявленіяхъ—что это такое?—Это изслѣдованіе того, что есть, съ точки зрѣнія того, что должно быть, это человѣческая оцѣнка явленій, которыя совершаются по волѣ или при участіи человѣка и которыхъ онъ бываетъ или можетъ быть и творцомъ и судьей. „Идеаль въ чистомъ видѣ,—говоритъ А. Фулье,—заключается въ томъ, чтобы вся совокупность существъ превратилась въ сознательное, объединенное и счастливое общество. Искусство даетъ намъ возможность предвкушать и предчувствовать этотъ идеаль, который, по своему совершенству, иначе не дѣступенъ для насъ. Мораль—это и искусство нравовъ—заставляетъ насъ желать этого идеала больше всего на свѣтѣ и побуждаетъ насъ начать его осуществленіе въ человѣческомъ обществѣ“ *). Такимъ образомъ, изящныя искусства, публицистика и этика, если такъ можно выразиться, есть ни что иное, какъ родныя сестры, имѣющія одинъ общій, отличительный и очень существенный признакъ, который и заставляеть выдѣлить книги, принадлежащія къ этимъ тремъ рубрикамъ, при классификаціи на отдѣлы, въ особую группу. Скажемъ теперь нѣсколько словъ о каждой изъ этихъ трехъ рубрикъ отдѣльно.

§ 28. Отдѣлъ изящныхъ искусствъ и его подраздѣленія.

Что такое искусство? Что слѣдуетъ понимать подъ этимъ словомъ? Вотъ вопросъ, нуждающійся въ нѣкоторомъ поясненіи, въ виду расплывчатости, неопредѣленности этого слова. Искусство,—это идеальнй міръ, или, какъ говоритъ М. Гюйо,—„немедленное и немедленно чувствуемое осуществленіе въ мысли и въ воображеніи всѣхъ нашихъ мечтаній объ идеальной жизни, о жизни интенсивной и экспансивной, о жизни доброй, страстной и счастливой, неподчиненной никакому другому закону и правилу, кромѣ интенсивности и гармоніи, необходимыхъ для того, чтобы дать намъ дѣйствительное ощущеніе полноты существованія“ **). Искусство даетъ то, чего не можетъ дать никакая наука. У него своя собственная цѣль и свои задачи, у него же, и это, быть можетъ, самое существовленное,—свой собственный методъ.

„Искусство есть мышленіе, искусство есть познаніе,—всякое искусство: романъ, соната, орнаментъ, пляска. Въ искусствѣ обобщается, приводится въ систему то, что разрознено въ мірѣ. Оно отличается отъ научнаго познанія не результатами, а приѣмами, не выводами, а методомъ. Художественная мысль такъ же обобщаетъ жизненные явленія, такъ же создаетъ новыя категоріи, такъ же индивидуализируетъ и типизируетъ, какъ мысль научная. Она идетъ при этомъ своимъ путемъ: осмысленная жизнь, идеальная законѣрность бытія предста-

*) А. Фулье. „Критика новѣйшихъ системъ морали“, стр. 393.

**) „Искусство съ социологической точки зрѣнія“, стр. 31.

еть предъ художникомъ не въ видѣ закона, формулы, схемы, а въ видѣ образа: индивидуальнаго явленія, вобравшаго въ себя общія черты рода, говорящаго о типичномъ. Искусство и наука, поэзія и проза—равноправные и равноцѣнные способы познать міръ, опредѣлить свое отношеніе къ нему—незамѣнимы въ своей сферѣ. Они могутъ совпадать въ нѣкоторой долѣ своихъ выводовъ, ихъ выводы могутъ въ извѣстной степени нести одно логическое содержаніе: психологически они кореннымъ образомъ различны; различень ихъ механизмъ въ душѣ творящаго, еще болѣе различно ихъ дѣйствіе въ душѣ воспринимающаго. Содержаніе научной формулы легче поддается учету; мы можемъ точнѣе опредѣлить ея вмѣстимость, можемъ—и то не всегда—напередъ указать всю совокупность жизненныхъ явленій, которыя обобщаются и объясняются ею. За художественнымъ образомъ стоитъ безконечность; никогда нельзя сказать, для какой необозримой группы разрозненныхъ явленій онъ станетъ объясняющимъ замѣстителемъ, какія переживанія онъ затронетъ, приведетъ въ движеніе, перетасуетъ въ душѣ воспринимающаго, что онъ подскажетъ, что онъ внушитъ читателю, зрителю, слушателю. Въ самомъ создателѣ онъ также неясень, неустойчивъ въ содержаніи, безконечно вмѣстительнъ по формѣ. Образъ не требуетъ доказательствъ; онъ построенъ по своему внутреннему закону и покрываетъ явленія дѣйствительности въ составѣ неопредѣленномъ и неопредѣлимомъ. Это не мѣшаетъ ему, и даже помогаетъ, говорить о нихъ нѣкоторую истину, инымъ путемъ непостижимую. Отношенія художественнаго образа къ дѣйствительности безконечно болѣе сложны, чѣмъ отношенія научнаго обобщенія“ *).

Всѣ изящныя искусства имѣютъ свои классификаціи. Какъ же они классифицируются? „Число отдѣльныхъ искусствъ безконечно“, говоритъ Липпсъ. Выборъ объектовъ и выборъ средствъ образуютъ двѣ основныя точки зрѣнія для составленія системы искусствъ. Первая изъ этихъ двухъ—даетъ основное подраздѣленіе. Искусства дѣлятся, во-первыхъ, на абстрактныя и конкретныя. Послѣднія могутъ также называться воспроизводящими условіями. Въ противоположность этому, можно назвать абстрактными искусствами такія искусства, которыя извлекаютъ изъ этой конкретной дѣйствительности только общее,—общія черты или общую закономерность. Къ противоположности абстрактныхъ и конкретныхъ искусствъ присоединяются и другія: противоположность искусствъ, изображающихъ сосуществованіе (живопись, скульптура), и искусствъ, изображающихъ послѣдовательность (поэзія, музыка), противоположность искусствъ, воспринимаемыхъ зрѣніемъ и слухомъ, противоположность посредственно и непосредственно изображающихъ искусствъ. Абстрактными искусствами являются музыка, воспринимаемая слухомъ; орнаментика, архитектура и хореографія, воспринимаемая зрѣніемъ. Музыка даетъ намъ только общія настроенія, формы внутреннихъ переживаній, состоянія аффекта, причеиъ эти внутреннія переживанія не связаны съ какимъ-нибудь предметомъ. Точно также и орнаментика передаетъ не конкретную, естественную жизнь, но ивлекаетъ изъ нея наиболѣе общіе моменты. Конкретными искусствами являются поэзія, воспринимаемая слухомъ, изобразительныя искусства (скульптура, живопись, гравированіе) и мимика, воспринимаемая зрѣніемъ“ **).

Нельзя не отмѣтить глубоко соціальнаго значенія искусства, какъ наиболѣе цѣлесообразнаго орудія для передачи настроеній, чувствъ, идей художника-производителя толпѣ потребителей,—народу, а значитъ, и какъ особенно могущественнаго орудія самой широкой пропаганды и агитации (подъ этими послѣдними словами мы подразумѣваемъ, разумѣется, не только политическую и соціальную). Гюйо въ своей замѣчательной книгѣ объ „Искусствѣ съ соціо-

*) Горнфельдъ—„Рус. Богатство“, 907 г., № 1, стр. 143—4.

**) „Философія въ систематическомъ изложеніи“. Стр. 396. См. о томъ же Велямовичъ. „Психо-физиологическія основанія эстетики“. Стр. 168—194.

логической точки зрѣнія“ блестящимъ образомъ раскрываетъ его глубоко социальное значеніе, на что, несомнѣнно, долженъ обратить особенное вниманіе всякій работникъ книжнаго дѣла. „Искусство социально, говоритъ Гюйо, потому что оно помогаетъ общности идей, желаній, чувствъ, даже ощущеній; оно социально потому, что съ его-то помощью и нарастаетъ въ обществѣ чувство социальной симпатіи; вызывать эту послѣднюю,—не только безсознательно, но и сознательно, планомѣрно и ярко,—въ этомъ и должна заключаться главная задача искусства“, а, значитъ, и задача подбора книгъ для этого отдѣла. „Ощущеніе и чувства, говоритъ Гюйо далѣе, это, прежде всего, то, что наиболѣе разъединяетъ людей между собою; о вкусахъ и цвѣтахъ вѣдь не спорятъ, потому что ихъ считаютъ субъективными, и однако же есть средство нѣкоторымъ образомъ социализировать ихъ, сдѣлать ихъ въ большинствѣ случаевъ тождественными для различныхъ индивидуумовъ. Средство это—искусство. Изъ глубинъ несвязныхъ и несходныхъ индивидуальных ощущеній и чувствъ искусство выдѣляетъ такую совокупность ихъ, которая могутъ находить отзвукъ сразу у всѣхъ или у большинства, и которая, такимъ образомъ, могутъ вызвать ассоціацію наслажденій. Особенность же этихъ наслажденій заключается въ томъ, что они взаимно не исключаютъ другъ друга, какъ удовольствія эгоистическія, но, наоборотъ, находятся въ прочной „солидарности“. Такимъ образомъ, подобно метафизикѣ и морали, искусство поднимаетъ индивида надъ его собственной жизнью, чтобы заставить его жить жизнью міровой, приобщая его не только къ идеямъ и вѣрованіямъ или желаніямъ и дѣйствіямъ, но и къ ощущеніямъ и чувствамъ. Всякая эстетика есть подлинно музыка, какъ это полагали древніе,—музыка именно въ томъ смыслѣ, что она вызываетъ гармонию чувствъ между различными индивидами и является средствомъ заставлять сердце сочувственно биться, подобно тому, какъ согласно звучать струны инструмента или человѣческаго голоса. Такимъ образомъ, искусство есть орудіе общественнаго единенія и согласія, и, быть можетъ, болѣе основательное орудіе, чѣмъ всѣ другія. Безъ сомнѣнія, одинаково мыслить, значитъ ужь очень много. Но этого еще недостаточно, чтобы заставить одинаково желать. Великая тайна въ томъ, чтобы заставить насъ одинаково чувствовать, и это-то чудо и совершаетъ искусство“ *).

„Великое искусство,—говоритъ А. Фулье въ предисловіи къ книгѣ М. Гюйо объ искусствѣ,—не есть искусство, замыкающееся въ узкомъ кругу посвященныхъ людей данной профессіи или любителей,—истинное искусство дѣйствуетъ на все общество и является достаточно простымъ и искреннимъ, чтобы волновать всѣхъ людей, но въ то же время и достаточно глубокимъ, чтобы дать матеріалъ для размышленій избраннымъ“.

Выдвигая на первый планъ отдѣлъ изящныхъ искусствъ, мы выдвигаемъ вмѣстѣ съ тѣмъ наиболѣе читаемыя книги, доступныя и привлекательныя наиболѣе широкимъ кругамъ читающей публики и рисующія, такъ сказать, „немедленное осуществленіе идеаловъ“, хотя бы (сначала) и „въ мысли и воображеніи“.

§ 29. Мѣсто въ общей схемѣ и значеніе языкознанія.

Въ отдѣлъ изящныхъ искусствъ на главный планъ выдвигается изящная литература, поэзія, беллетристика. Она-то и должна занимать одно изъ самыхъ первыхъ мѣстъ въ общеобразовательной библиотекѣ, тѣмъ болѣе, что съ нея-то и начинается обыкновенно чтеніе. Беллетристика представляетъ собою самую первую ступень лѣстницы, съ которой и начинается духовный подъемъ, и врядъ ли можно сомнѣваться, что этимъ-то путемъ и идутъ по лѣстницѣ самообразованія сотни тысячъ людей, стремящихся пополнить свои знанія или расширить свой кругозоръ посредствомъ чтенія. Поэтому, организуя общеобразовательную библиотечку, приходится съ особенной тщательностью организовать отдѣлъ

*) Гюйо. „Искусство“, стр. 8.

беллетристики, заботясь не только о его полнотѣ, но и о его, такъ сказать, социальномъ и психологическомъ значеніи.

Отдѣлъ беллетристики долженъ быть организованъ, по нашему мнѣнію, такимъ способомъ: введеніемъ въ него вполне естественно долженъ служить отдѣлъ языкознанія—какъ общаго, которое даетъ опредѣленное научное понятіе о языкѣ вообще, такъ и частнаго, которое даетъ понятіе о родномъ и нѣкоторыхъ новыхъ языкахъ.

Какъ извѣстно, съ легкой руки русскаго правительства, усиленно насаждавшего въ теченіе многихъ десятилѣтій почти непрививаемую любовь къ греческому и латинскому языкамъ, языкознаніе до сихъ поръ находится въ несомнѣнномъ загонѣ не только среди русскихъ читателей и среди писателей, но и среди переводчиковъ. Этотъ отдѣлъ представляетъ почти во всѣхъ библіотекахъ и на книжномъ рынкѣ одно изъ самыхъ печальныхъ зрѣлищъ. Думается намъ, что не могутъ не пожалѣть объ этомъ даже самые убѣжденные противники классицизма. Но и мы не можемъ не обратить вниманія работниковъ книжнаго дѣла на несомнѣнную желательность возможно рациональной постановки отдѣла языкознанія, въ цѣляхъ общаго образованія. Это необходимо, во-первыхъ, съ обще-философской точки зрѣнія, во-вторыхъ, съ чисто практической. Въ первомъ отношеніи представляютъ особенный интересъ для широкихъ круговъ читателей, напр., такіе вопросы, какъ вопросъ о происхожденіи и развитіи языка, о языкѣ животныхъ, объ отношеніи между языкомъ, съ одной стороны, и психикой—съ другой, между языкомъ и социальной средой и вообще строемъ жизни и т. д. Всѣ эти вопросы, на которые даетъ посильный отвѣтъ общее языкознаніе, несомнѣнно, должны входить въ курсъ общаго образованія, хотя бы въ противовѣсъ до нельзя узкому и мертвящему классическому языковѣдѣнію. Что касается стороны практической, то она прежде всего заключается въ необходимости знать хоть какой-нибудь иностранный языкъ, для каждаго русскаго человѣка, въ особенности же для тѣхъ изъ нихъ, которые готовятся къ общественной дѣятельности. Организовать отдѣлъ языкознанія въ цѣляхъ всяческаго содѣйствія возможно быстрому изученію языковъ,—такова, думается намъ, одна изъ важныхъ задачъ этого отдѣла. Знакомство съ новыми языками, также какъ основательное знаніе своего родного языка, — необходимое условіе общаго образованія, и помогать этому знакомству—одна изъ несомнѣнныхъ обязанностей общеобразовательной библіотеки. Въ русской общеобразовательной библіотекѣ, въ схемѣ общаго образованія, несомнѣнно, необходимо и отдѣлъ книгъ на иностранныхъ языкахъ. Всякій, кто мало-мальски знаетъ, насколько богата иностранная литература разными научными книгами,—въ особенности же книгами научно-популярными, которыхъ не только не существуетъ, при современныхъ цензурныхъ условіяхъ, но и не можетъ существовать на русскомъ языкѣ; всякій, кто мало-мальски знаетъ, въ какомъ, урѣзанномъ и сокращенномъ видѣ приходится появляться на русскомъ книжномъ рынкѣ, по тѣмъ же общимъ условіямъ, цѣлому ряду другихъ книгъ, не говоря уже о качествахъ подчасъ лубочныхъ переводовъ,—тотъ ясно можетъ видѣть, какой громадный и ничѣмъ невознаградимый пробѣлъ въ дѣлѣ общаго образованія представляетъ собою незнакомство русскаго человѣка, хотя бы даже съ однимъ изъ западно-европейскихъ языковъ. Но и помимо условій, выражающихся въ гнетѣ цензуры, есть и другія обстоятельства, которыя требуютъ возможно широкаго знакомства русской читающей публики съ иностранными языками. Мы очень бѣдны популярными книгами по цѣлому ряду наукъ, которыя входятъ, какъ необходимыя составныя части, въ основной циклъ общеобразовательныхъ знаній, и это даже теперь, послѣ десятилѣтней книгоиздательской горячки и временнаго книжнаго прилива 1905—1907 гг. Наглядная иллюстрація этой нашей бѣдности читатель найдетъ ниже, проматривая рубрики разныхъ научныхъ отдѣловъ. Многія сотни разъ намъ нечего было вводить въ эти рубрики, за неимѣніемъ подходящихъ книгъ на русскомъ

языкъ, или же приходилось вводить книги не вполне удовлетворительныя, за неимѣніемъ никакихъ другихъ, болѣе достойныхъ. Поэтому мы горячо настаиваемъ на организациі при каждой общеобразовательной библиотекѣ особаго отдѣла научныхъ книгъ на иностранныхъ языкахъ, и въ этотъ отдѣлъ приглашаемъ вводить прежде всего такія научныя книги, недостатокъ которыхъ на русскомъ языкѣ чувствуется особенно сильно. Нѣкоторыя изъ нихъ, недопускаемыя къ обращенію въ переводѣ на русскій языкъ, свободно обращаются въ оригиналѣ. Не только необходимо завести при каждой общеобразовательной библиотекѣ отдѣлъ научный на иностранныхъ языкахъ,—необходимо еще заинтересовывать читателей хорошими иностранными книгами и облегчать доступъ къ нимъ, указывая возможность и способы изученія иностранныхъ языковъ въ относительно короткій срокъ, хотя бы при помощи тѣхъ превосходныхъ самоучителей Туссена и Лангенштедта, которые указаны нами въ каталогѣ (№ 38, 43 и 47). *).

Сдѣлавъ это краткое отступленіе, пойдемъ дальше.

§ 30. Исторія письменности и книгопечатанія.

Во введеніи къ изящной словесности за отдѣломъ языковеденія логически слѣдуетъ отдѣлъ, посвященный исторіи письменности и книгопечатанія и неразрывно связанный съ вопросомъ о юридическомъ положеніи и общественномъ значеніи печатнаго слова. Съ многотрадальной судьбой, а также съ тѣмъ гигантскимъ и плодотворнымъ дѣломъ, которое она сдѣлала и дѣлаетъ, думается намъ, долженъ прежде всего познакомиться всякій мало-мальски образованный человѣкъ, и ужъ, во всякомъ случаѣ, всякій работникъ книжнаго дѣла. Великая сила печатнаго слова и его несомнѣнно свѣтлая и, въ конечномъ итогѣ, непреоборимая мощь должна быть всѣмъ имъ хорошо извѣстна. Ничто такъ не укрѣпляетъ вѣру въ честное и смѣлое слово истины, ратующее за справедливость, какъ именно знакомство съ исторіей его. Не знать этой исторіи, не знать всего того, чѣмъ она подарила читателей, а въ особенности авторовъ, это значитъ не понимать ничего изъ того, что когда-либо написано или напечатано, потому что не слово отвѣтственно за то рабское молчаніе и ложь, которыя культивируются всѣми правительствами въ области печати, а именно эти послѣднія, однимъ изъ существеннѣйшихъ условий существованія которыхъ — мракъ, гнетъ и ложь. Что бы ни читалъ другъ-читатель—газету ли, книгу ли, и какія бы умолчанія, недомолвки, пробѣлы и подлаживанія онъ ни встрѣчалъ на бѣлыхъ страницахъ все выносящей бумаги,—онъ долженъ знать и понимать, во всякомъ случаѣ, какія условія жизни это вызвали, создали, поддержали, укрѣпили и сдѣлали обычаемъ. Свобода печатнаго слова должна сдѣлаться столь же драгоценной для всякаго читателя, какъ и писателя, потому что безъ нея не можетъ существовать, не можетъ быть дѣйствительно образованнымъ человѣкомъ ни тотъ, ни другой.

§ 31. Публицистика, критика и исторія литературно-общественныхъ теченій.

За отдѣломъ изящныхъ искусствъ слѣдуетъ, какъ уже было сказано, отдѣлъ публицистики и критики, а за нимъ—отдѣлъ этики.

На этомъ словѣ „публицистика“ необходимо нѣсколько остановиться и условиться, что собственно подъ нимъ понимать. Публицистика—это, прежде всего, печатный откликъ на злобу дня; это—печатное слово человѣка, принимающаго близко къ сердцу интересы своего времени, это—отзвукъ текущей жизни въ душѣ писателя. Злоба дня заставляеть публициста братья за перо, она же подсказываетъ ему темы, она же сообщаетъ ихъ изложенію болѣе или менѣе

*) Научныя и научно-популярныя книги на иностранныхъ языкахъ, по нашему мнѣнію, могутъ быть размѣщаемы не въ отдѣльныхъ, а въ общихъ библиотечныхъ каталогахъ, среди книгъ на русскомъ языкѣ. Такое размѣщеніе иностранныхъ книгъ среди русскихъ, по нашимъ наблюденіямъ, способствуетъ ихъ распространенію, указывая возможность пополнять съ ихъ помощью пробѣлы въ общей системѣ.

боевое настроеніе. Публицистъ пишетъ не для того, чтобы изслѣдовать окружающую среду, какъ это дѣлаетъ человѣкъ науки, а для того, чтобы высказать о ней свое мнѣніе, чтобы такъ или иначе повліять на нее и внести въ нее тѣ или инья измѣненія, которыя признаются или желательными, или необходимыми, съ точки зрѣнія его личнаго или общественнаго идеала. Для публициста важнѣе всего не то, что есть, какъ для человѣка науки, а то, что должно быть. Для человѣка науки изученіе и пониманіе окружающей среды—это цѣль, для публициста—это лишь средство. Цѣль публициста—это воздѣйствіе на общественное мнѣніе,—мнѣніе и настроеніе современниковъ. Публицистъ—это борець, а не теоретикъ. Борьба, какъ извѣстно, захватываетъ, и подчасъ увлеченный борьбой человѣкъ даже забываетъ окружающую дѣйствительность и дѣлается рабомъ своего собственнаго настроенія, властно влекущаго его къ намѣченной цѣли. Какую бы тему ни затрогивалъ публицистъ и о чемъ бы онъ ни говорилъ—о далекомъ ли прошломъ, или о неприглядномъ настоящемъ,—всегда и вездѣ онъ—слуга этого настоящаго, и это не зависитъ отъ того, что онъ пишетъ,—для него важнѣе всего—какъ и для кого писать.

Однимъ изъ отдѣловъ публицистики является публицистическая журналистика, которую слѣдуетъ отличать отъ журналистики научной и „журналистики періодически выходящихъ альманаховъ“—журналовъ безъ всякой политической и общественной физономіи. Особенно у насъ въ Россіи публицистика неразрывнѣйшимъ образомъ связана съ журналистикой, и этой послѣдней должно быть отведено въ каталогѣ общеобразовательной бібліотеки особенно почетное мѣсто. Отдѣлъ публицистики вмѣстѣ съ журналистикой долженъ развернуть передъ работниками книжнаго дѣла и передъ читателями вообще, стремящимися къ самообразованію, общую схему литературно-общественныхъ теченій, бороздившихъ на протяжении столѣтій общественную и народную жизнь, ихъ борьбу и смѣну, ихъ антагонизмы и сліянія, ихъ развертываніе въ глубину и ширину, отъ вопросовъ внѣшней жизни до самыхъ глубокихъ, соціальныхъ, этическихъ и философскихъ, поскольку и эти послѣдніе являлись злобою дня. Отдѣлъ публицистики долженъ помочь читателю ориентироваться въ этихъ теченіяхъ, разобраться въ направленіяхъ и мнѣніяхъ, показать и „за“ и „противъ“ cadaго и помочь выработкѣ своего міросозерцанія не путемъ замалчиванія и игнорированія чужихъ воззрѣній, почему-либо несимпатичныхъ, а путемъ размышленія, изученія и критики (самокритики въ томъ числѣ). Нельзя не придавать этому отдѣлу особенно важнаго значенія,—и не только потому, что онъ является углубленіемъ отдѣла интимной жизни и расширеніемъ ея, путемъ раскрыванія жгучихъ перспективъ борьбы общественной, но и потому, что публицистика приучаетъ человѣка дѣятельно отзываться на злобу дня, не оставаясь въ сторонѣ отъ нея, а принимать въ ней то или иное участіе, порывать съ индифферентизмомъ соціальныхъ болотъ и лѣсовъ, дѣлаться участникомъ жизни, творцомъ ея и борцомъ за свое и за чужое человѣческое существованіе и достоинство. Отдѣлъ публицистики долженъ быть организованъ широко и внимательно и выдѣленъ въ особую рубрику. Въ силу его громаднаго общественно-просвѣтительнаго значенія, мы бы не рекомендовали сливать его съ отдѣломъ общественныхъ наукъ и ни съ какими другими отдѣлами, какъ это обыкновенно принято, кромѣ отдѣла критики и исторіи литературно-общественныхъ движеній, о которыхъ сейчасъ мы будемъ говорить.

Отъ публицистики критика неотдѣлима, потому что и эта послѣдняя есть слуга своего времени и преслѣдуетъ тѣ же цѣли. Условія русской жизни отодвинули у насъ критику отъ литературной исторіи, придвинувъ ее и даже соединивъ вплотную съ исторіей общественной борьбы; поэтому, сливая критику съ публицистикой, мы говоримъ не о той строго-научной и безпристрастной критикѣ, которая кропотливо разбирается въ фактахъ и теоріяхъ, въ поискахъ за

вѣчной, безстрастной и нелицеприятной истиной. Мы говоримъ о критикѣ того, что есть, во имя того, что должно быть,—о критикѣ, для которой анализъ произведеній искусства не болѣе, какъ средство, а злоба дня—цѣль. Мы говоримъ о той критикѣ, въ которой, по мѣткому выраженію С. А. Венгерова, выражается общественное служеніе литературы. „Кто сомнѣвается въ томъ что „вѣчное“ важнѣе для искусства, чѣмъ злоба дня, „моментъ“, т. е. временное“? Но дѣло въ томъ, что вѣчное достигается только внимательнымъ и отчетливымъ изученіемъ той, уже конечно временной, среды, въ которую судьба поставила писателя... Писатель, который садится за свой письменный столъ съ цѣлью изобразить одно „вѣчное“, ничего кромѣ сухихъ и безжизненныхъ абстракцій или мертворожденныхъ символовъ не производитъ“ *). Этой злободневной и отзывчивой критикѣ можетъ быть мѣсто только рядомъ съ публицистикой, какъ съ ея родной сестрой. Далѣе, та и другая, въ свою очередь, неотдѣлимы отъ исторіи литературно-общественныхъ теченій, исторіи жгучей и кипучей борьбы мнѣній и настроеній; неотдѣлимы отъ исторіи литературы, которая на своихъ страницахъ, хотя и не съ безпристрастіемъ лѣтописца отмѣчаетъ годъ за годомъ всѣ проявленія творческаго генія, всѣ проявленія настроеній, ихъ воплощенія въ произведеніяхъ искусства; она же отмѣчаетъ борьбу личныхъ и общественныхъ идеаловъ между собою въ быстро усложняющейся и качественно-растущей соціальной средѣ. Исторія литературы, въ связи съ исторіей литературно-общественныхъ теченій, и есть исторія этихъ идеаловъ. Но не только исторія литературы, а и исторія искусства вообще, потому что и другія отрасли искусства дѣлаютъ, каждая по своему, то же великое и необходимое дѣло: онѣ кристаллизуютъ, воплощаютъ, фиксируютъ идеалы, чаянія, надежды, мечты. И критика и публицистика, произносящая свои сужденія объ идеалахъ человѣчества, именно ихъ и изучаютъ въ произведеніяхъ искусства вообще. Этимъ опредѣляется положеніе отдѣла публицистики и критики (въ связи съ исторіей литературно-общественныхъ движеній) по слѣдующему, заключающаго въ себѣ всѣ отрасли изящныхъ искусствъ. Бѣлинскій, Н. Г. Чернышевскій, М. Каррьеръ, Лессингъ и большинство другихъ критиковъ посвящали свои работы критикѣ искусства вообще, а не только произведеній изящной словесности.

Повторяемъ, отдѣлу публицистики, критики и исторіи литературы мы придаемъ особенно важное значеніе. Этотъ-то отдѣлъ и придаетъ опредѣленность предыдущему отдѣлу искусствъ, которыя имъ комментируются и сопоставляются и съ вѣчной истиной, и со злобой дня, и въ которомъ первая подвергается жестокимъ нападеніямъ со стороны послѣдней. Критическія и публицистическія комментаріи—это необходимое дополненіе и углубленіе отдѣла искусствъ. Организациа публицистическо-критическаго отдѣла имѣетъ огромное практическое значеніе и съ точки зрѣнія читательства. Съ критическихъ и публицистическихъ статей начинается обыкновенно чтеніе, такъ называемыхъ, серьезныхъ книгъ. Произведенія критиковъ и публицистовъ стоятъ „на порогѣ серьезнаго чтенія“. Они же зарождаютъ въ душѣ читателя интересъ къ болѣе широкимъ кругамъ и задачамъ жизни; они же обыкновенно возбуждаютъ въ читателяхъ общественное настроеніе и анализомъ произведеній литературы приучаютъ вдумываться въ окружающую жизнь, въ литературно-общественныя и всякія другія ея теченія. Знакомясь со статьями критическо-публицистическаго содержанія, читатели приучаются разбираться въ общественныхъ вопросахъ и настроеніяхъ, начинаютъ понимать, что, кромѣ идеаловъ личной жизни, есть и идеалы общественныя, кромѣ нравственности личной—есть и нравственность общественная, которая не только не должна противорѣчить первой, но должна удовлетворять тѣмъ же самымъ требованіямъ, какъ и первая, и основываться на тѣхъ же принципахъ и имѣть тотъ же критерій, какъ и первая.

*) Венгеровъ, соч., т. I, стр. 51.

Далѣ, отмѣтимъ, что отдѣлъ публицистики и критики представляетъ изъ себя естественный переходъ къ отдѣлу этики, такъ какъ вопросы личной и общественной нравственности находятъ свое выраженіе въ цѣломъ рядѣ статей и русскихъ и иностранныхъ публицистовъ и критиковъ. Нѣкоторыя критическія и публицистическія статьи—это своего рода трактаты прикладной нравственности, то есть трактаты о примѣненіи общихъ принциповъ этики къ частнымъ случаямъ личной и общественной жизни. Такимъ образомъ, отдѣлъ публицистики и критики представляетъ собою не только необходимое дополненіе къ предыдущему отдѣлу изящныхъ искусствъ, но и связующее звено съ отдѣломъ этики. Къ этому послѣднему мы теперь и переходимъ.

§ 32. Этика—наука о высшихъ цѣляхъ и идеалахъ жизни.

„Этика,—говоритъ Макензи *),—есть наука о поведеніи. Она разсматриваетъ человѣческія дѣйствія и поступки по отношенію къ тому, хороши ли они или дурны, и по стремленію къ добру или злу. Этика анализируетъ привычки и обычаи людей или, другими словами, ихъ характеры и принципы, служащіе основаніемъ ихъ дѣйствій, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, разсматриваетъ, что именно составляетъ правильность или неправильность этихъ принциповъ, добро или зло этихъ привычекъ. Говоря, что этика имѣетъ дѣло съ добромъ или правильностью человѣческаго поведенія, мы разумѣемъ, что этика занимается анализомъ пригодности нашего поведенія по отношенію къ н а м ѣ ч е н н о й н а м и ц ѣ л и и анализомъ правилъ, посредствомъ которыхъ наше поведеніе направляется къ достиженію этой цѣли“. Цѣль своему поведенію, своимъ дѣйствіямъ можетъ ставить лишь живое, мыслящее, чувствующее существо, личность; цѣль—это вообще объектъ стремленій, а въ высшемъ смыслѣ слова—идеаль,—то, что должно быть. „Но вѣдь цѣлей, къ которымъ наши дѣйствія могутъ быть направлены, весьма много. Такъ какъ этика есть наука о поведеніи, какъ о цѣломъ, а не о какихъ-нибудь частныхъ родахъ поведенія, то она, разумѣется, занимается не какой-нибудь частной цѣлью, а цѣлью конечной и высшей, которую обыкновенно называютъ *Summum Bonum* или Высшимъ Благомъ, къ которой и должна быть направлена вся наша жизнь. „Такимъ образомъ,—говоритъ Д. С. Миль, —,этика есть наука о высшей цѣли или идеалѣ человѣческой жизни“. Это опредѣленіе этики мы и принимаемъ, какъ вполне достаточное для поставленной нами задачи. Она излагаетъ не только факты моральной жизни, но и законы этой послѣдней. „Этика, въ нѣкоторомъ смыслѣ, совсѣмъ не наука,—говоритъ тотъ же авторъ,—она, скорѣе, искусство“. „Въ отличіе отъ науки, для всякаго искусства характерно повелительное наклоненіе. Все, что выражается правилами или предписаніями, а не утвержденіями относительно фактовъ, есть искусство, и этика или мораль есть именно та часть искусства, которая соотвѣтствуетъ наукамъ о человѣческой природѣ и обществѣ“. (Д. С. Миль, „Логика“, 763). Этика разсматриваетъ человѣка не какъ знающаго и наслаждающагося, но какъ дѣйствующаго, т. е. преслѣдующаго какую-нибудь цѣль, причемъ касается всей его дѣятельности, всей сущности искомаго имъ блага и всего значенія его дѣйствій въ поискахъ за добромъ“.

Знакомству съ этикой или, что одно и то же, нравственной философией, мы придаемъ весьма важное значеніе. „Люди не были бы людьми“,—говоритъ Липпсъ,—если бы во всѣхъ ихъ моральныхъ воззрѣніяхъ и требованіяхъ нельзя было найти нравственной основы“ (Липпсъ. „Основные вопросы жизни“). Выработка нравственной личности,—„чѣмъ я долженъ быть и что я долженъ дѣлать? каковы смыслъ и цѣль моего существованія?“—одинъ изъ основныхъ вопросовъ человѣческой жизни. Нѣтъ такого читателя, стремящагося къ выработкѣ мало-мальски цѣльнаго міросозерцанія, который не задумывался бы надъ этими основными вопросами. Изъ всѣхъ книгъ отвлеченнаго содержанія,

*) Маккензи. „Этика“, стр. 1.

книги по разнымъ вопросамъ этики находятъ для себя наиболѣе широкій кругъ читателей.

Человѣкъ не только организмъ вида *homo sapiens*, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ и личность, которая не только живетъ, уносимая потокомъ міровой жизни, но и дѣйствуетъ, стремясь сдѣлать всѣ свои поступки, всю свою жизнь жизнью сознательной, планомерной, согласованной съ идеаломъ жизни,—стремясь осуществить этотъ идеалъ дружной, комбинированной работой другихъ такихъ же людей. Передъ личностью человѣческой стоитъ во всемъ безстрастномъ и жестокомъ величіи основной и проклятый вопросъ, властно требующій немедленнаго разрѣшенія въ томъ или иномъ смыслѣ: какъ надо жить?

„Надо жить! Вотъ они, роковыя слова!
Надо жить! Вотъ она, роковая задача!
Кто надъ ней не страдалъ и тоскуя, и плача,
Чья отъ думъ не кружилась надъ ней голова?“

За этимъ вопросомъ слѣдуютъ другіе: какой именно принципъ положить въ основу своей жизни, своей дѣятельности, своего поведенія? Что такое высшее благо, что есть добро и что есть зло? Что такое добрая и злая воля? Что такое нравственное чувство, совѣсть, нравственный долгъ? Что такое свобода воли, и въ чемъ состоитъ истинная свобода человѣка? Въ чемъ долженъ состоять истинный идеалъ нравственной жизни, и почему человѣкъ къ нему стремится, даже не останавливаясь передъ самопожертвованіемъ во имя его? Какое направленіе придать своей творческой работѣ, своей борьбѣ? Стоитъ ли жить, а если стоитъ, то зачѣмъ и почему? Таковы вопросы, которые стоятъ передъ каждымъ человѣкомъ и требуютъ разрѣшенія. И отъ этого ихъ разрѣшенія зависитъ судьба множества другихъ вопросовъ, и теоретическихъ, и практическихъ, которые не можетъ не рѣшать ни одинъ мыслящій человѣкъ. Все это вопросы этики или близко связанные съ ея областью, всѣ они имѣютъ для человѣческой личности огромное, первостепенное значеніе. Отсюда же становится ясной и та отвѣтственная роль, которую играетъ въ жизни cadaго отдѣльнаго человѣка общая этическая оцѣнка всѣхъ человѣческихъ дѣйствій, во всѣхъ случаяхъ, когда только идетъ рѣчь о человѣкѣ, о его міросозерцаніи, о его поведеніи.

Этика, точнѣе говоря, наше вниканіе въ вопросы нравственности, ихъ изученіе, размышленіе надъ ними, должны помочь каждому изъ насъ осмыслить свою жизнь. Осмыслить ее не во имя чего-то внѣ насъ стоящаго и отъ насъ этого требующаго, а во имя нашего собственнаго счастья,—нашего мало-мальски разумнаго существованія, наиболѣе яркаго, наиболѣе напряженнаго ощущенія жизни. „Я желаю осмыслить мою жизнь потому, что хочу жить,—пишетъ одинъ читатель-другъ. Я желаю жить возможно полной, разносторонней, глубокой, интенсивной жизнью. Я желаю развивать, углублять ее, дѣлать ее свѣтлѣе, и ярче, и напряженнѣе. Безъ нравственнаго идеала, личнаго и общественнаго, безъ оцѣнки и моей и всей окружающей жизни—расширеніе моей собственной жизни во всѣ стороны невозможно. Вопросы этики, вопросы нравственной оцѣнки нужны для меня и во имя меня. Но эта самая работа человѣческой личности надъ ней самой нужна и для другихъ, во имя общаго счастья, потому что они, нравственно-выработанныя личности, являются творцами жизни, тѣми микробами, самымъ существованіемъ которыхъ творится нѣчто новое, свѣтлое, справедливое, радостное“. Этика помогаетъ выработать человѣку изъ себя творца жизни,—творца тѣхъ условій, которыя способствуютъ единенію людей. Нужно ли доказывать, что сознаніе своего творчества, своей созидательной работы и ея цѣнности, сознаніе, опирающееся на опредѣленную практическую дѣятельность,—одинъ изъ самыхъ основныхъ, если не самый основной, элементъ человѣческаго счастья? Здѣсь

не мѣсто и не время распространяться объ этомъ послѣднемъ, и если мы позволили себѣ нѣсколько остановиться и на этомъ, такъ именно затѣмъ, чтобы всѣмъ работникамъ книжнаго дѣла, всѣмъ стремящимся къ самообразованію сказать еще и еще разъ: углубляйте и осмысливайте вашу интимную и вашу злободневную, обыденную жизнь, и личную и общественную, подвергая и ту и другую нравственной оцѣнкѣ. Этого требуетъ смыслъ вашей собственной жизни, ваше собственное, личное счастье, и нѣтъ больше того счастья, которое состоитъ въ непосредственномъ ошущеніи того, что эта ваша жизнь растетъ и въ ширину, и въ глубину, и въ высоту, и въ смыслѣ напряженности. Помогайте такъ расти и жизни другихъ людей при помощи книги,—т. е. того орудія, которое уже въ рукахъ у васъ.

§ 33. Два заключительныхъ вопроса перваго отдѣла.

Изъ предыдущаго видна въ достаточной степени внутренняя, органическая связь всѣхъ трехъ отдѣловъ—отдѣла искусствъ, публицистики съ критикой и этики. Этотъ послѣдній отдѣлъ, въ силу того же принципа все большаго и большаго углубленія, расширенія и возвышенія жизни, нуждается еще въ нѣкоторомъ дополненіи и расширеніи. Два вопроса—и, можно сказать, проклятыхъ вопроса, о которыхъ когда-то писалъ Гейне—тѣснѣйшимъ образомъ примыкаютъ къ отдѣлу этики и должны быть рѣшены каждымъ человѣкомъ, и въ теоріи, и на практикѣ, а тѣмъ болѣе каждымъ работникомъ книжнаго дѣла. Первый изъ этихъ вопросовъ—вопросъ объ интеллигенціи. Второй вопросъ—о роли интеллигенціи, и вообще о роли человѣческой личности въ исторіи.

Мы уже имѣли случай говорить о томъ значеніи, которое представляетъ, для правильнаго пониманія не только основныхъ задачъ самообразованія, но и вообще для книжнаго дѣла, принципъ интегральности жизни.

Общественная жизнь слагается изъ цѣлаго ряда безконечно-разнообразныхъ явленій, которыя льются непрерывнымъ потокомъ изъ прошлаго въ будущее. Милліоны милліоновъ людей, составлявшихъ и составляющихъ человечество, уносятся этимъ потокомъ, стараясь, по мѣрѣ своихъ силъ, сопротивляться его стремительному теченію. Человѣкъ стоитъ передъ нимъ, какъ предъ сфинксомъ сказочныхъ временъ, внося въ окружающую сутолоку жизни лишь ничтожно малую долю своего „я“,—своей силы и энергіи. Здѣсь не мѣсто останавливаться на изложеніи и анализѣ спорнаго теоретическаго вопроса о томъ, что такое интеллигенція, и о роли личности въ исторіи и опредѣлять размѣры вліянія среды на человѣка и человѣка на среду. Но, во всякомъ случаѣ, оба этихъ вопроса не могутъ не возникать въ умѣ мало-мальски мыслящаго человѣка. Нужно ли доказывать ихъ глубокую жизненность и громадное историческое значеніе? „Безпрерывно шла борьба за индивидуальность, за широту, глубину и яркость человѣческаго „я“; безпрерывно велась борьба за личность,—борьба политическая противъ государства, борьба социальная, классовая и борьба противъ общественности; наконецъ, безпрерывно шла борьба за человѣческую личность, какъ за цѣль, борьба противъ теорій и дѣйствій, основанныхъ на отношеніи къ человѣческой личности не какъ къ цѣли, а только какъ средству“ *). Внѣ этой борьбы или одного изъ видовъ ея,—никто не стоитъ и стоять не можетъ. Какую же позицію занять въ ней? Всякій человѣкъ долженъ отдавать себѣ отчетъ, къ какой же изъ борющихся сторонъ онъ-то и самъ пристанетъ? Чтобы дать себѣ отвѣтъ на этотъ вопросъ, необходимо вдуматься въ него возможно глубже, и съ этой цѣлью познакомиться съ литературой по вопросу объ интеллигенціи и о роли личности въ исторіи. Оба эти вопроса представляютъ изъ себя необходимое введеніе въ отдѣлъ исторіи и другихъ общественныхъ наукъ.

*) Ивановъ-Разумникъ. „Исторія русской общественной мысли“, т. I. Изд. 3-е, стр. 24.

§ 34. Общій очеркъ научнаго отдѣла.

Какъ уже было упомянуто выше, второй отдѣлъ каталога общеобразовательной библиотеки—отдѣлъ научный, въ который входятъ всѣ науки, какія только существуютъ въ настоящее время, во всей возможной полнотѣ и совершенствѣ, поскольку это послѣднее достигнуто при современномъ уровнѣ знаний. Всѣ науки, каковы бы ни были ихъ области, рѣзко отличаясь отъ трехъ предыдущихъ отдѣловъ, въ свою очередь, имѣютъ между собою нѣчто общее и, вмѣстѣ съ тѣмъ, существенное. „Науки, взятая въ цѣломъ, — сказалъ еще Декартъ, — суть ничто иное, какъ человѣческой разумъ, который всегда остается одинаковымъ, несмотря на все разнообразіе предметовъ, къ которымъ онъ примѣняется. Это разнообразіе настолько не видоизмѣняетъ его сущности, насколько не видоизмѣняетъ сущности солнца разнообразіе освѣщаемыхъ имъ предметовъ“ *). Въ дѣлѣ изученія того, что есть, на первомъ мѣстѣ стоитъ разумъ; что касается до чувствъ, то они должны быть подчинены послѣднему. Наука только истолковательница природы, и цѣль ея,—прежде всего—истина, возможно точная, возможно обширная, возможно совершенная и очевидная и отчетливо, ясно, кратко формулированная **).

Какъ извѣстно, основная цѣль науки—изученіе того, что есть, изученіе возможно безпристрастное и объективное, которое начинается съ кропотливаго констатированія, изслѣдованія и собиранія фактовъ, переходитъ далѣе къ ихъ обобщеніямъ и обобщеніямъ этихъ обобщеній и стремится, въ возможно ясной и точной формулѣ, выразить не только самые факты, но и ихъ отношенія между собою, ихъ сосуществованіе и послѣдовательность, восходя такимъ медленнымъ, но вѣрнымъ путемъ отъ малаго къ великому, отъ частнаго къ общему, отъ случайнаго къ постоянному, отъ смутнаго къ ясному и стремясь охватить, путемъ такого изслѣдованія, всю вселенную, во всей ея полнотѣ и глубинѣ, въ настоящемъ и въ прошломъ. „Наукой, въ строгомъ смыслѣ,—говоритъ проф. М. Троицкій ***)—называется совокупность ученій, содержащихъ общія истины, излагаемая въ такомъ порядкѣ, какой опредѣляется близостью ихъ сходства и взаимной зависимости, и сопровождаемая раскрытіемъ тѣхъ приѣмовъ, какими провѣряется ихъ достовѣрность“. Но этого еще мало. Научность предполагаетъ не только достовѣрность фактовъ и ихъ обобщеній, но и критику и провѣрку выводовъ изъ нихъ, которая есть одинъ изъ необходимѣйшихъ элементовъ научнаго изслѣдованія. Безъ критики и провѣрки нѣтъ истины. Никакая истина не должна бояться никакой критики и провѣрки. Только путемъ критики и провѣрки истина дѣлается въ сознаніи человѣчества истиной, гипотеза дѣлается теоріей, а теорія получаетъ наибольшую достовѣрность и всеобщность,—только такимъ путемъ науки дѣлаются науками и перестаютъ быть, такъ называемымъ, „обыденнымъ знаніемъ“ ****) съ его обычными признаками—неточностью, несистематичностью, непровѣренностью. Такому знанію не должно быть мѣста въ наукѣ, а значитъ, и въ каталогѣ научнаго отдѣла. Тѣмъ болѣе не можетъ быть тамъ мѣста тѣмъ, яко бы „доставѣрнымъ“, основаннымъ хотя бы на очень старинномъ авторитетѣ, „знаніямъ“, которыя мало-мальски безпристрастный умъ безъ всякаго труда можетъ отличить отъ самыхъ грубыхъ первобытныхъ суевѣрій, хотя бы и пользующихся значительнымъ почетомъ въ довольно широкихъ кругахъ читающей публики. Какую бы кличку эти суевѣрія ни носили и на какомъ бы авторитетѣ ни основывали свою власть, все равно имъ не

*) Правила для управленія ума. XI. Цит. Фулье. „Исторія философіи“, стр. 245.

**) См. очень хорошую во многихъ отношеніяхъ книжку д-ра Тулуза. „Какъ развивать свои душевныя силы“. Изд. О. Богдановой, гл. I—II.

***) Учебникъ логики, т. III, стр. 3.

****) См. Геккель. „Міровыя загадки“. Бюхнеръ. „Сила и матерія“. Гюйо. „Иррелигіозность будущаго“. Геффдингъ. „Философія религіи“. Дрәперъ. „Исторія умств. развитія Европы“, т. II.

должно быть мѣста въ научномъ отдѣлѣ. Всякія суевѣрія, даже самыя дикія, могутъ фигурировать въ научномъ отдѣлѣ не иначе, какъ факты, научно-констатированные факты заблужденій человѣческихъ, въ длинномъ рядѣ другихъ такихъ же фактовъ, но отнюдь не какъ пріемлемыя безспорныя истины, не подлежащія сужденію и осужденію разума. Поэтому основное требованіе, которое необходимо предъявить къ научному отдѣлу общеобразовательной бібліотеки, заключается въ томъ, чтобы онъ былъ дѣйствительно научнымъ. Безъ этого требованія отдѣлъ теряетъ свое настоящее значеніе и превращается въ книжный складъ, въ которомъ навалено „всякаго жита по лопатѣ“.

Переходимъ теперь къ распланировкѣ научнаго отдѣла. Что же такое научный отдѣлъ общеобразовательной бібліотеки? Это—опредѣленный подборъ научныхъ книгъ, классифицированныхъ по опредѣленной системѣ. Именно въ этомъ отдѣлѣ находится центръ тяжести научнаго значенія такой бібліотеки. Поэтому она должна организовать его особенно старательно. Этотъ-то научный отдѣлъ и дѣлаетъ общеобразовательную бібліотеку своего рода бібліографическимъ университетомъ. Еще въ 1893 г. мы писали: „бібліотека должна быть книжнымъ отраженіемъ вселенной“. Дѣйствительно, правильно организованная общеобразовательная бібліотека должна содержать въ своихъ нѣдрахъ такія книги, которыя могутъ передъ любымъ читателемъ освѣтить любой уголокъ вселенной. Если этого не можетъ сдѣлать какая-либо одна опредѣленная книга, то можетъ и должна сдѣлать совокупность книгъ. И если отдѣльная книга не можетъ освѣтить даннаго явленія со всѣхъ, самыхъ разнообразныхъ сторонъ,—это можетъ сдѣлать опять-таки совокупность книгъ, при томъ расчетѣ, что самъ читатель найдетъ въ своей душѣ силы и умѣнье интегрировать и синтезировать въ единое цѣлое то, что дали ему, быть можетъ, десятки самыхъ разнообразныхъ книгъ“. Мы уже имѣли случай говорить о томъ значеніи, которое представляетъ для правильнаго пониманія не только основныхъ задачъ самообразованія, но и вообще книжнаго дѣла принципъ интегральности жизни, *)), т. е. та истина, что жизнь міра представляетъ изъ себя единое цѣлое, всѣ стороны, всѣ составныя части котораго тѣснѣйшимъ образомъ спаяны, нераздѣльно связаны между собою и постоянно вліяютъ одна на другую, и что перемѣны въ чемъ-либо неизмѣнно отражаются на всѣхъ явленіяхъ, которыя съ нимъ связаны; а такъ какъ каждая наука изучаетъ обыкновенно не все явленіе въ его цѣломъ, а лишь какую-либо одну или нѣсколько сторонъ его, то всѣ науки, каковы бы онѣ ни были, по своему существу,—одно-сторонни. Значитъ, только синтезъ многихъ и многихъ, или, точнѣе говоря, всѣхъ наукъ, можетъ дать человѣку понятіе о данной области мірозданія, и даже о данномъ явленіи, какъ о единомъ цѣломъ. Этотъ научный синтезъ, опирающійся на научный анализъ, и долженъ быть настоящею цѣлью настоящаго, осмысленнаго образованія и самообразованія. Значитъ, къ такому-то синтезу и должна вести читателя общеобразовательная бібліотека посредствомъ своего рекомендательнаго каталога. Задача передъ нами такова: разложить всю вселенную мысленно на отдѣльные части и элементы, изучить ихъ строго-научнымъ способомъ, по строго-научнымъ методамъ, которые свойственны той или другой наукѣ, анализировать, такимъ образомъ, всю вселенную и затѣмъ снова возстановить и дать ея цѣлостную картину въ общемъ философскомъ синтезѣ, опираясь на всю совокупность данныхъ, добытыхъ научнымъ анализомъ во всѣхъ областяхъ знаній. Такимъ образомъ, научный отдѣлъ каталога долженъ давать или, точнѣе говоря, облегчать читателю какъ анализъ, такъ и синтезъ всего міра и чрезъ анализъ вести къ синтезу. Этимъ опредѣляется и его организація.

*) См. гл. I.

§ 35. Какой принципъ положить въ основу организаціи научнаго отдѣла.

Спрашивается теперь, какъ же осуществить эту организацію, съ ея основнымъ требованіемъ, на практикѣ?

Первый вопросъ, который мы должны при этомъ задать себѣ, заключается въ слѣдующемъ. Какой именно принципъ положить въ основу классификаціи научныхъ книгъ? Слѣдующіе два отвѣта представляются возможными: всѣ научныя книги можно распредѣлить на группы или по наукамъ, или по вопросамъ, точнѣе говоря, по областямъ жизни. Между первымъ и вторымъ типомъ классификаціи, несомнѣнно, существуетъ разница, и оба типа классификаціи имѣютъ крайне важныя, принципиальныя различія. Правда, съ перваго раза кажется, что и вопросы можно классифицировать „по наукамъ“, относя, напримѣръ, вопросъ о смертной казни къ уголовному праву, вопросъ аграрный—къ политической экономіи, вопросъ объ атомѣ—къ химіи и т. д. Но это не совсѣмъ такъ. Разница между классификаціей книгъ по наукамъ и вопросамъ заключается въ томъ, что при этомъ вторымъ способѣ классификаціи каждый вопросъ освѣщается съ точки зрѣнія нѣсколькихъ наукъ, одинаково принадлежа или врѣзываясь въ область каждой. Каждый вопросъ, какъ вопросъ интегральной и многосторонней жизни, требуетъ разносторонняго освѣщенія, и безъ этого послѣдняго не можетъ быть ни изученъ, ни понятъ. Напр., аграрный вопросъ требуетъ для своего освѣщенія содѣйствія со стороны цѣлага ряда такихъ наукъ, какъ политической экономіи, исторіи, гражданскаго и государственнаго права, географіи, агрономіи, цѣлага ряда естественныхъ наукъ, социальной и индивидуальной психологіи (припомните, напр., „Власть тьмы“ Гл. Успенскаго). Цѣлый рядъ наукъ имѣетъ своимъ объектомъ вопросъ о смертной казни, покрывшей, какъ извѣстно, неизгладимымъ историческимъ позоромъ тотъ общественный классъ и ту сословную группу, верховенствомъ которой она имѣетъ возможность держаться въ Россіи. Это—вопросъ не только юридическій, но и экономическій, такъ какъ борьба всѣми средствами за экономическое преобладаніе этой группы и этого класса,—одна изъ очевидныхъ причинъ юридическихъ убійствъ, называемыхъ смертною казнью. Вмѣстѣ съ тѣмъ, это—вопросъ социальный, этический, историческій и т. д., и т. д. Какъ ни старается ученый спеціалистъ излагать свою науку съ точки зрѣнія только этой науки, лишь въ самыхъ рѣдкихъ случаяхъ это ему удается безъ экскурсій въ область другихъ наукъ и безъ использования тѣхъ данныхъ, которыя добыты послѣдними. Такимъ образомъ, распредѣленіе научныхъ книгъ по наукамъ, въ строгомъ смыслѣ этого слова, не только не осуществляется на дѣлѣ, но и не можетъ такъ осуществляться, если не считать распредѣленія учебниковъ, на заголовкѣ которыхъ написано названіе данной науки. Но, если взглянуть не на заголовки, а на содержаніе книгъ,—вопросъ мѣняется, условность распредѣленія ихъ по наукамъ бросается въ глаза, и неосуществимость такого распределенія становится ясной. Только привычка и рутинная держатся за такое неестественное распредѣленіе.

Это послѣднее неосуществимо и съ теоретической и съ исторической точки зрѣнія. „Науки,—говоритъ Паульсенъ,—не случайно нагроможденный агрегатъ, а единое цѣлое. Подобно тому, какъ сама дѣйствительность есть не агрегатъ, а единое цѣлое, члены котораго связаны между собой постояннымъ и всеобщимъ взаимодѣйствіемъ, такъ и познаніе этой дѣйствительности образуетъ собою единую систему. Это не исключаетъ расчлененія, только расчлененіе это есть не раздѣленіе и изолированье, а именно живое отношеніе всѣхъ частей къ цѣлому. Это отношеніе проявляется практически въ томъ фактѣ, что каждая наука нуждается въ другихъ, какъ вспомогательныхъ наукахъ; она не можетъ рѣшить своей задачи изолированно. Всякая вѣтвь естествознанія предполагаетъ прочія: біологія предполагаетъ химію и физику и, наоборотъ,—физика нуждается въ физиологіи; напримѣръ, въ оптикѣ и акустикѣ ихъ границы переплетаются между собою. Такъ же точно и всякая вѣтвь историческа-

го изслѣдованія предполагають прочія. Но и естественная наука и историческая не могут обойтись одна безъ другой. Исторія предполагаетъ географію, а для счисленія времени—также и астрономію; языковѣдѣніе соприкасается съ физиологіей, археологія нуждается, при случаѣ, въ помощи геологіи и геогнозіи. Наоборотъ, естественныя науки, хотя онѣ и независимѣ, не могутъ обойтись безъ историко-филологическаго изслѣдованія. Географію причисляютъ теперь обыкновенно къ естественнымъ наукамъ,—и вполне справедливо; но безъ историческихъ свѣдѣній, сообщающихъ объ измѣненіяхъ земной поверхности въ историческія времена, ей недоставало бы существеннаго подспорья. Такъ и всякая наука,—такъ какъ она сама существуетъ лишь въ историческомъ процессѣ развитія,—нуждается въ воспоминаніи своей собственной исторіи, если и не для систематическаго изложенія, то, хотя бы для общаго ориентированія въ своемъ положеніи и значеніи въ цѣломъ духовно-исторической жизни; стоитъ обратитъ только вниманіе на то, какое обширное мѣсто занимаетъ историческая сторона въ „Космосѣ“ Гумбольдта. И для преподаванія исторія науки имѣетъ большое значеніе, которое теперь, правда, не вездѣ обращаетъ на себя должное вниманіе,—даже въ нашихъ университетахъ. Наконецъ, напомнимъ о томъ, что всѣ науки стоятъ въ связи съ психологіей и теоріей познанія (гносеологіей) и соприкасаются между собой въ этихъ областяхъ. Согласно съ этимъ, понятіе единства наукъ есть не произвольная выдумка, а необходимая мысль: единству космоса соответствуетъ идеальное единство всеобъемлющей системы знанія“ *).

Невозможность разграниченія другъ отъ друга не только отдѣльныхъ наукъ, но даже и цѣлыхъ группъ ихъ, доказывается и ихъ исторіей.

Исторія отдѣльныхъ отраслей знанія, а также и совокупности ихъ показываетъ, что науки, такъ сказать, размножаются почкованіемъ — то, что сегодня считается весьма опредѣленной наукой, съ теченіемъ времени распадается уже на нѣсколько болѣе или менѣе самостоятельныхъ наукъ, съ которыми происходитъ то же самое и т. д., въ томъ же порядкѣ. Эта дифференціація идетъ далеко не равномерно, и въ результатѣ получаетъ значительное развитіе какой-нибудь одинъ отдѣлъ данной науки, который и дѣлается болѣе или менѣе самостоятельной отраслью знанія, тогда какъ другіе остаются въ прежнемъ положеніи. Этотъ отдѣлъ начинаетъ жить своею самостоятельною жизнью, и съ теченіемъ времени изъ его нѣдръ, въ свою очередь, развивается тоже какой-нибудь его отдѣлъ, который тоже дѣлается болѣе или менѣе самостоятельной наукой и такъ далѣе. Распределеніе всѣхъ человѣческихъ знаній на отдѣльныя науки, которое существуетъ въ настоящее время, именно ихъ исторіей въ громадной степени и объясняется. „Во все время ихъ развитія,—говоритъ Г. Спенсеръ,—между отдѣльными науками существовала постоянная связь, а возникавшія ихъ дѣленія и подраздѣленія не оставались особнякомъ, а то тамъ, то здѣсь прямо и косвенно снова соединялись. То науки выходятъ изъ одного ствола, то даютъ и принимаютъ въ разныхъ направленіяхъ связывающіе ихъ отпрыски, и эта взаимная связь становится все болѣе и болѣе запутанной и болѣе развѣтвленной. Повсюду и постоянно являлись болѣе высокія спеціализаціи, изъ которыхъ могли создаваться болѣе широкія обобщенія; всякое расширеніе обобщеній поднимало спеціализацію, всякое совершенствованіе синтеза подготавливало путь для болѣе глубокаго анализа“. „Ни одна изъ наукъ не развивалась отдѣльно, ни одна изъ нихъ не является логически или исторически независимой. Открытіе въ одной наукѣ обыкновенно давало толчекъ другимъ“ **). Вѣчна, едина и нераздѣльна только природа, которую науки изучаютъ, каждая съ своей стороны, каждая въ своей области. Врядъ ли нужно доказывать, что дѣленіе всѣхъ областей чело-

*) Паульсенъ „Введеніе въ философію“, стр. 33—34.

***) Спенсеръ. Сочиненія. „Научные опыты“, т. I. „Генезисъ науки“.

вѣческихъ знаній на отдѣльныя науки не можетъ не быть, въ значительной степени, условнымъ, а отношеніе отдѣльныхъ наукъ между собою не можетъ не быть запутаннымъ.

Какъ извѣстно, во всѣхъ библиотечныхъ каталогахъ (по крайней мѣрѣ, намъ не приходилось встрѣчать изъ этого правила никакихъ исключеній) принята классификація книгъ по отдѣльнымъ наукамъ, и каталоги библиотекъ подробно перечисляютъ въ своихъ оглавленіяхъ всѣ науки, группируя ихъ въ зависимости отъ размѣровъ библиотеки. Весьма естественно, что при такомъ распредѣленіи книгъ получается сбивчивость и неопредѣленность, зависящая не столько отъ г.г. составителей каталоговъ, сколько отъ вышеуказанныхъ свойствъ самой науки и ея исторіи. Въ результатъ получается, что читатель, пользующійся каталогомъ, въ сущности, не знаетъ, въ какомъ его отдѣлѣ искать необходимую для него книгу. Нерѣдко случается, что книги, вродѣ „Антропологии“ Тэйлора, вносятся въ отдѣлъ естественныхъ наукъ, а въ другихъ случаяхъ тѣ же самыя книги фигурируютъ въ отдѣлѣ наукъ общественныхъ или въ исторіи; бываютъ случаи, что онѣ попадаютъ въ отдѣлъ философіи. Психологія то фигурируетъ въ качествѣ философіи, то входитъ въ отдѣлъ физиологіи. Книги по этнологіи путешествуютъ такимъ же способомъ по разнымъ отдѣламъ каталога, а читателю, по спискамъ наукъ, перечисляемыхъ въ заголовкахъ каждаго отдѣла, предоставляется догадываться, куда попала та или иная книга. Отъ этого получается весьма серьезная путаница, которой необходимо положить какой-нибудь предѣлъ и съ этой цѣлью выработать опредѣленные принципы каталогизаціи; а для этого нужно, прежде всего, отбросивъ въ сторону, насколько это возможно, распредѣленіе книгъ по наукамъ попробовать классифицировать самыя науки. Это возможно лишь сдѣлать, положивъ въ основу классификаціи наукъ или, точнѣе говоря, ихъ группировки, принципъ классификаціи явленій. Далѣе, эта классификація должна быть подчинена единому основному принципу, который можно формулировать такъ: единство мірозданія, съ одной стороны, и выработка единого, общаго и цѣльнаго, широкаго, философско-научнаго и общественнаго міросозерцанія, выработка критически-мыслящей человѣческой личности, какъ работника настоящаго и творца будущаго, съ другой. Попытку такой классификаціи мы и дѣлаемъ ниже. Разумѣется, мы отнюдь не настаиваемъ на томъ, что наша схема распредѣленія книгъ въ каталогъ есть схема единственно возможная, и что классификація отдѣловъ, данная нами въ этой главѣ, есть классификація неизбежная и необходимая. Быть можетъ, спеціалисты-философы укажутъ въ нашей схемѣ очень многія ошибки и размѣстятъ нѣкоторыя науки въ какомъ-нибудь новомъ порядкѣ; быть можетъ, найдутся и другія классификаціи и другія схемы для каталога,—все это еще не такъ важно. Важно то, чтобы правильно организованная общественная библиотека дѣйствительно являлась книжнымъ отраженіемъ вселенной, и чтобы каждому уголку мірозданія соотвѣтствовала въ библиотекѣ возможно лучшая книга, возможно полнѣе, свѣтлѣе и глубже освѣщающая этотъ уголокъ и, посредствомъ правильнаго распредѣленія отдѣловъ, указывающая каждому читателю, кто бы онъ ни былъ, кратчайшую и удобную дорогу ко всему тому, что этого послѣдняго въ данный моментъ интересуешь.

Условность распредѣленія знаній по наукамъ никоимъ образомъ не должна упускаться изъ виду при составленіи каталога общеобразовательной библиотeki.

Изъ предыдущаго съ достаточной очевидностью ясно, сколь существенное затрудненіе представляетъ не только классификація научныхъ книгъ по наукамъ, но и классификація самихъ наукъ. Всякая наука,—и ея сущность, и границы, и отношенія ихъ къ другимъ отраслямъ знанія,—нѣчто условное, а область изучаемыхъ ею явленій то суживается, то расширяется, смотря по тому, что относитъ къ ней въ данный историческій моментъ ея эволюціи тотъ или иной ученый, спеціалистъ этой науки. Отсюда естественно слѣду-

еть, что самая суть интересующаго насъ вопроса не въ наукахъ и ихъ разграниченіи, а въ этихъ самыхъ областяхъ жизни, которыя изучаются, и не въ отдѣльной наукѣ, а въ группахъ ихъ, освѣщающихъ данную область одновременно и съ разныхъ сторонъ. Подъ „областями жизни“ мы понимаемъ любую группу явленій, рассматриваемую не односторонне, а разносторонне,— съ точки зрѣнія всѣхъ или многихъ условій ея существованія, а не только нѣкоторыхъ. Каждый вопросъ жизни представляетъ такую группу явленій, какъ частный случай определенной комбинаціи и фактовъ, изучаемыхъ науками описательными, и законовъ, вытекающихъ изъ теоріи и философіи наукъ. Каждое явленіе—какъ частичка интегральной жизни, тоже нѣчто сложное и можетъ въ этомъ смыслѣ рассматриваться тоже, какъ вопросъ или область жизни, въ отличіе отъ односторонняго подхода къ ней той или другой науки. Не отрицая всего значенія, которое имѣетъ односторонность науки для изученія жизни въ ея безконечно-сложномъ цѣломъ, нельзя не видѣть, что въ самомъ центрѣ классификаціи научныхъ книгъ должна стоять классификація различныхъ областей, различныхъ проявленій жизни, стоящихъ предъ всякимъ изучающимъ въ видѣ вопросовъ, настойчиво и властно требующихъ отвѣта. Другими словами, мы приходимъ къ необходимости классифицировать не науки собственно, а вопросы, ими изучаемые, при этомъ не одной какой-либо наукой, но группами ихъ. Къ этому сводится и классификація научныхъ книгъ. Онѣ должны классифицироваться такъ, чтобы самый ихъ подборъ освѣщалъ данную область жизни и мысли съ возможно разнообразныхъ сторонъ и во всевозможныхъ смыслахъ. При такой системѣ классификаціи научныхъ книгъ мы получаемъ слѣдующее:

1) Мы ставимъ впереди не абстрактную фикцію—науку, съ ея условно очерченными границами и ея односторонностью, а конкретную, реальную, многостороннюю и многообразную жизнь.

2) Мы классифицируемъ, прежде всего, не науки, а области, проявленія, явленія жизни.

3) Классифицируемъ независимо отъ того, какъ изучаютъ ихъ разныя науки, ими интересующіяся.

Къ этой-то классификаціи самой жизни, ея областей, ея явленій и пришла научно-философская мысль XIX столѣтія въ лицѣ знаменитаго французскаго ученаго и философа Огюста Конта. На этой замѣчательной классификаціи явленій природы и классификаціи наукъ, на ней основанной, мы и должны нѣсколько остановиться.

Переходимъ теперь къ обзору отдѣловъ.

§ 36. Классификація наукъ и ея исторія до О. Конта.

Какъ извѣстно, вопросомъ о классификаціи наукъ занимались очень многіе мыслители не только новыхъ, но и древнихъ временъ, начиная съ Платона и Аристотеля, и философская мысль, подвигаясь къ рѣшенію вопроса, въ зависимости отъ успѣховъ знаній, шла очень медленнымъ путемъ, путаясь какъ и въ принципахъ классификаціи, такъ и въ практическихъ примѣненіяхъ ея. Одна изъ самыхъ древнихъ такихъ попытокъ принадлежитъ, какъ извѣстно, Платону, который пробовалъ классифицировать всѣ „науки“ своего времени по способностямъ человѣческаго духа, т. е. смотря по тому, какая изъ нихъ принимается во вниманіе при рѣшеніи той или иной научной проблемы. Такихъ способностей духа Платонъ указывалъ три: первая — отвлеченное познаніе, вторая—чувственное воспріятіе, третья—хотѣнія и желанія. На этомъ основаніи Платонъ создалъ слѣдующую схему наукъ. Въ нее вошли: 1) діалектика, въ основѣ которой, по мнѣнію Платона, лежитъ отвлеченное познаніе, 2) физика, или наука о природѣ, въ основѣ которой лежитъ чувственное воспріятіе, и, наконецъ, 3) этика, въ основѣ которой лежатъ хотѣнія и желанія, а эти

послѣднія являются источникомъ человѣческаго поведенія со всѣми его результатами. Изъ этой классификаціи видно, что Платонъ классифицировалъ всѣ извѣстныя ему науки на три отдѣла, изъ которыхъ послѣдній трактуетъ о томъ, что должно быть (о хотѣніяхъ и желаніяхъ и ихъ объектахъ), второй—о томъ, что есть, о природѣ, и третій—о познающемъ разумѣ (о познаніи и его методахъ). Эта классификація соотвѣтствуетъ, въ самыхъ общихъ чертахъ, и той, которая принята въ нашей книгѣ.

Дальнѣйшій шагъ впередъ, въ сравненіи съ системой Платона, представляетъ изъ себя система Аристотеля, который придалъ ей болѣе детальный и законченный видъ, въ соотвѣтствіи съ успѣхами, сдѣланными въ его время наукой. Аристотель придерживается того же принципа классификаціи наукъ по способностямъ духа на три категоріи, какъ и Платонъ, но къ этой платоновской классификаціи онъ присоединяетъ новую точку зрѣнія и принимаетъ во вниманіе еще цѣли, которымъ служить та или иная научная дѣятельность. Въ результатѣ, въ аристотелевскую классификацію наукъ вошли слѣдующія науки, существовавшія въ его время: логика и метафизика, математика, физика и психологія, этика и политика, риторика и поэтика.

Присматриваясь къ этой классификаціи наукъ, мы находимъ такіе отдѣлы,—перечисляемъ ихъ, идя отъ послѣднихъ членовъ ряда къ первымъ:

- а) Науки поэтическія или художественныя (изящныя искусства).
- б) Этика.
- в) Политика (науки общественныя).
- д) Психологія или наука о человѣческомъ духѣ.
- е) Физика или наука о природѣ вообще.

Далѣе слѣдуютъ науки объ орудіяхъ познанія и о познаніи: математика, логика, метафизика.

Изъ этой таблицы видно, что эта классификація Аристотеля представляетъ опредѣленную и стройную схему, и въ ней уже оказываются очерченными, въ опредѣленномъ порядкѣ, главныя области міровой жизни, начиная отъ явленій болѣе сложныхъ и идя къ явленіямъ болѣе простымъ и заканчивая областью вопросовъ объ орудіяхъ познанія и самомъ познаніи, поскольку представлялось возможнымъ намѣтить всѣ эти области въ наиболѣе простой схемѣ болѣе 2,000 лѣтъ тому назадъ. Замѣтимъ это послѣднее дѣленіе, о которомъ еще будетъ итти рѣчь ниже.

Но эта классификація была не болѣе, какъ началомъ дѣла, и для того, чтобы вопросъ получилъ дальнѣйшее развитіе, потребовалось безъ малого 1900 лѣтъ. Лишь въ 1623 году появилось знаменитое произведеніе Френсиса Бэкона: „О значеніи и размноженіи наукъ“ (*De dignitate et augmentis scientiarum*), въ которомъ знаменитый философъ, открывшій собою новую эру въ области точнаго знанія, сдѣлалъ дальнѣйшій шагъ впередъ въ выясненіи вопроса о классификаціи знаній. Классификаціи Платона и Аристотеля были не только слишкомъ общи и элементарны,—но онѣ смѣшивали, кромѣ того, науку съ тѣмъ, что, въ сущности, не есть наука (поэтика, этика и т. д.). Бэконъ выступилъ противъ Аристотеля, который, по его собственнымъ словамъ, „исказилъ науку о природѣ своею діалектикой, заставивъ міръ происходить отъ категорій“ (т. е. чисто логическихъ построеній). Бэконъ рѣзко напалъ на Платона и выдвинулъ новый принципъ классификаціи. „До сихъ поръ,—читаемъ мы въ упомянутомъ трактатѣ Бэкона,—вовсе не было науки о природѣ; она была испорчена и заражена логикой (какъ у Аристотеля), богословіемъ и математикой, которая должна только граничить (связуясь) съ наукой о природѣ. Только изъ чистой и безпримѣсной науки о природѣ можно почерпнуть надежды для будущаго“ *).

По мнѣнію Бэкона, „сколько силъ могутъ отражать и изображать въ

*) „Новый Органонъ“. Соч. Бэкона. Ч. I. 96. Куно Фишеръ. Бэконъ, стр. 117. Ibid. 127—8.

насъ дѣйствительный міръ, столько различныхъ изображеній міра возможны для человѣческаго духа, на столько частей и распадается духовный образъ мірозданія, какъ единого цѣлаго“.

Дѣйствительно, классификація Бэкона построена на совершенно новомъ принципѣ. „Въ классификаціи Платона и Аристотеля,—говоритъ Вундтъ **),—этотъ принципъ былъ объективнымъ въ томъ отношеніи, что области знанія у него раздѣлялись, главнымъ образомъ, согласно тѣмъ дѣятельностямъ духа, произведенія которыхъ должны были составлять содержаніе отдѣльныхъ наукъ. У Бэкона этотъ принципъ оказывается чистосубъективнымъ, такъ какъ онъ классифицируетъ науки въ зависимости отъ тѣхъ дѣятельностей духа, которыя примѣняются при изученіи той или иной отрасли. По Бэкону всякая научная дѣятельность есть дѣятельность интеллектуальная, потому что она—дѣятельность познания. Значитъ, хотѣнія, желанія и поведеніе должны быть оставлены въ сторонѣ, когда рѣчь идетъ о классификаціи наукъ,—такъ какъ они не суть функции познания и, слѣдовательно, не имѣютъ ничего общаго съ научнымъ познаніемъ. Вслѣдствіе этого Бэконъ съ самаго же начала отбросилъ признакъ дѣленія, имѣвшій такое значеніе для этики Платона и для практическихъ и поэтическихъ наукъ Аристотеля“ *). Другими словами, Бэконъ выдѣлилъ тѣ отрасли, которыя трактуютъ о томъ, что должно быть, исключилъ изъ своей классификаціи, оставивъ въ этой послѣдней только тѣ, которыя ставятъ своею цѣлью познаніе всего существующаго.

Такимъ образомъ, задача наиболѣе общей классификаціи наукъ была перенесена Бэкономъ въ психологію. Переходя къ самой своей классификаціи, онъ намѣчаетъ три главныя формы интеллектуальной дѣятельности, а именно: память, фантазію и разумокъ. Всѣ онѣ тѣсно связаны между собой, но могутъ проявлять свои дѣйствія въ различной степени. Въ соотвѣтствіи съ этимъ, Бэконъ дѣлитъ всѣ науки на три группы. Памяти соотвѣтствуетъ исторія. Фантазіи соотвѣтствуетъ поэзія, которую Бэконъ разсматриваетъ исключительно, какъ представленіе познаваемаго въ наглядной символической формѣ. Разумку соотвѣтствуетъ совокупность объяснительныхъ наукъ, которыя онъ объединяетъ подъ именемъ философіи, соединяя подъ этимъ выраженіемъ два нынѣ опредѣленно различаемыхъ понятія—философія и науки. Въ результатъ получается слѣдующая классификація наукъ:

ПАМЯТЬ.	ФАНТАЗІЯ.	РАЗУДОКЪ.	
Историческія науки.	Поэзія	Философія (Philosophia prima).	
Исторія человѣчества.	Естественная теологія.	Космологія.	Антропологія.
Исторія природы.		Ученіе о природѣ (физика).	индивидуальная соціальная.
Исторія церкви.		Теологія природы. Метафизика.	Политика.
Исторія Гражд. литерат. исторія.		Описание природы (конкретная физика).	
		Объясненіе природы (аб- страктная физика).	
		Физика, химія.	
		Физиологія, Практическая медицина.	Психологія
			Логика, Этика.

Изъ этой таблицы видна самая схема классификаціи Бэкона: тремъ способностямъ духа соотвѣтствуютъ три отдѣла духовной дѣятельности:

**) Вундтъ. „Введеніе въ философію“, стр. 37.

*) Куно Фишеръ. „Бэконъ Веруламскій“, стр. 163.

поэзія, исторія, наука съ философійей. Эти послѣднія дѣлятся, въ свою очередь. Философія дѣлится по тремъ объектамъ, изучаемымъ ею. Эти объекты, какъ представлялъ ихъ Бэконъ, исходя изъ міросозерцанія своего времени, таковы: Богъ, природа и человѣкъ. Отсюда три науки: теологія, космологія и антропологія. Въ космологіи Бэконъ отдѣлилъ двѣ дисциплины: спекулятивную (теоретическую) и оперативную (техническую). Антропологію онъ подраздѣлилъ на науку о человѣкѣ, какъ отдѣльномъ существѣ, и о человѣкѣ, какъ членѣ общества. Къ этимъ главнымъ дѣлениямъ примыкають многочисленныя дѣленія второстепенныя. Надъ тремя главными философскими спеціальностями возвышается въ системѣ Бэкона наука общая, мать всѣхъ остальныхъ, *philosophia prima*. Задача этой общей философіи, по Бэкону, состоитъ въ изслѣдованіи предпосылокъ (*axiomata*), общихъ многимъ отдѣльнымъ наукамъ. „Выдѣливъ эту первую философію,—говоритъ Кюльпе,—Бэконъ въ высшей степени удачно создалъ идею современной теоріи познанія, отличной отъ метафизики, съ которой она была соединена у Платона и Аристотеля“ *).

Бэконъ первый отдѣлилъ науки теоретическія отъ прикладныхъ. Науки, по его мнѣнію, всѣ вмѣстѣ образуютъ *globus intellectualis*, интеллектуальный міръ. Каждая изъ этихъ наукъ, прежде всего, имѣетъ свою теоретическую задачу. Только тогда, когда эта задача разрѣшена, можно приступить къ примѣненіямъ научныхъ познаній на практикѣ. Какъ извѣстно, Бэконъ приписывалъ весьма большое значеніе тѣмъ примѣненіямъ и той пользѣ, которую наука можетъ принести въ жизни. Именно въ виду этого онъ, съ одной стороны, отграничилъ понятіе Аристотеля о практическихъ наукахъ тѣмъ, что къ каждой практической или технической дисциплинѣ онъ присоединилъ теоретическую, какъ ея основу, а съ другой стороны, значительно расширилъ самое это понятіе, исходя изъ того принципа, что ко всякой теоретической дисциплинѣ можетъ быть присоединена и техническая. Другими словами, Бэконъ опредѣленно намѣтилъ границу между науками теоретическими и науками прикладными. Впрочемъ, „самъ онъ провелъ это отношеніе только для наукъ, собственно объясняющихъ, которыя онъ называлъ философскими науками. Такъ, теоретической физикѣ онъ противопоставлялъ физику техническую, теоретической химіи—химію техническую, анатоміи и физиологіи—практическую медицину, а теоретическому учению о человѣческомъ обществѣ—практическую политику“. „Эта мысль о полной связи теоретической науки съ подчиненной ей дисциплиной, служащей для примѣненія въ жизни пріобрѣтенной первой,—говоритъ Вундтъ,—есть одна изъ самыхъ плодотворныхъ идей въ системѣ Бэкона. Съ гениальной прозорливостью Бэконъ придавъ противоположенію теоретическаго практическому, установленному Аристотелемъ, новое содержаніе, которое и легло въ основу взаимныхъ отношеній между наукой и жизнью въ современной наукѣ. Но при такихъ условіяхъ задача классификаціи наукъ стала для Бэкона чисто теоретической, такъ какъ практическія дисциплины у него прямо опираются на соотвѣтствующія имъ теоретическія, а самыя основы дѣленія могутъ быть выведены только изъ теоретическихъ проблемъ“.

Но, сдѣлавъ шагъ впередъ по отношенію къ классификаціи наукъ, отдѣливъ науку отъ искусства и раздѣливъ науки на науки теоретическія и прикладныя, Бэконъ сдѣлалъ шагъ назадъ въ другомъ отношеніи: онъ раздѣлилъ нераздѣлимое, именно исторію и теорію данной категоріи явленій отъ описанія и изученія самыхъ явленій.

§ 37. Классификація наукъ Огюста Конта.

Послѣ Бэкона многіе философы и ученые дѣлали попытки создать свои особыя классификаціи наукъ на совершенно новыхъ принципахъ. Всѣхъ этихъ

*) Кюльпе. „Введеніе въ философію“, стр. 16.

попытокъ перечислять мы не будемъ и перейдемъ къ новѣйшимъ системамъ классификацій, прежде всего, къ знаменитой классификаціи французскаго позитивиста Огюста Конта *).

Сущность его классификаціи заключается въ слѣдующемъ:

Контъ желаетъ „дать рациональную классификацію основныхъ положительныхъ наукъ для того, чтобы послѣдовательно изучать ихъ съ опредѣленной точки зрѣнія“. Подъ словомъ „положительная наука“ Огюсть Контъ понимаетъ науки, выведенныя на основаніи точнаго изученія фактовъ.

Такимъ образомъ, метафизика и тѣмъ болѣе теологія, признаются Контъ чѣмъ-то совершенно постороннимъ наукъ, какъ основанныя на фантазій и умозрѣніи, тогда какъ истинная наука основана на наблюденіи (а также опытѣ) и разумѣ.

Согласіе съ фактами, — по мнѣнію Конта, — единственный критерій положительнаго знанія. Наука, — говоритъ Контъ, — должна выяснять законы явленій, а эти слова „законъ явленій“ не есть какое-то предписаніе свыше, не есть заранѣе установленная норма; законъ природы — это постоянство отношеній, существующее между наблюденными явлениями. Единственно, что познаніе наше можетъ установить, это тѣ отношенія, которыя существуютъ и подлежатъ изученію. Истинная положительная наука опирается на непреложность именно такихъ законовъ природы. Исходя изъ этихъ соображеній, Огюсть Контъ даетъ свою классификацію наукъ. Онъ, прежде всего, отвергаетъ всякія попытки классифицировать науки соотвѣтственно духовнымъ способностямъ человѣка. „Въ каждой изъ сферъ нашей дѣятельности, — говоритъ онъ, — разумъ пользуется одновременно всѣми главными своими способностями“. „Вопросы классификаціи, — говоритъ далѣе Контъ, — какъ и всякіе другіе научные вопросы, должны рѣшаться путемъ наблюденій, а не апіорныхъ соображеній“. Основной принципъ классификаціи „заключается въ томъ, что классификація должна основываться на изученіи самихъ классифицируемыхъ объектовъ и опредѣляться дѣйствительнымъ сходствомъ и естественною связью между ними, такъ что сама эта классификація должна быть выраженіемъ наиболѣе общаго факта, открытаго тщательнымъ сравненіемъ охватываемыхъ ею предметовъ“. И Контъ приступаетъ къ своей классификаціи наукъ „на основаніи взаимной зависимости, дѣйствительно существующей между ними“. Тутъ же онъ устанавливаетъ слѣдующій въ высшей степени важный принципъ: „эта зависимость наукъ можетъ быть реальною только тогда, когда она основывается на зависимости соотвѣтствующихъ явленій“. Съ одной стороны — единство того, что называется познающимъ духомъ, съ другой — единство природы, единство объектовъ научнаго изслѣдованія. Далѣе, по Конту, науки должны представлять изъ себя единый рядъ, а не нѣсколько рядовъ, какъ это мы видѣли въ классификаціи Платона, Аристотеля, Бэкона. Контъ желаетъ „расположить науки въ порядкѣ ихъ естественной связи, слѣдуя ихъ взаимной зависимости, такъ чтобы можно было послѣдовательно излагать ихъ, никогда не впадая въ заколдованный кругъ“. Стремясь выполнить разъ намѣченную задачу, Контъ ставитъ вопросъ: „о какихъ же, собственно, наукахъ можетъ идти въ данномъ случаѣ рѣчь?“ — Есть науки и науки. „Всякій человѣчскій трудъ, — говоритъ Контъ, — относится или къ области умозрѣнія или къ области практической дѣятельности. Такимъ образомъ, самое общее подраздѣленіе реальныхъ знаній состоитъ въ различеніи знаній теоретическихъ и практическихъ. Безъ сомнѣнія, разсматривая всю дѣятельность человѣчества, истин-

*) У Конта въ этомъ отношеніи былъ интересный предшественникъ, — д-ръ Нейль Арноттъ (1828 г.). О немъ см. „Logic“ Бэна. Основные принципы контовской классификаціи уже содержатся въ произведеніяхъ Н. Арнотта.

нымъ рациональнымъ основаніемъ воздѣйствія чловѣка на природу слѣдуетъ считать изслѣдованіе ея, такъ какъ только познаніе законовъ явленій, дающее возможность предвидѣть ихъ, можетъ доставить намъ средство измѣнять, къ нашей выгодѣ, одни явленія при помощи другихъ. Изъ знанія вытекаетъ предвидѣніе, изъ предвидѣнія — вліяніе (дѣйствіе). Такова простая формула, точно выражающая общее отношеніе между наукою и искусствомъ, если придать обоимъ этимъ выраженіямъ широкое значеніе. Не трудно понять, что подъ словомъ „искусство“ Контъ подразумѣваетъ здѣсь прикладныя знанія, технику. „Очевидно, — говоритъ онъ далѣе, — всѣ наши познанія о природѣ и совокупность пріемовъ, выводимыхъ изъ нихъ, съ цѣлью вліять на природу къ нашей выгодѣ, составляютъ двѣ существенно различныхъ системы, которыя слѣдуетъ разрабатывать и разсматривать отдѣльно. Кромѣ того, такъ какъ первая система лежитъ въ основѣ второй, то, очевидно, при методическомъ изслѣдованіи ее и слѣдуетъ ставить на первомъ планѣ, даже и въ томъ случаѣ, если имѣется въ виду охватить всю совокупность чловѣческихъ знаній, какъ практическихъ, такъ теоретическихъ. Безъ сомнѣнія, можно себѣ представить обширный курсъ, охватывающій сразу и теоретическое, и практическое обобщеніе. Но я думаю, что за такое предпріятіе, не говоря уже объ обширности его, нельзя браться при современномъ состояніи знаній. Въ самомъ дѣлѣ, для его выполненія необходимо продѣлать особую, чрезвычайно важную предварительную работу, именно — создать на почвѣ научныхъ теорій, въ собственномъ смыслѣ этого слова, теоріи спеціальныя, имѣющія цѣлью служить прямою основою общимъ пріемамъ практической дѣятельности“. „Каждое искусство зависитъ не только отъ одной соотвѣтствующей науки, а сразу отъ нѣсколькихъ; наиболѣе же важныя искусства пользуются помощью всѣхъ главныхъ наукъ. Такъ, правильная теорія земледѣлія требуетъ тѣснаго сочетанія физиологическихъ, физическихъ, химическихъ, даже астрономическихъ и математическихъ знаній; то же нужно сказать и объ изящныхъ искусствахъ. Отсюда ясно, что эти теоріи не могли еще сложиться, такъ какъ онѣ предполагаютъ предварительное развитіе всѣхъ основныхъ наукъ. Отсюда является также новый поводъ не включать идеи этого порядка въ систему наукъ положительной философіи, такъ какъ онѣ вовсе не могутъ способствовать систематическому построенію этой философіи. Наоборотъ, обширныя теоріи, относящіяся къ главнымъ искусствамъ, должны явиться позже, какъ одно изъ самыхъ важныхъ слѣдствій этой философіи“. (О. Контъ. „Курсъ позитивной философіи“. Лекція II).

Такимъ образомъ, Контъ устанавливаетъ слѣдующія двѣ категоріи наукъ:

- 1) Науки собственно.
- 2) Науки прикладныя или техническія искусства.

Далѣе, анализируя первую категорію, Контъ раздѣляетъ, въ свою очередь, и ее на двѣ новыхъ категоріи, а именно: науки теоретическія, абстрактныя и науки описательныя, или, по терминологіи Конта, науки конкретныя. Первыя стремятся формулировать постоянныя отношенія, которыя наблюдаются въ данной области фактовъ или явленій, т. е. законы природы. Вторыя ставятъ своею цѣлью изученіе и систематику самыхъ фактовъ. „Нужно различать два вида наукъ, — говоритъ Огюсть Контъ. Однѣ изъ нихъ — абстрактныя, общія имѣютъ цѣлью открывать законы, управляющіе различными классами явленій, путемъ разсмотрѣнія всѣхъ возможныхъ случаевъ ихъ; другія — частныя, описательныя состоятъ изъ примѣненія этихъ законовъ къ дѣйствительной исторіи различныхъ существъ. Итакъ, первыя — науки основныя; вторыя — какъ бы онѣ ни были важны, — стоятъ на второмъ планѣ. Это различіе можно легко замѣтить, сравнивая общую физиологію съ ботаникой и зоологіей. Въ самомъ дѣлѣ, ясно, что изученіе законовъ жизни

вообще и опредѣленія характера жизни каждаго живого существа въ отдѣльности—двѣ совершенно разныя науки. Кромѣ того, послѣдняя необходимо основана на первой. То же самое нужно сказать о химіи въ сравненіи съ минералогіей. Первая, очевидно, служить рациональною основою второй. Химія изслѣдуетъ всѣ возможныя сочетанія молекулъ во всѣхъ условіяхъ, какія только можно себѣ представить; минералогія же разсматриваетъ только тѣ комбинаціи, которыя дѣйствительно встрѣчаются въ составѣ земной коры подъ вліяніемъ свойственныхъ ей условій. Разница существующая между химическою и минералогическою точкою зрѣнія, хотя обѣ эти науки заняты одними и тѣми же объектами, яснѣе всего видна изъ того, что большая часть фактовъ, разсматриваемыхъ первой, создана лишь искусственнымъ путемъ, и такое тѣло, какъ хлоръ и калий, можетъ имѣть чрезвычайно важное значеніе въ химіи разнообразіемъ своихъ соединений и энергіею сродства, и не представлять почти никакого интереса для минералогіи; наоборотъ, сложныя тѣла, вродѣ гранита или кварцита, которыми, главнымъ образомъ, занята минералогія, чрезвычайно слабо интересуютъ химика... Логическая необходимость этого основнаго подраздѣленія философіи природы на два отдѣла яснѣе всего видна изъ того, что каждый отдѣлъ конкретной физики требуетъ не только предварительной разработки соотвѣтствующаго отдѣла абстрактной физики, но и знанія общихъ законовъ, относящихся ко всѣмъ порядкамъ явленій. Такъ, напримѣръ, специальное изслѣдованіе земли со всевозможныхъ точекъ зрѣнія требуетъ не только предварительнаго знанія физики и химіи, но и знакомства съ астрономіей и даже съ физиологіей; такимъ образомъ, эта наука зависитъ отъ всей системы основныхъ наукъ. То же самое нужно сказать и о каждой изъ естественныхъ наукъ, въ собственномъ смыслѣ этого слова. Извѣстные уже факты будутъ координированы, сложатся въ истинныя теоріи о различныхъ существахъ вселенной только тогда, когда упомянутое выше основное подраздѣленіе будетъ лучше понято и правильнѣе организовано, и когда, вслѣдствіе этого, ученые, специально занятые естественными науками, въ собственномъ смыслѣ этого слова, признаютъ необходимымъ основывать свои изслѣдованія на серьезномъ знакомствѣ со всѣми остальными науками; это условіе до сихъ поръ вовсе не выполняется надлежащимъ образомъ" (О. Контъ. Курсъ позитивной философіи, лекція II).

Контъ не включаетъ въ свой „Курсъ позитивной философіи“ ни описательныхъ, ни прикладныхъ наукъ, а занялся лишь науками абстрактными. Эти-то послѣднія и представляютъ собою систему позитивной философіи или, выражаясь словами самого Конта, „общую систему человѣческихъ понятій“. „Стараясь создать естественную и положительную классификацію основныхъ наукъ,—писалъ О. Контъ,—мы должны искать принципъ ея путемъ сравненія различныхъ порядковъ явленій, изученіемъ которыхъ онѣ занимаются. Мы должны опредѣлить реальную зависимость научныхъ изслѣдованій другъ отъ друга, которая можетъ вытекать только изъ зависимости соотвѣтствующихъ явленій. Разсматривая, съ этой точки зрѣнія, всѣ наблюдаемыя явленія, мы тотчасъ же увидимъ, что ихъ можно размѣстить въ небольшое количество естественныхъ категорій, расположенныхъ такъ, что рациональное изученіе каждой категоріи будетъ основано на знаніи главныхъ законовъ предыдущей категоріи и сдѣлается основаніемъ изученія слѣдующей. Этотъ порядокъ опредѣляется степенью простоты, или, что одно и то же, степенью общности явленій, результатомъ которой является ихъ послѣдовательная зависимость и, слѣдовательно, большая или меньшая легкость изученія. Въ самомъ дѣлѣ, а priori ясно, что наиболѣе простыя явленія, т. е. тѣ, которыя состоятъ изъ наименьшаго количества элементовъ, суть также и наиболѣе общія, такъ какъ то, что наблюдается въ наибольшемъ количествѣ случаевъ, въ силу этого уже наиболѣе свободно отъ

обстоятельствъ, присущихъ каждому отдѣльному случаю. Порядокъ общности или простоты, опредѣляя рациональную связь основныхъ наукъ посредствомъ послѣдовательной зависимости изслѣдуемыхъ ими явленій, опредѣляетъ и степень легкости изученія ихъ. Далѣе, самыя общія и самыя простыя явленія наиболѣе далеки отъ человѣка и, въ силу этого, могутъ изучаться болѣе рационально и болѣе спокойно; въ этомъ мы находимъ еще одну причину того, почему соотвѣтствующія науки развиваются быстрѣе“.

Отсюда Контъ и намѣчаетъ свой знаменитый планъ классификаціи наукъ. „При первомъ же взглядѣ на естественныя явленія,—говоритъ онъ,—мы дѣлимъ ихъ, соотвѣтственно только что установленному принципу, на два большихъ главныхъ класса. Къ первому относятся всѣ явленія неорганическихъ тѣлъ, ко второму—явленія тѣлъ органическихъ*). Въ самомъ дѣлѣ, очевидно, что эти послѣднія болѣе сложны и частны, чѣмъ первыя; они зависятъ отъ первыхъ, которыя вовсе не подчинены имъ“.

Далѣе Контъ переходитъ къ „главному подраздѣленію cadaго изъ этихъ двухъ большихъ отдѣловъ философіи природы, основывая его на этомъ же правилѣ. Сообразуясь постоянно съ порядкомъ общности и зависимости явленій, мы находимъ, прежде всего, что неограниченную физику **) нужно раздѣлить на двѣ науки, смотря по тому, разсматриваетъ ли она общія явленія всей вселенной, или спеціально явленія, относящіяся къ земнымъ тѣламъ. Отсюда является небесная физика, или астрономія, какъ геометрическая, такъ и механическая, и земная физика. Это подраздѣленіе вполнѣ напоминаетъ предыдущее. Такъ какъ явленія астрономическія принадлежатъ къ числу самыхъ общихъ, самыхъ простыхъ и самыхъ абстрактныхъ, то, очевидно, философія природы должна начинаться именно съ изученія ихъ, такъ какъ законы, которымъ они подчинены, вліяютъ на законы всѣхъ остальныхъ явленій, а тѣ, въ свою очередь, по существу не зависятъ отъ нихъ. Во всѣхъ явленіяхъ земной физики мы наблюдаемъ, прежде всего, общіе результаты всемірнаго тяготѣнія и, кромѣ того, нѣкоторые спеціально свойственные имъ элементы, видоизмѣняющіе вліяніе перваго фактора. Отсюда слѣдуетъ, что анализируя какое-либо, даже самое простое явленіе земной физики, не только химическое, но даже чисто механическое, мы всегда найдемъ, что оно сложнѣе самаго сложнаго астрономическаго явленія. Земная физика, въ свою очередь, подраздѣляется, на основаніи того же принципа, на двѣ совершенно особыя науки, смотря по тому, разсматриваетъ ли она тѣла съ механической или съ химической точки зрѣнія. Отсюда является физика, въ собственномъ смыслѣ этого слова, и химія. Методическое изученіе послѣдней требуетъ, очевидно, предварительнаго знакомства съ первою, такъ какъ всѣ химическія явленія сложнѣе физическихъ и зависятъ отъ нихъ, не вліяя на нихъ“. Идя такимъ же путемъ и дальше, Контъ устанавливаетъ аналогичное подраздѣленіе и для науки о тѣлахъ органическихъ. Всѣ живыя существа обнаруживаютъ собою два существенно различныхъ порядка явленій: явленія, относящіяся къ индивидууму, и явленія, относящіяся къ роду, въ особенности, если онъ способенъ къ общественной жизни. Это подраздѣленіе имѣетъ основное значеніе, особенно въ отношеніи къ человеку. Очевидно, послѣдній порядокъ имѣетъ болѣе сложный и болѣе частный характеръ, чѣмъ первый. Онъ зависитъ отъ нихъ, не вліяя на нихъ. Поэтому существуетъ два большихъ отдѣла органической физики ***): физиологія, въ собственномъ смыслѣ этого слова, и социальная физика, основанная на физиологии. Во всѣхъ социальныхъ явленіяхъ замѣтно, прежде всего, вліяніе физиологическихъ законовъ жизни индивидуума и, кро-

*) Какъ извѣстно, такое дѣленіе въ научномъ отношеніи устарѣло.

**) Т. е. науку или совокупность наукъ о неорганической природѣ вообще.

***) Т. е. наука объ органической природѣ.

мѣ того, еще нѣчто, измѣняющее ихъ дѣйствіе и зависящее отъ вліянія индивидуумовъ другъ на друга, которое особенно осложняется въ жизни человѣчества вліяніемъ каждаго предыдущаго поколѣнія на слѣдующее. Итакъ, очевидно, для надлежащаго изученія социальныхъ явленій, слѣдуетъ исходить изъ глубокаго знанія законовъ индивидуальной жизни. Такимъ образомъ, положительная философія оказывается раздѣленной на пять основныхъ наукъ, послѣдовательность которыхъ опредѣляется необходимымъ и неизбежнымъ подчиненіемъ ихъ другъ другу, основаннымъ, независимо отъ всякихъ гипотезъ, на простомъ внимательномъ сравненіи соответственныхъ явленій. Эти науки, какъ видно изъ предыдущаго, суть: астрономія, физика, химія, физиологія (біологія) и, наконецъ, социальная физика (соціологія). Первыя разсматриваютъ самыя общія, самыя простыя, самыя абстрактныя и наиболѣе далекія отъ человѣческихъ интересовъ явленія; онѣ вліяютъ на всѣ остальные, не подвергаясь ихъ вліянію. Явленія, разсматриваемыя послѣднею наукою, наоборотъ, имѣютъ самый частный, самый сложный, самый конкретный и наиболѣе прямо интересующій человѣка характеръ; онъ зависитъ болѣе или менѣе отъ всѣхъ предшествующихъ явленій, не производя на нихъ никакого вліянія. Степень сложности, частности и значенія для человѣчества явленій, расположенныхъ между двумя этими крайностями, постепенно возрастаетъ вмѣстѣ съ послѣдовательною зависимою ихъ. Къ пяти вышеприведеннымъ основнымъ наукамъ Контъ присоединяетъ еще и шестую, именно математику. Чтобы опредѣлить мѣсто этой послѣдней въ своей схемѣ наукъ, онъ раздѣляетъ математику на двѣ обширныя науки, существенно различныя по характеру: абстрактную механику или исчисленіе, въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова, и конкретную математику, которая состоитъ изъ общей геометріи и рациональной механики. „Конкретная часть ея,—говоритъ Контъ,—конечно, основана на абстрактной и дѣлается, въ свою очередь, прямымъ основаніемъ всей философіи природы, если разсматривать, по возможности, всѣ явленія природы, какъ геометрическія или механическія. Только абстрактная часть спеціально играетъ роль орудія при изслѣдованіи, представляя изъ себя ничто иное, какъ замѣчательно обширное распространеніе естественной логики на опредѣленный отдѣлъ дедукцій. Наоборотъ, геометрію и механику слѣдуетъ считать настоящими естественными науками, основанными, какъ и всѣ остальные, на наблюденіи, хотя, вслѣдствіе крайней сложности изучаемыхъ ими явленій, онѣ допускаютъ чрезвычайную высокую степень систематичности, которая можетъ, пожалуй, скрыть иногда экспериментальный характеръ основныхъ принциповъ ихъ. Но эти двѣ физическія науки отличаются тою особенностью, что, при современномъ состояніи человѣческаго ума, онѣ все болѣе примѣняются, какъ методъ изслѣдованія, а не какъ наука“. Исходя изъ этихъ соображеній, Контъ помѣщаетъ математику во главѣ своей системы наукъ, продолжая, такимъ способомъ, „примѣнять свой принципъ классификаціи, основанный на послѣдовательной зависимости наукъ, соответствующей степени абстрактности изучаемыхъ ими явленій. Въ самомъ дѣлѣ, геометрическія или механическія явленія—самыя общія, самыя абстрактныя и самыя простыя изъ всѣхъ явленій; они наименѣе доступны анализу, наиболѣе независимы отъ всѣхъ остальныхъ явленій и служатъ для нихъ основою. Такимъ образомъ, математика должна быть настоящею исходною точкою всякаго рациональнаго, научнаго образованія, какъ общаго, такъ и спеціальнаго“.

Такимъ образомъ, по Контю, мы имѣемъ, прежде всего, нижеслѣдующую классификацію наукъ:

- 1) Науки абстрактныя, общія.
- 2) Науки конкретныя, описательныя, частныя.
- 3) Науки прикладныя, т. е. техническія искусства.

Эти три категоріи наукъ представляютъ собою раздѣленіе ихъ, такъ

сказать, въ горизонтальномъ порядкѣ. За этимъ горизонтальнымъ дѣленіемъ слѣдуетъ дѣленіе ихъ въ порядкѣ вертикальномъ. По Конту, общія абстрактныя науки суть слѣдующія:

- 1) Математика (исчисленіе, геометрія, механика).
- 2) Астрономія.
- 3) Физика.
- 4) Химія.
- 5) Біологія.
- 6) Соціологія (соціальная физика).

Да проститъ намъ читатель за эти длинныя цитаты изъ знаменитаго сочиненія Конта, которыя мы дѣлаемъ, исходя изъ соображеній о томъ громадномъ значеніи, какое имѣетъ классификація наукъ Конта для предмета нашей работы. Шестъ наукъ, входящихъ въ Контовскую систему, выражаютъ собою, какъ видно изъ предыдущаго, не только опредѣленные отдѣлы научнаго знанія; схема Конта даетъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, и опредѣленную классификацію явленій природы. Контовская классификація наукъ и явленій природы представляетъ изъ себя единое цѣлое. И явленія природы, и науки распределяются въ одинъ рядъ, на основаніи опредѣленнаго, научно-установленнаго принципа. Изученіе того, что есть, не смѣшивается съ чаяніями и стремленіями къ тому, что должно быть. Науки не смѣшиваются съ искусствами, описанія явленій съ ихъ объясненіями, примѣненіе знаній съ самыми знаніями, причемъ конкретнымъ (описательнымъ) и прикладнымъ наукамъ указывается въ системѣ опредѣленное мѣсто. Всѣ эти особенности Контовской классификаціи наукъ естественно выдѣляютъ ее изъ всѣхъ другихъ, и выдѣляютъ тѣмъ болѣе, что положительныя свойства классификаціи Платона, Аристотеля и Бэкона отнюдь не исключаются, а скорѣе даже подразумеваются классификаціей Конта. По всему этому уже видно, какія громадныя преимущества представляетъ эта послѣдняя и какія положительныя стороны она имѣетъ. Посмотримъ теперь на ея отрицательныя стороны и попробуемъ разобратъ въ тѣхъ возраженіяхъ, которыя дѣлались и дѣлаются противъ этой системы и затемняютъ ея смыслъ и даже искажаютъ основныя положенія ея творца.

§ 38. Возраженія Гексли на классификацію наукъ О. Конта.

Какъ это ни странно, но одно изъ главныхъ возраженій принадлежитъ никому иному, какъ знаменитому поборнику точной науки, извѣстному ученому и популяризатору естествознанія—Томасу Гексли. По мнѣнію этого послѣдняго, классификація наукъ О. Конта противорѣчитъ сама себѣ и фактамъ. Контъ различаетъ, какъ уже было сказано, науки абстрактныя, отвлеченныя, отъ конкретныхъ, описательныхъ наукъ. Предметъ первыхъ заключается въ „раскрытіи законовъ, управляющихъ цѣлыми классами явленій, принимая въ соображеніе всѣ относящіяся къ этимъ классамъ случаи“. Предметъ вторыхъ— „примѣненіе этихъ законовъ къ дѣйствительной исторіи развитія существъ“. „Это весьма ясно можно видѣть,—цитируетъ Гексли Конта,—если сравнить общую біологію съ зоологіей и ботаникой, въ собственномъ смыслѣ. Въ самомъ дѣлѣ, изслѣдовать законы жизни вообще и опредѣлить способъ развитія каждаго живого тѣла, въ частности—двѣ совершенно различныя вещи; эта вторая задача необходимо основана на первой“. Гексли горячо возражаетъ противъ этой послѣдней мысли О. Конта. „Мы,—говоритъ Гексли,—не можемъ имѣть объ общихъ законахъ жизни другого знанія, кромѣ того, которое основано на спеціальному изученіи живыхъ существъ“. Разъясненіе этого недоразумѣнія, основаннаго на неправильномъ пониманіи словъ Конта, мы находимъ въ сочиненіяхъ Н. К. Михайловскаго. „Дѣло въ томъ,—говоритъ Н. К. Михайловскій,—что Гексли смѣшиваетъ логическій порядокъ съ эмпирическимъ и эмпирическіе законы съ рациональными. Эмпирическимъ закономъ, на-

зывается такой, который завѣдомо истиненъ относительно нѣкоторыхъ случаевъ, но не можетъ быть правомѣрно распространенъ на случаи сосѣдніе, ибо мы не знаемъ, какими причинами этотъ законъ обусловливается... Пока относительно извѣстной группы явленій мы имѣемъ въ своемъ распоряженіи только эмпирическіе законы, наука этихъ явленій не существуетъ, хотя опытовъ и наблюдений можетъ быть накоплено уже достаточно. Аристотель могъ, конечно, изучать и наблюдать минералы, могъ открыть даже нѣкоторые группы эмпирическіе законы въ этой области, но минералогія, какъ наука, можетъ получить значеніе не иначе, какъ по установленіи законовъ математики, физики и химіи, то-есть тѣхъ абстрактныхъ наукъ, которыя разсматриваютъ извѣстную группу свойствъ тѣлъ въ примѣненіи ко всевозможнымъ случаямъ. Точно также и конкретная біологія, состоящая изъ зоологіи, ботаники и палеонтологіи, существовала раньше біологіи абстрактной, но существовала только въ эмпирическомъ видѣ, то-есть какъ сборникъ матеріаловъ, и не существовала, какъ наука. Гексли дѣлаетъ большую ошибку, предлагая Конту дать его оцѣнкѣ взаимныхъ отношеній между абстрактною и конкретною біологіею обратный видъ. Контъ никогда и не думалъ отрицать, что мы не можемъ имѣть объ общихъ законахъ жизни „другого знанія, кромѣ того, которое основано на спеціальному изученіи живыхъ существъ“. Контъ прямо и неоднократно указываетъ—и это вытекаетъ изъ основныхъ положеній его философіи,—что конкретныя науки начали развиваться раньше абстрактныхъ, но онѣ принимаютъ дѣйствительно научный характеръ, то-есть вырываются изъ фазиса отрывочныхъ наблюдений и эмпирическихъ законовъ неизбежно лишь послѣ абстрактныхъ. Каждая отвлеченная наука занимается только извѣстною группою свойствъ тѣлъ, то-есть предметовъ конкретныхъ наукъ. Физика занимается физическими свойствами тѣлъ органическихъ и неорганическихъ, химія—химическими, біологія изслѣдуетъ только законы жизни, и въ этомъ смыслѣ абстрактныя науки обнимаютъ собою не воображаемые, а всевозможные случаи примѣненія своихъ законовъ. „Эмпирическіе законы съ теченіемъ времени разлагаются на законы раціональные, и въ этомъ именно обстоятельстве лежитъ полное логическое и историческое оправданіе, какъ Контова раздѣленія наукъ на абстрактныя и конкретныя, такъ и его классификаціи абстрактныхъ наукъ“. „Классифицировать какіе-бы то ни было предметы, а слѣдовательно, и науки, можно въ виду очень разнообразныхъ цѣлей и на основаніи очень разнообразныхъ принциповъ. Всякая классификація въ извѣстной мѣрѣ искусственна, и достоинства и значеніе ея должны быть измѣряемы, во-первыхъ, важностью предположенныхъ цѣлей, а, во-вторыхъ—тѣмъ, насколько классификація достигаетъ этихъ цѣлей“. Одною изъ цѣлей Конта была слѣдующая: расположить доступныя человѣку явленія въ порядкѣ ихъ возрастающей сложности и убывающей общности, и эту цѣль, какъ справедливо говоритъ Н. К. Михайловскій,—классификація наукъ О. Конта достигаетъ вполне (собраніе соч. Н. К. Михайловскаго, т. IV, стр. 115, 123).

§ 39. Возраженія Г. Спенсера.

Гораздо болѣе существенное возраженіе О. Контъ на его классификацію сдѣлано Г. Спенсеромъ въ его брошюрѣ „О классификаціи наукъ“. „Вѣрная классификація,—говоритъ Г. Спенсеръ,—заключаетъ въ одинъ классъ такіе предметы, которые имѣютъ между собою больше общихъ характеристическихъ отличій, нежели который-либо изъ нихъ имѣетъ съ предметами, не включенными въ этотъ классъ. Кромѣ того, характеристическія отличія, общія всѣмъ соединеннымъ въ одинъ классъ предметамъ и не принадлежащія другимъ предметамъ, должны быть болѣе существенны, нежели какія-либо отличія, общія предметамъ, внесеннымъ въ классъ, съ остальными, т. е. должны включатьъ въ себѣ болѣе многочисленныя отличія, зависящія отъ первыхъ. Это двѣ стороны

одного и того же опредѣленія, потому что вещи, имѣющія наибольшее число общихъ свойствъ, имѣютъ общими и тѣ существенныя свойства, отъ которыхъ зависитъ остальное; и, обратно,—общность существенныхъ свойствъ влечетъ за собой и общность наибольшаго количества свойствъ вообще. Поэтому здѣсь можно безразлично руководствоваться тѣмъ или другимъ началомъ, смотря по тому, что оказывается удобнѣе. Итакъ, если науки допускаютъ вообще какую-нибудь классификацію, то она должна состоять только въ группировкѣ сходнаго и раздѣленіи несходнаго, по предыдущему опредѣленію". (Классификація наукъ, пер. Н. Тиблена, стран. 2). Установивъ это общее положеніе, Спенсеръ затѣмъ дѣлаетъ Конту упрекъ двоякаго рода: во-первыхъ, по его мнѣнію, Контъ смѣшиваетъ понятіе, выражаемое словомъ „всеобщій“, съ понятіемъ, выражаемымъ словомъ „абстрактный“, тогда какъ оба эти слова отнюдь не синонимы и имѣютъ совершенно различныя значенія. Подъ абстрактностью понимается отвлеченіе отъ частныхъ случаевъ; подъ общностью понимается проявленіе въ значительномъ числѣ случаевъ. Въ одномъ случаѣ существенныя свойства извѣстнаго явленія разсматриваются отдѣльно отъ явленій, которыя скрываютъ ихъ. Въ другомъ же случаѣ разсматривается степень повторяемости явленія вмѣстѣ съ различными скрывающимися явленіями или безъ нихъ. Абстрактная истина рѣдко воспринимается, какъ осуществленная въ какомъ-либо изъ случаевъ, относительно которыхъ она утверждается. Общая же истина можетъ быть воспринята, какъ осуществленная во всѣхъ случаяхъ, относительно которыхъ она утверждается. Спенсеръ приводитъ нѣсколько примѣровъ, которые поясняютъ это различіе. „Что вписанный уголь и измѣряемый полуокружностью есть прямой уголь—это абстрактная истина, въ томъ смыслѣ, что, хотя она неприложима къ дѣйствительно построеннымъ полуокружностямъ и угламъ, которые всегда невѣрны, однако вполне приложима къ идеальнымъ полуокружностямъ и угламъ, отвлеченнымъ отъ дѣйствительныхъ; но это не есть общая истина, ни въ томъ смыслѣ, что она обыкновенно проявляется въ природѣ, ни въ томъ смыслѣ, что представляетъ собою пространственное отношеніе, обнимающее нѣсколько второстепенныхъ пространственныхъ отношеній; это совершенно частное пространственное отношеніе“. („Классификація наукъ“, стран. 5 и 6). Это возраженіе Спенсера, какъ видно изъ предыдущаго, основывается на опредѣленіи словъ „конкретный“ и „абстрактный“, и въ свою очередь возбудило противъ себя цѣлый рядъ возраженій. „Общее,—говоритъ Лаландь,—можетъ быть только абстрактнымъ, отвлеченнымъ, и во всѣхъ наукахъ только одни приложенія могутъ быть названы конкретными вещами“ (стр. 34). „Абстрактнымъ или отвлеченнымъ называется понятіе о вещи (слову „вещь“ дается здѣсь самое общее значеніе), „которую умъ нашъ разсматриваетъ и изолируетъ независимо отъ той группы вещей, часть которой эта вещь составляетъ, хотя выдѣленіе ея изъ состава всей группы невозможно не только въ дѣйствительности, но и въ воображеніи“ *). „Отвлеченное понятіе не всегда обще, такъ какъ бываютъ случаи, когда оно относится къ единичному предмету. Напротивъ того, всякое общее понятіе непременно отвлеченно, уже въ силу того, что оно въ одинаковой степени должно быть приложимо къ цѣлой группѣ отдѣльныхъ вещей. Въ самомъ дѣлѣ, понятіе не могло бы быть конкретнымъ, не относясь къ какому-либо реальному предмету, и тогда оно тотчасъ бы сдѣлалось частнымъ“ **).

Спенсеръ дѣлаетъ Конту еще одно возраженіе. Оно относится къ слѣ-

*) „Вотъ еще опредѣленіе абстрактнаго понятія: если изъ цѣлой совокупности признаковъ нѣкотораго понятія выдѣляется какой-нибудь одинъ и разсматривается независимо отъ всѣхъ остальныхъ, какъ особый и самостоятельный предметъ новаго понятія, то это послѣднее называется абстрактнымъ или отвлеченнымъ“. (Лаландь, стр. 9).

**) Лаландь. „Этюды по философіи наукъ“. Русск. пер., стр. 9.

дующему. Контъ своею классификаціею, кромѣ вышеизложенныхъ цѣлей, преслѣдовалъ еще другую цѣль: онъ старался представить своей классификаціею послѣдовательность не только логическаго, но и историческаго порядка, въ которомъ различныя отрасли знанія опираются другъ на друга, и, наконецъ, представить іерархію наукъ, цѣлесообразную въ педагогическомъ отношеніи. По мысли Конта, его классификація соотвѣтствуетъ дѣйствительному порядку развитія философіи природы, и это подтверждается всѣми нашими свѣдѣніями по исторіи наукъ, въ особенности за послѣдніе два вѣка. „Очевидно,—говоритъ Контъ,—что рациональное развитіе каждой основной науки требуетъ предварительной разработки всѣхъ наукъ, предшествующихъ ей въ нашей классификаціи, и потому каждая наука могла дѣйствительно подвинуться впередъ и принять свой настоящій характеръ только послѣ развитія предыдущихъ наукъ, занимающихся болѣе общими, болѣе абстрактными, менѣе сложными и менѣе зависимыми отъ другихъ явленій. Итакъ, развитіе наукъ должно было совершаться въ этомъ порядкѣ, хотя и одновременно“.

(О. Контъ. Курсъ позитивной философіи, лекція II). Г. Спенсеръ въ своемъ возраженіи О. Конту старается доказать, что „науки вовсе не слѣдуютъ одна за другою, какъ логически, такъ и исторически, въ порядкѣ ихъ убывающей общности; что болѣе общія или абстрактныя науки дѣлали успѣхи только вслѣдствіе побужденія наукъ болѣе спеціальныхъ и конкретныхъ; что болѣе общая наука обязана своимъ прогрессомъ постановкѣ новыхъ задачъ наукою болѣе спеціальною, въ той же мѣрѣ, какъ и болѣе спеціальная наука обязана своимъ прогрессомъ рѣшеніямъ, къ достиженію которыхъ была приведена, такимъ образомъ, болѣе общая наука; что, слѣдовательно, поступательное движеніе науки шло сколько отъ частнаго къ общему, столько и отъ общаго къ частному“.

„Науки суть какъ бы вѣтви общаго ствола, и первоначально онѣ разрабатывались одновременно“.

„Науки имѣютъ одинъ общій корень“.

Вообще „наука имѣетъ общій корень съ языкомъ, классификаціею, умозаключеніемъ и искусствомъ. Въ продолженіе всей цивилизаціи онѣ подвигались впередъ вмѣстѣ, дѣйствуя и воздѣйствуя другъ на друга, точно также какъ это имѣетъ мѣсто между отдѣльными науками, и, такимъ образомъ, развитіе ума во всѣхъ его дѣленіяхъ и подраздѣленіяхъ сообразовалось съ тѣмъ самымъ закономъ, съ какимъ сообразовалось и развитіе наукъ“.

А изъ этого Спенсеръ дѣлаетъ слѣдующій выводъ: „науки не съ большимъ удобствомъ могутъ быть распредѣлены въ послѣдовательный рядъ, нежели языкъ, классификація, умозаключеніе, искусство или одна какая-нибудь наука; что хотя рядъ и можетъ быть удобенъ для книгъ и каталоговъ, но его нужно признавать только какъ удобство, и что, наконецъ, установленіе іерархіи далеко не есть обязанность философіи наукъ; напротивъ, — ея долгъ состоитъ въ томъ, чтобы показать, что ни одно изъ линейныхъ распредѣленій, какія необходимы для ученыхъ цѣлей, не имѣютъ никакого основанія ни въ природѣ, ни въ исторіи“.

Изъ этихъ словъ Г. Спенсера видно, что все его возраженіе Конту, въ данномъ случаѣ, основывается на той же ошибкѣ, которую сдѣлалъ въ своемъ возраженіи и Т. Гексли. Какъ и этотъ послѣдній, Спенсеръ смѣшиваетъ двѣ разныя вещи: состояніе научныхъ знаній э м п и р и ч е с к о е и состояніе научныхъ знаній строго н а у ч н о е. „Контъ никогда и не думалъ утверждать,—говоритъ Н. К. Михайловскій,—чтобы его линейная филиація наукъ изображала практическое развитіе всѣхъ нашихъ знаній, какова бы ни была ихъ относительная цѣнность. Контъ, напротивъ, неоднократно говоритъ, что всѣ отрасли нашего знанія должны были зародиться, если не одновременно, то, во всякомъ случаѣ, не въ томъ строго-логическомъ порядкѣ, на какомъ по-

*) Собраніе сочиненій Г. Спенсера. Изд. подъ ред. Н. Рубакина. Опыты, т. II, „Генезисъ науки“, стр. 41—42.

строена его классификація наукъ. Эмпирической порядокъ развитія знанія представляетъ собственно полнѣйшій беспорядокъ, въ которомъ, повидимому, нѣтъ никакой возможности ориентироваться. Великая заслуга Конта, безспорно свидѣтельствующая о необыкновенной философской силѣ его ума, состоитъ въ томъ, что онъ сумѣлъ уловить въ этой пестрой и сложной сѣти явленій руководящую нить. Не претендуя на формулировку знаній вообще, которыя никакой формулировкѣ не поддаются, Контъ указалъ ту зависимость, въ которой находятся другъ отъ друга науки абстрактныя, не какъ сборники матеріаловъ, отрывочныхъ наблюдений, эмпирическихъ законовъ, т. е. законовъ грубыхъ, подлежащихъ разложенію на болѣе простые элементы, законовъ справедливыхъ только въ извѣстныхъ узкихъ предѣлахъ,—а какъ науки. Біологія, какъ собраніе безсвязныхъ наблюдений и опытовъ, грубыхъ обобщеній, практическихъ медицинскихъ правилъ, эмпирическихъ законовъ, не только могла, но и должна была существовать раньше низшихъ наукъ, но, какъ наука, она опирается на нихъ и слѣдуетъ за ними и логически, и педагогически, и исторически. Отцомъ социологіи Контъ считаетъ еще Аристотеля, но, какъ наука, социологія не существуетъ и по сіе время, и появится она только тогда, когда люди, изучающіе общественную жизнь и ея законы, ополчутся на законы біологіи. Въ этомъ именно указаніи на совпаденіе логическаго порядка развитія наукъ съ порядкомъ историческимъ и состоитъ главное достоинство Контовой классификаціи. Людямъ практическимъ, людямъ, поставленнымъ въ необходимость дѣйствовать или обсуждать чужія дѣйствія, некогда дожидаться строго научной постановки общественныхъ вопросовъ. Они руководствуются запасомъ своего пракческаго опыта, личнаго и историческаго, и поневолѣ стоятъ на точкѣ эмпирической. Но наука общественная все-таки невозможна безъ существенной помощи біологіи“ *).

§ 40. Классификація наукъ О. Конта и каталогъ общеобразовательной бібліотеки.

Въ этомъ-то смыслѣ одинъ изъ близкихъ учениковъ и послѣдователей Конта, Литтре, и говоритъ: „безъ математики невозможны ни астрономія, ни физика; химія безсильна безъ помощи физики; безъ химіи непонятенъ важнѣйшій жизненный фактъ—питаніе, а исторія, социологія, невозможны безъ поддержки законовъ біологическихъ“ **).

Слѣдующія возраженія противъ классификаціи наукъ О. Конта, какъ и предыдущія, основываются или на неточномъ разграниченіи понятій, или просто даже на недоразумѣніяхъ. Такъ, на примѣръ, нѣкоторые противники Конта указываютъ, что послѣдовательность размѣщенія отдѣльныхъ наукъ въ его системѣ неправильна; астрономія есть наука конкретная, для знакомства съ которой необходимы познанія физическія и химическія,—познанія болѣе общаго свойства, чѣмъ астрономическія; а если это такъ, то астрономія должна занимать въ системѣ не второе, а четвертое мѣсто. Это возраженіе основывается на недостаточно полномъ пониманіи словъ Конта, который ограничивалъ предметъ астрономіи изученіемъ взаимодействующихъ движеній космическихъ тѣлъ нашей солнечной системы, а эти движенія опредѣляются только законами математическими, съ привнесеніемъ одного общаго факта—всемирнаго тяготѣнія; особыя физическія свойства и законы явленій здѣсь не принимаются въ расчетъ и не предполагаются. Правда, въ систему Конта не входилъ тотъ отдѣлъ астрономіи, который называется астрофизикой, но эта наука есть наука конкретная, а потому, по теоріи Конта, она и не должна была входить въ систему. Но именно для этой-то науки и необходимо знаніе физики и химіи.

Изъ предыдущаго обзора классификаціи наукъ О. Конта вытекаютъ слѣдующіе основные принципы классификаціи наукъ вообще:

*) Сочиненія Н. К. Михайловскаго, т. IV, стр. 123—127.

***) Parole de la philosophie positive.

1) Въ основу классификаціи наукъ должна быть положена классификація явленій.

2) Эти явленія, а значить, и науки, классифицируются по степенямъ восходящей сложности и нисходящей общности.

3) Послѣдовательность ихъ такова:

- а) явленія космическія,
- б) явленія неорганическія,
- в) явленія органическія (біологическія),
- г) явленія соціальныя.

4) Каждая эта группа явленій служитъ объектомъ изученія одной или нѣсколькихъ наукъ, которыя распредѣляются, по Конту, на шесть главныхъ или основныхъ группъ ихъ. Эти группы таковы: а) математика, б) астрономія, в) физика, г) химія, д) біологія, е) соціологія.

5) Каждая изъ этихъ основныхъ теоретическихъ наукъ предполагаетъ существованіе опредѣленной группы наукъ, во-первыхъ—описательныхъ, конкретныхъ, во-вторыхъ—наукъ прикладныхъ (техническихъ искусствъ).

6) Никакая основная абстрактная наука не можетъ существовать безъ наукъ описательныхъ, которыя занимаются изученіемъ фактовъ, тогда какъ отвлеченныя науки занимаются изученіемъ свойствъ этихъ фактовъ и стараются формулировать законы явленій, какъ конечныя обобщенія опредѣленной группы фактовъ, имѣющія свои рациональныя основанія въ законахъ еще болѣе общаго свойства. Никакая конкретная наука, въ свою очередь, не можетъ еще считаться наукою, если она опирается, въ конечномъ итогѣ, на науку абстрактную и не вступаетъ, такимъ образомъ, въ неразрывное единеніе съ общей схемой наукъ, выражающихъ своею совокупностью общую картину мірозданія.

7) Наконецъ, науки прикладныя, или, точнѣ говоря, техническія искусства, опираются, въ свою очередь, или, по крайней мѣрѣ, стремятся опереться на науки конкретныя и абстрактныя, т. е. на знаніе фактовъ и теорій этихъ фактовъ, по принципу „знаніе ведетъ къ предвидѣнію, а предвидѣніе ведетъ къ вліянію, т. е. къ дѣйствию“.

Такимъ образомъ, общая схема развертываетъ передъ нами слѣдующую общую картину: съ одной стороны—природа въ ея цѣломъ, природа, понимаемая въ широкомъ смыслѣ слова, какъ объектъ человѣческаго изученія, стремящагося познать то, что есть; съ другой—самъ человѣкъ, какъ субъектъ этого изученія, имѣющій свои опредѣленные (и даже неопредѣленные) стремленія, ставящій свои цѣли и стремящійся достигнуть ихъ, опираясь на прикладныя, конкретныя и абстрактныя знанія.

Эта общая схема и кладется нами въ основу нашего каталога. Въ самыхъ общихъ чертахъ планъ научнаго отдѣла правильно организованной общеобразовательной бібліотеки на основаніи всего вышеизложеннаго пріобрѣтаетъ нижеслѣдующій видъ:

Я В Л Е Н І Я .	Н	А	У	К	И .
	Абстрактныя.	Описательныя (конкретныя).			Прикладныя.
Космосъ.	{ Математика.		—		—
	{ Астрономія.		—		—
Неорганическая природа.	{ Физика.		—		—
	{ Химія.		—		—
Органическая природа.	{ Біологія.		—		—
Общество.	Соціологія.		—		—

Присматриваясь къ этой схемѣ каталога, мы видимъ, что она нѣсколько отличается отъ схемы наукъ О. Конта. Въ эту послѣднюю науки описатель-

ныя, прикладныя вовсе не входятъ. Въ правильно организованной общеобразовательной библиотекѣ не можетъ не быть книгъ по наукамъ описательнымъ и прикладнымъ. Онѣ—необходимая составная часть такой библиотекы; въ особенности это можно сказать о наукахъ описательныхъ, которыя необходимо должны занимать въ общеобразовательной библиотекѣ одно изъ центральныхъ мѣстъ, подобно тому, какъ изученіе формъ жизни, изученіе тѣлъ природы и вообще опредѣленныхъ, конкретныхъ фактовъ не можетъ не занимать одного изъ центральныхъ мѣстъ въ выработкѣ общаго научнаго міросозерцанія. Безъ одного не мыслимо другое. Безъ изученія наукъ конкретныхъ немислимо возвыситься до пониманія абстрактныхъ постоянныхъ отношеній, т.-е. до общаго пониманія вселенной. Поэтому вторая графа вышеприведенной таблицы должна быть опредѣленнымъ образомъ заполнена въ каталожной схемѣ наукъ. Нѣсколько иное положеніе занимаютъ въ библиотечномъ каталогѣ, по чисто практическимъ соображеніямъ, науки прикладныя. Занимая опредѣленное и необходимое мѣсто въ общей системѣ каталога, эти науки гораздо труднѣе поддаются каталогизации, и списки книгъ по прикладнымъ знаніямъ, при настоящемъ развитіи технической литературы, должны обновляться относительно очень часто, т.-е. лишь въ очень рѣдкихъ случаяхъ могутъ быть указаны разъ навсегда. Книга по электротехникѣ, вышедшая въ 1900 году является уже устарѣлой въ 1905 году; то же наблюдается по отношенію къ книгамъ по медицинѣ, технологіи и т. д. Въ результатѣ оказывается, что составленіе списковъ книгъ по прикладнымъ знаніямъ представляетъ чрезвычайно большія и даже болѣе или менѣе непреодолимыя трудности. Поэтому мы исключаемъ изъ нашей работы отдѣлъ по прикладнымъ знаніямъ, какъ таковой, предоставляя составленіе его по каждой отрасли въ отдѣльности гг. специалистамъ, слѣдящимъ за новѣйшими успѣхами техники и другихъ прикладныхъ знаній, и вводимъ въ нашъ каталогъ лишь очень немногія книги данной категоріи, относя ихъ къ особымъ дополненіямъ.

§ 41. Позднѣйшія дополненія и поправки къ системѣ О. Конта.

Далѣе, присматриваясь къ той же таблицѣ, нельзя не замѣтить, что система наукъ О. Конта является далеко не полной: въ ней отсутствуютъ такія науки, которыя не могутъ быть отнесены ни къ одной изъ намѣченныхъ имъ рубрикъ. Куда, напримѣръ, отнести психологію? Куда отнести теорію познанія? Вотъ вопросы, которые естественно возникаютъ при разсмотрѣннн схемы Конта. Неполнота этой послѣдней была давно отмѣчена даже такими послѣдователями знаменитаго французскаго философа, какъ, напримѣръ, Литтре, Джонъ Стюартъ Милль и др. Литтре одинъ изъ первыхъ отмѣтилъ, что „въ позитивной философіи недостаеетъ этики, эстетики и психологіи, но онѣ входятъ въ нее по существу. Пока онѣ не выработаны, до тѣхъ поръ множество дѣйствительно философскихъ понятій остаются внѣ общаго строя ихъ (*déclassé*), безъ опредѣленнаго мѣста, безъ связи, и чуждыя цѣлому“. „Далѣе, говоритъ Литтре,—„теорія субъекта составляетъ необходимое дополненіе теоріи объекта. Для того, чтобы позитивная философія явилась законченной, ей необходимы еще три главы, заключающія очерки этики, эстетики и психологіи“. Но это сотрудничество этики, эстетики и психологіи, различающееся отъ ихъ сотрудничества въ прежнія времена, когда всѣ онѣ находились подъ вліяніемъ теологіи и метафизики, должно происходить лишь путемъ методическаго ихъ подчиненія (іерархіи) объективному знанію и находиться подъ ихъ постояннымъ контролемъ“¹⁾. При этомъ Литтре отмѣчаетъ тутъ же, что въ мысляхъ самого О. Конта къ концу его жизни смутно носились подобныя же идеи „болѣе или менѣе о томъ же“, и Контъ даже размышлялъ о новой работѣ, которая должна была называться „субъективнымъ синтезомъ“.

Литтре, повидимому, не соглашается и съ другимъ пробѣломъ въ си-

¹⁾ Littré. „Auguste Comte et la philosophie positive, p. 663.

стемъ наукъ Конта, именно по отношенію къ логикѣ. „Контъ упустилъ изъ виду,—говоритъ Геффдингъ,—что есть основныя понятія познанія, которыя еще болѣе понятны и просты, чѣмъ понятія числа,—именно, понятія тождества и различія въ томъ смыслѣ, какъ ихъ понимаетъ логика, т.-е. не только, какъ количественныя тождества и различія, но и какъ качественные. Такимъ образомъ, въ своей системѣ наукъ Контъ не далъ перваго члена“¹⁾. Впрочемъ, на протяженіи своего „Курса позитивной философіи“, и въ „Позитивной политикѣ“, и въ письмахъ Контъ нѣсколько разъ упоминаетъ о логикѣ, давая ей слѣдующія опредѣленія: „логика,—говоритъ онъ въ одномъ мѣстѣ,—это естественное сочетаніе чувствованій, образовъ и знаковъ, имѣющее цѣлью внушить намъ понятія, которыя соотвѣтствуютъ нашимъ моральнымъ, интеллектуальнымъ и физическимъ потребностямъ“. Въ другомъ мѣстѣ Контъ даетъ логикѣ уже совершенно другое опредѣленіе и разсматриваетъ ее, какъ „опредѣленное сочетаніе способовъ, которые могли бы раскрыть передъ нами истины, соотвѣтствующія нашимъ нуждамъ“. Изъ этихъ двухъ опредѣленій видно, это идеи Конта о логикѣ не отличались достаточной ясностью“²⁾.

Что касается до психологіи, то Контъ отказывался считать и ее особой наукой и поэтому не отводилъ ей самостоятельнаго мѣста въ своей классификаціи наукъ. Онъ даже энергично оспаривалъ возможность самонаблюденія. „Всѣ явленія наблюдаетъ нашъ духъ,—говорилъ онъ.—Но чѣмъ же наблюдать намъ его самого? Вѣдь нельзя же раздѣлить свой духъ на двѣ части, одна изъ которыхъ дѣйствуетъ въ то время, какъ другая изслѣдуетъ, какъ онъ это дѣлаетъ?“ Въ „Курсѣ позитивной философіи“ Контъ повторяетъ свои соображенія противъ самонаблюденія³⁾. Противъ такого отношенія къ психологіи выступилъ Джонъ Стюартъ Милль, который въ своей книгѣ „О. Контъ и позитивизмъ“, между прочимъ, писалъ слѣдующее: „Контъ вообще отвергаетъ, какъ ни къ чему не ведущій процессъ, собственно, такъ называемыя, психологическія наблюденія или, другими словами, внутреннее сознаніе,—по крайней мѣрѣ, по отношенію къ нашимъ умственнымъ операціямъ. Въ своемъ линейномъ ряду наукъ онъ не отводитъ мѣста психологіи и повсюду говоритъ о ней съ пренебреженіемъ. Изученіе внутреннихъ явленій или, какъ онъ выражается, интеллектуальныхъ и нравственныхъ отправленій, помѣщено у него подъ рубрикой біологіи, но и то какъ вѣтъ физиологіи. Наши познанія объ умѣ человѣческомъ, полагаетъ Контъ, должны пріобрѣтаться черезъ наблюденія другихъ людей. „Но какимъ же образомъ,—возражаетъ Милль,—мы будемъ тогда въ состояніи наблюдать умственные операціи у другихъ людей и объяснять ихъ проявленія, если знаніе самихъ себя не показываетъ намъ, что значатъ эти проявленія?“ Этому Контъ не опредѣлилъ. Ему казалось, что самонаблюденіе можетъ дать намъ весьма небольшое относительно чувство и ничего не даетъ касательно разума. Онъ полагалъ, что нашъ умъ въ состояніи наблюдать все другое, кромѣ себя самого, что мы не въ силахъ наблюдать свое наблюденіе и разсужденіе во время самыхъ процессовъ; и если бы мы захотѣли слѣлать это, то вниманіе къ самому рефлексу уничтожило бы объектъ, остановивъ собой наблюдаемый процессъ“. Милль, напротивъ, держится того мнѣнія, что „человѣческой умъ въ силахъ не только сознать, но и активно воспринимать въ одно и то же время значительное число (внутреннихъ и внѣшнихъ) впечатлѣній. Правда, вниманіе ослабляется распаденіемъ, и это составляетъ специальное затрудненіе при психологическихъ наблюденіяхъ, которыя вполне признаются психологами. Но трудность не есть еще невозможность. Далѣе,—говоритъ Милль,—вѣроятно, и самому Конту было извѣстно, что фактъ можетъ быть изучаемъ при посредствѣ памяти, и не въ тотъ самый моментъ, когда мы его замѣчаемъ, а послѣ: этимъ-то путемъ, дѣйствительно,

1) Геффдингъ. „Исторія новѣйшей философіи“.

2) d'Audiffrent. „Auguste Comte. Sa plus puissante émanation“. (Юбилейное изданіе).

3) „Cours de philosophie positive“. Т. I, стр. 2. Т. III, стр. 564. Т. IV, стр. 605. Изд. 2-е.

и приобрѣтаются наши познанія объ умственныхъ фактахъ вообще. Мы разсуждаемъ о томъ, что дѣлали, когда самое дѣйствіе уже прошло, но когда въ памяти еще свѣжо его впечатлѣніе. Видѣ этихъ путей мы не могли бы приобрѣсти знаній о томъ, что происходитъ въ нашемъ умѣ,—знаній, которыхъ у насъ никто не отрицаетъ. Самъ Контъ едва ли бы сталъ утверждать, что мы невѣжды относительно нашихъ умственныхъ дѣйствій. Какъ бы мы ни изучали процессы нашихъ убѣжденій и изученій, въ то ли самое время, когда они совершаются, или же послѣ, при содѣйствіи памяти,—въ томъ и другомъ случаѣ мы изучаемъ ихъ непосредственно въ нихъ самихъ, а не только въ ихъ результатахъ (какъ то, что мы дѣлаемъ въ состояніи сомнамбулизма). „Этотъ простой фактъ разрушаетъ, по мнѣнію Милля, всю Контову аргументацію противъ психологіи, какъ науки, основанной, между прочимъ, и на самонаблюденіи. То, что узнается нами непосредственно, мы можемъ и наблюдать непосредственно“ *).

§ 42. Классификація наукъ Г. Спенсера.

Опредѣленное мѣсто въ общей системѣ наукъ указано для логики и психологіи Гербертомъ Спенсеромъ въ его „Классификаціи“, которая построена на иномъ принципѣ, чѣмъ классификація Конта. На спенсеровской классификаціи наукъ необходимо нѣсколько остановиться, потому что она вноситъ весьма существенныя разъясненія въ дальнѣйшее развитіе нашего плана каталога.

Не указывая специально цѣли своей классификаціи, Спенсеръ ограничивается лишь указаніемъ общаго логическаго начала ея **). О классификаціи явленій природы у него не идетъ рѣчь. Его интересуютъ только науки. Прежде всего, что такое вообще классификація?

„Истинная классификація,—говоритъ онъ,—обнимаетъ въ каждомъ классѣ такіе предметы, которые имѣютъ больше общихъ свойствъ другъ съ другомъ, чѣмъ со всѣми другими предметами, исключенными изъ ихъ класса. Кромѣ того, свойства, общія предметамъ, сведеннымъ въ одну группу и не принадлежащая другимъ, должны быть важнѣе тѣхъ, которыя могутъ принадлежать другимъ предметамъ, т. е. должны покрывать большее число подчиненныхъ“. Поэтому,—продолжаетъ Спенсеръ, исходя изъ такихъ соображеній,—„если науки допускаютъ классификацію, то послѣдняя можетъ имѣть мѣсто только при сведеніи въ одинъ классъ предметовъ сходныхъ и при отдѣленіи отъ нихъ въ другіе классы предметовъ отъ нихъ отличныхъ, соотвѣтственно данному выше опредѣленію“. Прежде всего, Спенсеръ находитъ Контово дѣленіе всѣхъ наукъ на абстрактныя и конкретныя неудовлетворительнымъ и замѣняетъ его слѣдующимъ: „Самое широкое естественное дѣленіе наукъ,—говоритъ онъ,—состоитъ въ раздѣленіи ихъ на два такихъ класса: во-первыхъ, на науки имѣющія предметомъ абстрактныя отношенія, въ которыхъ представляются намъ явленія, во-вторыхъ, науки, имѣющія предметомъ самыя явленія. Отношенія какого бы то ни было порядка имѣютъ болѣе родства другъ съ другомъ, чѣмъ съ какимъ бы то ни было предметомъ. Предметы какого бы то ни было порядка имѣютъ болѣе родства другъ съ другомъ, чѣмъ съ какимъ бы то ни было отношеніемъ“. Напр., пространство и время (отношенія) безусловно отличны отъ обнимаемыхъ ими вещей, и науки, занимающіяся только пространствомъ и временемъ, отдѣлены глубокою разграничительною линіею отъ наукъ, занимающихся вещами, заключенными въ пространство и времени. Пространство есть отвлеченная идея, обнимающая всѣ отношенія сосуществованія. Время есть отвлеченная идея, обнимающая всѣ отношенія преемства (послѣдовательности). И такъ какъ отношенія сосуществованія и преемства, въ своихъ общихъ и частныхъ формахъ, суть единственный предметъ логики и математики, то послѣдній составляетъ классъ

*) Д. С. Милль. „О. Контъ и позитивизмъ“. Изд. Тиблена, стр. 59—60.

***) М. Троицкій. Учебникъ логики, т. III, стр. 22.